P1
T-99
I.11

PV
1773

11

Основная библіотека

Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ

Шкафъ ..... Общій № 5513

Отдѣлъ Ja

№ отд. 588

47 1/1

Рд

00 К

35827

ЧИТАЛЬНЯ

Т, 922 Т XI — XIII. 6141

СОЧИНЕНІЯ

и

ПЕРЕВОДЫ

С. Тучкова.

Проверено 1946 г.
инв. 1936 г. № 35824
12374798
ПРОВ. 1989 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Іос. Іоаннесова.
1816 года.

ОТДЕЛ РЕДКОЙ КНИГИ

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Декабря 2 дня 1815 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ.

Гр. Яценковъ

НАПРАВЛЕНО В ОБМЕННЫЙ ФОНД.
206845

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПЯТИ КНИГЪ

ОДЪ

ГОРАЦІЯ ФЛАККА

СЪ

Приобщеніемъ опыта жизни сего стихотворца, Миѳологическихъ, Историческихъ и Географическихъ примѣчаній.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой части.

Стран.

Опытъ жизни Горація - - - 1.

ОДЫ ГОРАЦІЯ ФЛАККА Книга первая

ОДА I. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Всякой имѣетъ свою склонность, Гораціева къ стихотворству Лирическому* - - - - 41.

II. *Отмщеніе Боговъ за смерть Кесаря, Августъ только одинъ можетъ спасти Республику* - - - - 44.

III. *Къ кораблю на которомъ Виргилій отправляется въ Аѳины* - - - - 48.

IV. КЪ СЕКСТІЮ. *Возвращеніе весны и краткость жизни возбуждаетъ насъ къ забавамъ.* - - - - 51.

V. КЪ АГРИППѢ. *Не находитъ довольно силъ къ воспѣванію его подвиговъ* - - - 53.

Стран.

VI. КЪ ПЛАНКУСУ. *Похваляя пребываніе въ Тиволи, совѣтуетъ ему не забывать о винѣ* - - - - - 55.

VII. *Укоряетъ Лидію за то, что она любовію своею развращаетъ младаго Римлянина* 59.

VIII. КЪ ТАЛАРХУ. *Совѣтуетъ ему весело проводить зиму* 60.

IX. ГИМНЪ МЕРКУРІЮ - 62.

X. КЪ ЛЕВКОНОЮ. *Надлежитъ утѣшатся настоящимъ не проникая въ будущее* - - - - - 64.

XI. *Воспѣвъ Боговъ и Героевъ, сплетаетъ похвалы Августу* 66.

XII. КЪ РЕСПУБЛИКѢ. *Изображаетъ оную въ видѣ корабля и предостерегаетъ отъ возмущенія* - - - - 71.

XIII. *Предсказаніе Нерея о разрушеніи Трои* - - - 73.

XIV. *Проситъ прощенія у Тиндариссы за то, что писалъ противъ ее* - - - 76.

XV. КЪ ТИНДАРИССѢ. *Приглашаетъ ее въ свой загородной домъ* - - - - 78.

Стран.

ОДА XVI КЪ ВАРУСУ. *Умѣренное употребленіе вина возбуждаетъ разумъ, излишнее же раждаетъ ссоры* - - 80.

XVII. КЪ МЕЦЕНАТУ, *Извиняется въ посредственности своего вина* - - - 82.

XVIII. *Юношество Римское поетъ хвалы Діанѣ и Аполлону* - 84.

XIX. КЪ ФУСКУ. *Невинность и добродѣтель ничего нестрашатся* - - - - 85.

XX. КЪ ВИРГИЛІЮ. *О смерти Квинтилія* - - - - 87.

XXI. КЪ МУЗѢ. *Удаляясь заботъ воспѣваетъ друга своего Ламія* - - - - 89.

XXII. КЪ ДРУЗЬЯМЪ. *Не ссортесь за столомъ* - - 90.

XXIII. *Архитасъ Философъ города Тарента, разговариваетъ по смерти съ кормщикомъ о необходимости оной, и проситъ сдѣлать погребеніе его тѣлу* - - - - - 91.

XXIV. КЪ ИССІЮ. *Смѣется надъ нимъ, что онъ оставя философію принялся за оружіе* 94.

ОДЫ XXV КЪ ВЕНЕРѢ. *Призываетъ ее къ жертвамъ приносимымъ Глицерой* - - 95.
XXVI. КЪ АПОЛЛОНУ. *Не богатства просятъ у него стихотворцы* - - - - 96.
XXVII. КЪ ЛИРѢ. - - - 98.
XXVIII. *Притворствуетъ въ почтеніи Боговъ* - - - - 100.
XXIX. КЪ БОГИНѢ ЩАСТІЯ - 101.
XXX. *Поздравляетъ Нумидія съ возвращеніемъ изъ Гишпаніи* 105.
XXXI. КЪ ДРУЗЬЯМЪ. *Возбуждаетъ ихъ радоватся о смерти Клеопатры* - - 106.
XXXII. КЪ СВОЕМУ СЛУГѢ - 108.
ОДЫ ГОРАЦІЯ Книга вторая.
ОДА I. КЪ ПОЛЛІОНУ. *Совѣтуетъ ему оставить на нѣкоторое время Трагедію и заняться сочиненіемъ повѣсти о междоусобныхъ браняхъ* - - - - - 111.
II. КЪ САЛУСТІЮ. *О употребленіи богатства* - - 114.
III. КЪ ДЕЛІЮ. - - - 116.
IV. КЪ СЕПТИМІЮ. *О томъ, что онъ предпочитаетъ Тиволи и Тарентъ всѣмъ мѣ-*

Стран.

стамъ на свѣтъ и желаетъ проводить въ оныхъ остатокъ жизни своей - - 118.

V. КЪ ПОМПЕЮ ВАРУСУ. *Поздравляетъ его съ возвращеніемъ въ Римъ.* - - - 120.

VI. КЪ ВАГЛІЮ. *Увѣщеваетъ его, чтобъ онъ не безпрестанно плакалъ о потерѣ своего сына* - - - 122.

VII. КЪ ЛИЦИНІЮ. *Всегда надлежитъ сохранять умѣренность и равнодушіе* - 124.

VIII. КЪ К. ГИРПИНУ. *Совѣтуетъ ему удаляясь заботъ, наслаждаться жизнію* - 126.

IX. КЪ МЕЦЕНАТУ. *О томъ, что Муза его не можетъ, пѣть о великихъ предметахъ.* 127.

X. *Противъ дерева, коего паденіе едва его незадавило* - 129.

XI. КЪ ПОСТУМУ. *О необходимости смерти* - - - 133.

XII. *На роскошь своего вѣка* - 135.

XIII. КЪ ГРОСПУ. *Чтобъ быть благополучну должно умѣрять свои страсти.* - 137.

Стран.

XIV. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Утѣшаетъ его въ болѣзни* - - 140.
XV. *Похваляетъ свою умѣренность* - - - - 142.
XVI. ДИѲИРАМВЪ КЪ БАХУСУ 145.
XVII. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Обѣщаетъ себѣ безсмертіе* - - 148.
ОДЫ ГОРАЦІЯ Книга третія.
ОДА I. *Блаженство смертныхъ зависитъ отъ ихъ добродѣтели* - - - - - 153.
II. КЪ ДРУЗЬЯМЪ. *Возбуждаетъ ихъ къ храбрости, добродѣтели и къ храненію тайнъ* - - - - 156.
III. *Отвращаетъ Августа отъ намѣренія перенести столицу Имперіи въ Трою.* - 159.
IV. КЪ КАЛЛІОПѢ. *Человѣкъ любимый Музами ничего не страшится.* - - - 163.
V. *Похваляетъ Августа, что онъ единымъ страхомъ своего оружія покорилъ народы Британскіе и Парѳянъ* - 168.
VI. КЪ РИМЛЯНАМЪ. *Забвеніе Боговъ причиною ихъ бѣдъ.* 172.
VII. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Призываетъ его къ себѣ на праздникъ.* 176.

VIII. КЪ МЕРКУРІЮ. *О томъ, сколь жестоко свирѣпство наказывается по смерти* - 178.
IX. КЪ ИСТОЧНИКУ БЛАНДУЗІЙСКОМУ - - - 182.
X. КЪ РИМЛЯНАМЪ. *Похвалы Августу* - - - 183.
XI. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Злато все можетъ; но съ нимъ часто бываемъ мы нещастливы. — Умѣренность составляетъ истинное наше благополучіе* - - - 186.
XII. КЪ ЛАМІЮ - - - 190.
XIII. КЪ ФАВНУ - - - 191.
XIV. КЪ ТЕЛЕФУ - - - 193.
XV. КЪ БУТЫЛКѢ - - - 195.
XVI. КЪ ДІАНѢ - - - 197.
XVII. КЪ ФИДИЛУ. - - - 198.
XVIII. ПРОТИВЪ СКУПОСТИ - 200.
XIX. КЪ ВАХУСУ. *Восхитясь его духомъ, сплетаетъ похвалы Августу* - - - 205.
XX. КЪ ВЕНЕРѢ. *Отрицается ея забавъ* - - - 207.
XXI. КЪ ГАЛАТЕѢ - - - 208.
XXII. КЪ ЛИДѢ - - - - 212.
XXIII. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Приглашаетъ его къ простому своему обѣду* - - - 213.

Стран.

XXIV. *Слава стиховъ его безсмертна* - - - - - 217.

ОДЫ ГОРАЦІЯ Книга четвертая.

ОДА I КЪ ЮЛЮ АНТОНІЮ - 221.

II. КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ - - 225.

III. *Воспѣваетъ побѣду Друза* 227.

IV. КЪ АВГУСТУ. *Призываетъ его въ Римъ* - - 231.

V. ГИМНЪ АПОЛЛОНУ И ДІАНѢ - - - - - 234.

VI. КЪ ТОРКВАТУ. - - 237.

VII. КЪ ЦЕНЗОРИНУ - - 239.

VIII. КЪ ЛОЛЛІЮ - - - 242.

IX. КЪ ЛИГУРИНУ - - 245.

X. КЪ ФИЛЛИДѢ - - - 246.

XI. КЪ ВИРГИЛІЮ - - 247.

XII. КЪ ЛИЦЕѢ - - - 250.

XIII. КЪ АВГУСТУ. *Прославляетъ побѣду Тиверія* - - 252.

XIV. КЪ АВГУСТУ *Коль благополученъ Римъ подъ его владѣніемъ* - - - - 255.

ЭПОДЫ ГОРАЦІЯ Книга пятая.

ЭПОДА I КЪ МЕЦЕНАТУ. *Горацій хочетъ послѣдовать за нимъ на войну противъ Антонія* 259.

II. *Похвала сельской жизни* - 262.

III. *Противъ чесноку.* - - 266.

IV. *Противъ Менаса, отпущенника великаго Помпея* - 268.
V. *Противъ гародѣики Канидіи* 270.
VI. *Противъ Кассія Севера, злосл внаго Оратора* - - 275.
VII. КЪ РИМЛЯНАМЪ. *Отвращаетъ ихъ отъ междоусобной Брани* - - - 277.
VIII. КЪ МЕЦЕНАТУ. *Прославляетъ побѣду Актіумскую.* 280.
IX. *Противъ Мевія* - - - 284.
X. КЪ ДРУЗЬЯМЪ. *Возбуждаетъ ихъ къ забавамъ.* 286.
XI. *Должно оставить Римъ всегда терзаемый междоусобіями.* - - - - - 288.
XII. КЪ КАНИДІИ. *Проситъ у нее прощенія въ томъ что писалъ противъ ее.* - - 293.
XIII. *Канидія отвѣтствуетъ, что онъ не заслуживаетъ прощенія.* - - - - 297.
XIV. ПОЕМА НА НОВОЕ СТОЛѢТІЕ, или ГИМНЪ АПОЛЛОНУ и ДІЯНѢ. - - 298.

ПРИМѢЧАНІЯ.

		Стр.
На Книгу	I. - - - -	306.
На ———	II. - - - - -	325.
На ———	III. - - - - -	333.
На ———	IV. - - - - -	342.
На ———	V. - - - - -	346.

ОТЪ ТРУДИВШАГОСЯ

ВЪ

ПРЕЛОЖЕНІИ.

Рѣдкіе переводы сохранили въ себѣ всю точность и красоты подлинниковъ, а наипаче стихотворные; и потому преложить въ стихи творенія славнаго Римскаго Лирика, многіе почтутъ великимъ дерзновеніемъ. Въ чемъ нѣтъ никакого противурѣчія; однакожъ надлежитъ согласиться и съ тѣмъ, что трудъ переводчика довольно уже награжденъ, когда сохранитъ въ себѣ хотя нѣкоторыя красоты и мысль сочинителя, если оныя въ переводѣ и нестоль сильно будутъ выражены.

Всѣмъ любителямъ стихотворства знающимъ иностранныя языки, безъ сомнѣнія извѣстны сочиненія Горація, и каждый знаетъ, что Оды его наполнены превосходнѣйшимъ краснорѣчіемъ, прекрасными стихотворческими вымыслами, оживлены восхитительными вы-

раженіями, тонкими оборотами ума и содержать наилучшія нравоучительныя мысли. Щастливымъ почту я себя, естьли хотя одно изъ сихъ достоинствъ перенесено будетъ мною въ отечественной мой языкъ. Немѣцкіе писатели, а наиболѣе Французскіе, неоднократно переводили творенія Горація стихами и прозой, хотя о нѣкоторыхъ преложеніяхъ весьма къ стати можно сказать сію Французскую Эпиграму.

Il faudroit, soit dit entre nous
A deux Divinités offrir ces deux Horaces
Le latin à Venus, la Deesse des graces
Et le francois à son epoux

то есть:

Двумъ разнымъ Божествамъ
Трудомъ Горація, мы здѣлаемъ услугу;
Латинской украшать Венеры долженъ храмъ,
Французской посвятимъ богини сей супругу.

Но что принадлежитъ до Французскаго перевода изданнаго Г. *Ботто* и другаго неизвѣстнымъ, подъ

названіемъ Oeuvres choisis d'Horaces. *Избранныя творенія Горація*, оныя отъ всѣхъ знатоковъ почитаются наилучшими. Вспомоществуемъ ими, а также совѣтами и переводомъ Г-на Шиповскаго, предпріялъ я сей трудъ.

Окончивъ преложеніе первой части творенія Горація, содержащей въ себѣ его Оды должно сказать, что я не приступилъ къ переводу второй, которая заключаетъ въ себѣ его Сатиры, Епистолы и письмо о стихотворствѣ. Мало упражняясь въ семъ родѣ сочиненій на природномъ моемъ языкѣ, трудно и почти не возможно представилось мнѣ, сохранить остроту шутокъ и тонкость оборотовъ, при переводѣ Сатиръ его стихами. —

Нѣкоторые изъ любителей Россійскаго стихотворства ознаменовавшіе себя хорошими сочиненіями и переводами, подавали мнѣ разныя совѣты, касательно преложенія Одъ Гораціевыхъ. Иные хотѣли, чтобъ перевелъ я ихъ употребительными наиболѣе въ

Россійскомъ языкѣ стихами съ Риѳмами; другіе напротивъ желали, чтобъ я оныя преложилъ бѣлыми стихами; но я рѣшился въ семъ случаѣ послѣдовать удобству и тому, къ чему наше стихотворство больше обыкло, и написалъ большую часть Одъ съ Риѳмами; а бѣлыми стихами только тѣ, въ которыхъ множество собственныхъ имянъ наноситъ великое затрудненіе какъ въ стопосложеніи, такъ и въ Римѳахъ.

ОПЫТЪ ЖИЗНИ ГОРАЦІЯ.

Слѣдуя изданію Г Алгаротія (1)

Изображеніе древняго Рима представляется взору нашему. Тщательное любопытство недовольно зрѣніемъ знаменитѣйшихъ мѣстъ сего славнаго града, какъ то: Форума или Торжища, поля Марсова, священныхъ стѣнъ Капитоліи, куда гласъ славы призывалъ побѣдителей свѣта; но и о мѣстахъ менѣе сего извѣстныхъ хочетъ

(1) Францискъ Алгароти, родомъ изъ Венеціи, отличилъ себя многими знаніями въ наукахъ и художествахъ, за что уважаемъ былъ отъ многихъ Государей Европы, паче же отъ Фридриха II го Короля Прускаго, которой пожаловалъ ему Графское достоинство и чинъ Камергера. Умеръ въ Пизѣ въ 1764 году. Онъ самъ воздвигъ себѣ надгробной памятникъ, паче по любви къ изящнымъ наукамъ, нежели по желанію прославиться, съ сею надписью: Hic iacet

имѣть понятіе, даже до улицъ (1), гдѣ продавались благоуханныя воды и гдѣ изчезали роботы мелкихъ писателей.

Читая жизнь славныхъ полководцевъ, Піитовъ и философовъ, находимъ мы, что самыя малѣйшія особенности и совсемъ даже несвойственныя ихъ талантамъ и знаніямъ, становятся для насъ предмѣтомъ наитщательнѣйшей точности. Кажется что великіе люди удѣляютъ и на оныя некоторую искру своего сіянія.

Естли мы любимъ слѣдовать подробно за мелкостями въ жизни людей обретшихъ славу свѣта; то можемъ ли мы быть равнодушны къ удовольствію знать нравъ и чувствія такого человѣка, каковъ былъ Го-

---

Alqavottas, sednon omnis (здѣсь лежитъ Алгаротти, но не весь). Сочиненія его изданныя на Италіанскомъ языкѣ заключаютъ въ себѣ разговоры о Невтоновой Философіи, опытъ о живописи, мызыкѣ и Архитектурѣ, разсужденіе о нуждѣ писать на собственномъ языкѣ, опытъ о Французскомъ языкѣ, опытъ о Риѳмѣ, о продолженіи Царствованія Римскихъ Царей, о Инкахъ, о Кортезіи, и опытъ о комерціи.

(1) . . . . In vicum vendentem thus et odores,
Eet piper, t quid quid chartis amicitur ineptis,

рацій, и имѣть предъ очами точное изображеніе сего стихотворца, которой можетъ быть болѣе всѣхъ приближился къ совершенству своего искуства, чрезъ щастливое смѣшеніе пріятнаго съ полезнымъ; которой, бывъ одаренъ тонкимъ разумомъ, твердымъ разсужденіемъ, присоединяетъ къ сему великое множество знанія, имѣетъ вольную мысль среди благополучія и изливаетъ пріятность на свои нравоученія, украшая оныя всѣми прелестями стихотворства.

Внимательное чтеніе его сочиненія совершенно намъ его покажетъ, откроетъ правила его любомудрія, образъ его жизни, его предубѣжденія, яко человѣка упражнявшагося въ словесныхъ знаніяхъ, и разныя приключенія, которыя по возможности, такъ сказать, почти возвратятъ жизнь сему достойному любви стихотворцу.

Квинтъ Грацій Флаккъ родился въ Венузѣ (1) въ лѣто отъ построенія Рима 689, за 65 лѣтъ до Рожде. Хр. въ небольшомъ городѣ, гдѣ соединяется Апулія съ Луканіею, во время Консульства Манлія (2).

---

(1) . . . . Sequor hunc Lucanis, an Appulus anceps: Nam Venusinus arat sub utrumque colonus

(2) O nata mecum consule Manlio.

Отецъ его былъ человѣкъ простаго состоянія (1), отвезъ его въ Римъ и хотѣлъ чтобъ онъ тамо научился всѣмъ знаніямъ, кои входятъ въ начертаніе отличнѣйшаго воспитанія. Будучи увѣренъ, что перьвыя понятія заключаютъ въ себѣ сѣмена нашего благополучія, и что нѣтъ для дѣтей драгоцѣннѣйшаго наслѣдія, какъ хорошее воспитаніе (2), онъ неупускалъ ни на минуту изъ вида поступковъ своего сына и старался колико возможно приобучать его къ общественнымъ добродѣтелямъ, дабы онъ, будучи пущенъ въ свѣтъ небылъ въ ономъ чужестранцомъ, или какъ бы пренесеннымъ въ другой Міръ. Онъ старался больше примѣрами, нежели правилами (3), впечатлѣть въ нѣжную еще его душу отвращеніе къ порокамъ и любовь къ до-

---

(1) . . . Rodunt me libertino patre natum.

(2) Ipse mihi custos incorruptissimus omnes
Circum doctores aderat. . . . . .

(3) . . . Insuevit pater optimus hoc me,
Ut fugerem exemplis vitiorum quæque notando.
Cum me hortaretur parcè, fragaliter atque
Viverem uti contentus eo quod mi ipse parasset:
Nonne vides Albi ut male vivat filius, ut que
Barrus inops? Magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit. et. cet.

бродѣтели (1). Путешествіе въ Аѳины и ученіе философіи отъ послѣдователей Платона, Аристотеля, Зенона и Епикура окончили превосходное его воспитаніе

Умѣренность климата, пріятной воздухъ, выгодное положеніе для торговли, привлекательное и честное обращеніе гостепріемнаго народа, давшаго рожденіе свободнымъ художествамъ, общественныя зданія воздвигнутыя тщаніемъ Перикла, коихъ величественные остатки изображаютъ древнее ихъ великолѣпіе, пріятности тихой и свободной жизни привлекали въ Аѳины людей всякаго возраста и заставляли забывать въ нѣдрахъ спокойствія шумъ мірской.

Въ семъ городѣ (2) Горацій, участвуя въ благополучіи Брута, получилъ начальство надъ однимъ Легіономъ Римскаго войска. Слава не ожидала его подъ знаменами Марса (3; въ день знаменитаго Филипин-

---

(1) Adjecere bonae paulo plus artis Alhenae
Scilicet ut possem curvo dignoscere rectum
Atque inter Sylvas Academi quaerere verum.
(2) Dura sed amovere loco me tempora grata
Civilisque rudem belli tubit aestus in arma,
Caesaris Augusti non responsura lacertis,
(3) Tecum Philippos est celerem fmuga
Senai, relicta non benè parmula.

скаго сраженія бросилъ онъ недостойнымъ образомъ свой щитъ и обезславилъ себя стремительнымъ отъ непріятеля бѣгствомъ, послѣдуя въ томъ примѣру Алцея (1) Лирическаго стихотворца и Димосѳена, славнѣйшаго краснорѣчіемъ, нежели храбростію.

Изгнаніе, послѣдовавшее за побѣдою Августа, лишило Горація всего имѣнія, что заставило его прибѣгнуть къ Музамъ и возобновить союзъ, которой однакожъ война еще не совсемъ разрушила, какъ видно сіе въ одной изъ его Сатиръ.

Римляне (2), бывъ совершенно преданы военному дѣлу, занимались единственно завоеваніемъ свѣта и весьма поздно обратились къ словеснымъ наукамъ. Послѣ двухъ первыхъ Пуническихъ войнъ, начали они читать, переводить и подражать Греческимъ стихотворцамъ, преимущественно

(a) Алцей, или Алкей, перьвой Лирической стихотворецъ въ Греціи, былъ родомъ изъ Митилены, сперьва служилъ въ войскѣ, а потомъ упражнялся въ стихотворствѣ. Умеръ за 604 года до Р. Х. нѣкоторые отрывки его сочиненія достигли до насъ.

(2) Serus enim Graecis admovit acumina chartis,
Et post punica bella quietus quaerere coepit
Quid Sophocles, et Thespis, et Aeschilus utile ferrent.

же тѣмъ, кои трудились для Ѳеатра. Ливіи Андроникъ (1) первый далъ своему народу понятіе о ихъ Трагедіи. Онъ былъ послѣдуемъ Ассіемъ (2), Коссиліемъ, Пакувомъ Невіемъ (3) и Теренціемъ (4), которой

---

(1) Ливіи Андроникъ, древній Латинской Комической стихотворецъ, процвѣталъ при Консульствѣ Клавдія Центона, за 240 лѣтъ до Р. Х. Тогда была представлена перьвая его Піеса. Во время младенчества Драмматической науки, стихотворцы сами представляли свои сочиненія. Андроникъ. повторяя свои стихи и помѣшавшись, приказалъ ихъ повторить своему невольнику, сіе то было началомъ разговора между двумя Актерами. Отрывки Андрониковыхъ піесъ незаставляютъ сожалѣть о томъ, что много изъ нихъ потеряно. Слогъ его былъ грубъ, такъ какъ и тотъ вѣкъ. Нѣкоторая часть его сочиненій находится въ собраніи имянуемомъ com'a la'ini.

(2) Ассій, Коссилій и Пакувъ стихотворцы жившіе послѣ Ливія Андроника.

(3) Невій Кней Римской комической стихотворецъ. Перьвая его комедія представвлена была за 239 лѣтъ до Р. Х. изъ сочиненіи его достигли до насъ только нѣкоторые отрывки и Исторія о Пунической войнѣ

(4) Теренцій или Терентій (Публій Теренцій Аферъ) родился въ Карѳагенѣ за 186 лѣтъ

бывъ совоспитанникомъ Сципіона Африканскаго, показалъ на Ѳеатрѣ Римскомъ Комедіи Менандровы (1) переодѣтыя имъ въ Римское одѣяніе. Луцилій (2) учинилъ себя извѣстнымъ Сатирами, хотя съ примѣсью Аттической соли; но сочи-

---

до Р. Х. Онъ былъ похищенъ въ младенчествѣ Нумидіянами во время ихъ набѣговъ и проданъ Теренцію Лекану Сенатору Римскому, которой доставивъ ему превосходнѣйшее воспитаніе даровалъ и свободу. Онъ принялъ имя своего благотворителя, что было отъ части обычаемъ у Римлянъ. Теренцій былъ наилучшій комикъ своего времени; комедіи его и понынѣ въ уваженіи. Онъ умеръ въ Стимпфалѣ городѣ Аркадійскомъ за 156 лѣтъ до Р. Х.

(1) Менандръ родился въ Аѳинахъ за 342 года до Р. Х. умеръ 52 лѣтъ отъ роду. Сей Комикъ почтенъ былъ между Греками начальникомъ новой комедіи. Изъ 108 комедій сочиненныхъ симъ стихотворцомъ, остались весьма малые отрывки, которые изданы Леклеркомъ въ 1709 году.

(2) Луцилій Каій, Римской Кавалеръ, родился въ Суессѣ, за 147 лѣтъ до Р. Х. Онъ почитается изобрѣтателемъ Сатиры между Латинцами, потому что показалъ ее въ послѣднемъ видѣ, въ каковомъ приняли отъ него Гора-

ненными имъ въ Римскомъ вкусѣ. Плавтъ (1) забавлялъ народъ нѣсколько времяни до Теренція, и былъ утѣхою хорошихъ обществъ. Енніи (2) производилъ поистинѣ

цій, Персій и Ювеналъ: а хотя Эннiй и Плавтъ и трудились въ семъ родѣ, но опыты ихъ были грубы. Луцилій ихъ превзошелъ, такъ какъ послѣ того и самъ былъ превзойденъ. Изъ 30 его Сатиръ остались только нѣкоторые отрывки. Онъ умеръ въ Неаполѣ 45 лѣтъ отъ рожденія. Дарованія его были отъ нѣкоторыхъ до крайности уважаемы, такъ что они, ходя съ плешьми, наказывали тѣхъ, кои осмѣливались порицать его стихи, не взирая на то, что оныя имѣли много недостатковъ.

(1) Плавтъ (Marcus-Accius Plautus) такъ прозванный по мнѣнію Секста Помпея, потому что имѣлъ широкія ноги. Мы получили отъ него 19 комедій; но должно думать, что многія изъ оныхъ утратились. Смерть постигла его за 184 года до Р. Х. Плавтъ весьма похваляется за исправность своего слога; но во времяна Августовы не имѣлъ онъ сей славы, однакожь, не взирая на сіе, комедіи его были играны при Діоклитіанѣ: что было 500 лѣтъ послѣ его смерти.

(2) Енній Лирической стихотворецъ тѣхъ же времянъ.

грубые тоны Епическою трубою; но громкіе и проницательные, достойные нѣкоторымъ образомъ его предмѣта, то есть: Сципіона, котораго онъ пѣлъ въ своихъ стихахъ. Предоставлено было вѣку Августа видѣть стихотворство на вышшей степени совершенства. Музы показали въ Овидіѣ (1), какую легкость, оборотливость и плодовитость могутъ онѣ дать человѣческому ра-

---

(1) Публій Овидій Назонъ, Кавалеръ Римской, родился въ Сулмонѣ въ Пелинской странѣ, что нынѣ Аббрузѣ, за 43 года до Р. Х. былъ долгое время утѣхою Римскаго общества и почитаемъ Августомъ, наконецъ неизвѣстно по какимъ причинамъ на 50 году отъ рожденія сосланъ былъ въ заточеніе въ Тому на Черномъ морѣ, гдѣ и умеръ, 7 лѣтъ спустя послѣ своего изгнанія. Онъ сочинилъ себѣ слѣдующую надгробную надпись:

Hic ego qui jaceo, tenerorum lusor amorum
Jngenio perii Naso pôeta meo.
At, tibi qui transis, ne sit grave quisquis amasti,
Dicere: Nasonis molliter ossa cubant.

то есть.

Здѣсь лежитъ Назонъ, пѣвецъ нѣжныя любви погибшій за злоупотребленіе своихъ дарованій. — Но ты прохожій, естли когда либо

зуму. Въ Виргиліѣ (1) явили онѣ соперника великаго Гомера ему равнаго, побѣдителя Ѳеокрита (2) и подражателя Гезіода (3). Въ Горацiѣ же всѣхъ Лирическихъ Стихотворцовъ, которые въ теченіи двухъ

былъ влюбленъ, непочти въ тягость сказать: здѣсь покоятся кости Назоновы.

Сочиненія его достигшія до насъ суть слѣдующія: 1е Превращенія. 2е Записки достопамятныхъ и славныхъ дѣяній. 3е Плачь и Елегіи. 4е Ироиды. 5е Три книги о любви. 6е Ибисъ Поема Сатирическая. 7е Отрывки нѣкоторыхъ твореній и 8е Трагедія Медея; но сія послѣдняя до насъ недостигла.

(1) Публій Виргилій Маронъ, названный начальникомъ Латинскихъ стихотворцовъ, родился близь Мантуи отъ горшешника за 70 лѣтъ до Р. Х. умеръ на 51 году. Сей Піитъ весьма любимъ былъ Августомъ и всѣми великими людьми своего времяни. Онъ сочинилъ Эклоги, Буколики, Георгики и Поему-Енеиду.

(2) Ѳеокритъ древній Греческой стихотворецъ весьма знаменитый своими сочиненіями.

(3) Гезіодъ или Гесіодъ, Греческой стихотворецъ, родился въ Кумахъ что въ Эолидѣ. По общему мнѣнію былъ современникъ Гомеру, однакожъ Веллей Патеркулъ пола-

вѣковъ украшали Грецію, изъ коихъ знатнѣйшіе были: Стезихоръ, Архилогъ, Сафо, Алцей и Пиндаръ ихъ глава. Горацій естли ему вѣрить (1), не смѣлъ слѣдовать ихъ стопамъ; но между тѣмъ видимъ мы его (2) возвышающагося до высоты полета Дирцейскаго Лебедя (3). Онъ неслѣдовалъ (4) ни особому образу, ни содержанію сочиненія Сафы и Алцея; но подражалъ имъ въ ихъ возходѣ и пути, исполненъ ихъ возхищеніемъ и нѣкоторымъ образомъ оду-

---

гаетъ, что онъ жилъ 120 лѣтъ послѣ его. Отъ него осталась намъ Поема о земледѣліи, имянуемая *труды и дни.* Виргилій подражалъ ему въ своихъ Георгикахъ. — И еще рожденіе Боговъ и Геркулесовъ щитъ.

(1) Pindarum quisquis studet imitari,
Jule, ceratis ope Daedaleâ
Nititur pennis, vitreo daturus
Nomina ponto.

(2) А наипаче въ двухъ одахъ: Qualem ministrum Caelo
Tonantem... justum et tenacem... Quemv Melpomene semel

(3) Multa Dircoeum levat aura Cycnara.

(4) Libera per vacuum posui vestigia princeps,
Non aliena meo pressi pede.

шевленъ ихъ духомъ; поистинѣ настоящій Піитъ подлинной и непростой подражатель, какъ непріятели его въ семъ укоряютъ. — И точно, нравоученіе, коимъ дышутъ его Оды, красивой безпорядокъ въ нихъ царствующій, блистающія Метафоры, которыя разливаютъ въ оныхъ яркое сіяніе, небрежность, щастливое дѣйствіе искуства и источникъ пріятностей свойственныхъ наидостойнѣйшимъ любви стихотворцамъ, утверждаютъ его побѣду надъ всѣми его совмѣстниками въ Лирическихъ твореніяхъ.

Друзья его, два стихотворца: Виргилій и Варій (1) представили его Меценату, искусному царедворцу, которой многіе годы былъ любимцемъ Августовымъ. Горацій принятъ былъ имъ милостиво; сперва облагодѣтельствованъ; а напослѣдокъ пользовался величайшею его искренностію. Ле-

---

(1) Варій Римской стихотворецъ, другъ Виргилія и Горація, весьма славенъ Епическими твореніями. Онъ процвѣталъ во время Императора Августа.—Сочинилъ нѣсколько Трагедій; но оныя до насъ недостигли. Нѣкоторыя его отрывки помѣщены въ Меттеровомъ собраніи Латинскихъ стихотворцевъ.

гко можно себѣ представить, что такой другъ могъ ходатайствовать за него у побѣдителя Брутова. Между тѣмъ, въ семъ ходатайствѣ Меценатъ имѣлъ въ виду свою пользу относительно къ Государю, котораго хотѣлъ онъ умягчить нравъ. Жестокость Августова должна была уступить добродѣтельному любомудрію, говорящему пріятнымъ гласомъ Музъ. Его воспитаніе, достойное пріемнаго сына Юлія Кесаря, помогло возторжествовать стихотворству.

Поистинѣ, стихотворецъ сей, дабы возбудить въ душѣ Августовой любовь къ тишинѣ, по совѣту Мецената сочинилъ прекрасную Аллегорію, въ которой изобразилъ онъ республику въ видѣ корабля коего разбитыя бурею бока угрожаютъ неминуемою ему погибелью, естли будетъ столько дерзокъ, что осмѣлится оставить пристань, дающую ему нынѣ надежное убѣжище. Опасаясь чтобы Октавіи не вздумалъ исполнять предпріятіе приписуемое Юлію Кесарю тоесть, перенести престолъ Императорской въ Александрію либо въ Трою, что причинило бы паденіе Рима и Италіи и что доказалъ Константинъ Горацій вознамѣряся упредить сіе нещастіе, начерталъ для сего въ одной Одѣ

(1) постоянство справедливаго человѣка и божественныя почести, кои увѣнчаваютъ оное въ видѣ Ромула. Юнона, не утолимая Юнона противустоитъ тому, чтобъ какой либо герой крови Троянской былъ включенъ въ число Боговъ.—Разрушеніе Илліона представляется ея духу — и мѣсть исполнена.— Она соглашается раздѣлять съ Ромуломъ служеніе приносимое ей смертными. Доколѣ, вѣщаетъ она, буду я зрѣть, что стада попираютъ ногами прахъ Пріамовъ и Парисовъ? Римляне будутъ владѣть свѣтомъ; но хотябъ вспомоществуемы бывъ Аполлономъ, трикратно мѣдными стѣнами окружили Трояне возраждающійся ихъ градъ, Греки мои, соединясь, три краты ихъ стѣны разрушатъ.

Философія Епикурова, равно любимая Гораціемъ, какъ и Меценатомъ, утвердила союзъ ихъ дружества, которому стихотворство сдѣлало начало.—Въ связи сего друже-

---

(1) Justum et tenacem propositi virum, est:
Dum Priami Paridis que busto
Jnvultet armentum. . . . . :
. . . . . Setet Capitolium
Fulgens, triumphatisque possit
Roma ferox dore jura Mediset:

ства заключается множество великихъ имянъ Стихи Лукреція (1), а наипаче вольность, кою позволяетъ онъ страстямъ, умножая его славу, разспространили нещастное владычество оныхъ. Читая нѣкоторыя мѣста въ Горацiѣ можно подумать, что стихотворецъ сей Академикъ и что Сцептизмъ

---

(1) Лукрецій (Титъ Каръ) Стихотворецъ и Философъ Римскій, родился въ Римѣ отъ древней фамиліи, почти за 100 лѣтъ до Р. Х. Обучаясь въ Аѳинахъ почерпнулъ начала Епикуровой Философіи. Онъ перьвой показалъ въ Римѣ Физику украшенную цвѣтами Стихотворства. Сей стихотворецъ и Философъ, послѣдуя Анаксимандру, принялъ его безпредѣльность; а Демокриту въ разсужденіи Атомовъ. Онъ старался примирить или согласить начала сихъ двухъ Философовъ съ началами Епикуровыми въ Поемѣ своей состоящей изъ 6ти книгъ подъ названіемъ de rerum natura (*о естествѣ вещей*) Никто и никогда не отвергалъ такъ дерзко промысла и неговорилъ такъ безразсудно о верховномъ существѣ, какъ Лукрецій. Кажется, что цѣль его была только та, чтобъ опровергнуть владычество Божества и похитить у человѣка тѣ утѣшенія, кои почерпаетъ онъ изъ Религіи. По мнѣнію его, ничто не существуетъ кромѣ пустоты и Атомовъ.

есть любезнѣйшая его Система. Можно заключить, что онъ не имѣетъ другихъ предположеній, какъ не имѣть никакихъ, плавая въ безконечной неизвѣстности. — Но постоянное онаго чтеніе открываетъ величайшую его привязанность къ Епикуризму, которой вездѣ является въ послѣдованіи его жизни. Совершенное согласіе царствуетъ въ правилахъ Епикуровыхъ съ нравоученіями Горація. Оба изображаютъ въ своемъ поведеніи и въ своихъ писаніяхъ любовь спокойствія, забавъ и сель-

ЧЕЛЯБ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА.

Пустота есть нѣчто страдательное: вся дѣятельность находится въ Атомахъ; при посредствѣ ихъ движеній, ихъ Массъ и ихъ фигуръ обработывается безмѣрное дѣло природы. Сія всеселенная, вѣчный предмѣтъ удивленія, заключаетъ въ себѣ только тѣ тѣла, коихъ всѣ размѣры и всѣ богатства зависятъ отъ случая, которой одинъ производитъ ихъ соединеніе, или сцѣпленіе, и потомъ причиняетъ ихъ разстройство. Лукреціи, отвергая промыслъ, допускаетъ нѣкоторую извѣстную силу въ природѣ, занимающую мѣсто промысла. Сей стихотворецъ былъ довольно славенъ. Умеръ 42 лѣтъ отъ яду, поднесеннаго ему одною женщиною.

358224
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ской жизни, удаленіе отъ дѣлъ и равнодушіе къ предубѣжденіямъ, чего недолжно смѣшивать съ жестокимъ Циническимъ ученіемъ нѣкоторыхъ предполагаемыхъ мудрецовъ, которое совершенно согласуется съ желаніемъ предать только имя свое въ незабвенную память потомству (1). Стихотворцы и Философы соединяются, дабы удержать въ противность Стоикамъ то что не всѣ погрѣшности одинаковы, и что смерть не должна ничего представлять такого, чтобъ могло нарушить спокойствіе и веселость ихъ душъ. Сей образъ мысли столько же согласенъ съ правилами Епикуровыми, сколько выгоденъ для веселой жизни: а необходимость смерти, коя запрещаетъ истиннымъ мудрецамъ выборъ забавъ, вооружаетъ противу себя до такой степени Епикурство, что онѣ точно увѣряютъ, яко бы страсти наши опредѣлены влечь корабль жизни по Океану жизни. Правда, что они поручаютъ управленіе руля разуму и поставляютъ ему компасомъ постоянную любовь самаго себя. — Но сколь они были бы далеки отъ способовъ просвѣтить людей въ истинныхъ ихъ

---

(1) Exegi monumentum aere perennius.

пользахъ, когдабъ не полагали основаніемъ всего добродѣтель.

Бывъ вѣренъ своимъ предъубѣжденіямъ, Горацій предавался утѣхамъ въ нѣдрахъ роскоши по истинѣ Епикурейской; но съ такимъ непостоянствомъ (1), котораго онъ самъ не могъ себѣ простить, и кое равномѣрно властвовало во всѣхъ его погрѣшностяхъ, отъ чего долженъ онъ былъ конечно краснѣть. Откровенность всегда пріятна, однакожъ изъ почтенія къ нему можно бы было быть больше снизходительну, нежели рабъ нѣкогда имъ представленный.

Между тѣмъ говорятъ въ его пользу тихой нравъ и изящность его достоинствъ. — Онъ зналъ цѣну истиннаго дружества, коего уставы свято почиталъ. — И естли онъ ничего не предпочиталъ своимъ друзьямъ, изливая въ сообществѣ съ ними веселость тонкими, нѣжными и невинными забавами; то измѣнить ихъ довѣренности отъ короткаго обращенія, или иногда и отъ пьянства произходящей поставлялъ онъ въ числѣ величайшихъ на

(1) Romae rus optas, absentem rusticus urbem.

. . . . . .

*

свѣтѣ преступленій. — И такъ съ усиліемъ опровергалъ онъ укоризны говорящія о немъ, яко бы онъ любилъ шутить на щетъ другихъ. Низкая зависть всегда была ему не извѣстна, и великіе люди его времяни, видимые его соперники щитали его въ числѣ первѣйшихъ своихъ почитателей. Пріятной и нѣжной Тибуллъ (1) имѣлъ участіе въ его похвалахъ, и Вагліи (2) ревнующій славѣ Гомера былъ искреннѣйшимъ его другомъ. Пламень дара сти-

---

(1) Тибуллъ (Aulus Albius) Римской кавалеръ родился въ Римѣ за 43 года до Р. Х. Былъ сперва военнымъ человѣкомъ и сопутствовалъ Корвину Мессалѣ, противъ Корцирскихъ островитянъ; но оставя воинскую службу предался Музамъ и роскоши. Первое его сочиненіе приписано было имъ великодушному его покровителю Мессалѣ; потомъ посвятилъ онъ Лиру свою любви. Тибуллъ сочинилъ 4 Елегіи примѣчательныя по изрядству стиля и чувствительности Сочиненія Тибулловы троекратно переведены на Французской языкъ, Аббатомъ Маролье, Аббатомъ Лонтамъ и Г. Пезе: но изъ всѣхъ переводовъ предпочитается переводъ Аббата Лонтама.

(2) Вагліи Лирической стихотворецъ Августова вѣка.

хотворства Виргилія и Варія освѣщенъ безсмертными его стихами. Стихотворцы которые отличили себя драмматическими твореніями, почтены имъ въ одной изъ его Епистолъ, яко волшебники могущіе по неволѣ своей переносить сердца человѣческія въ тѣ мѣста, гдѣ имъ за благо разсудится представить явленіе. Сія похвала есть безпристрастна.

Горацій ничего не издалъ для Ѳеатра. Умѣренность есть участь великихъ душъ. Благородный пламень коимъ, сіяетъ слава великихъ людей, не имѣетъ ничего общаго съ мрачною завистію, бѣдственнымъ прибавкомъ къ достоинствамъ тѣхъ, кои не въ силахъ измѣрять своихъ слабостей. Завистливый (1) устремляется противъ достоинствъ; но остается яко Арабъ предъ солнцемъ, кое отъ часу больше его очерняетъ.

Сочиненія мелкихъ стихотворцевъ, поистинѣ несекомыхъ Пермеса, заставили ихъ между собою взаимно себя хвалить, они присвоивали себѣ имяна Алцея, Каллимаха и Мимнерма. Сами въ себѣ торже-

---

(1) Fhey cursed thee, as negros dothe Sun Because.

. . . . . .

ствовали и сами хвалили свои сочиненія.

Гораціи, ихъ осмѣивая, поступалъ справедливо; но никогда не старался вовсе затмить малое сіяніе мелкаго ихъ круга. — И нѣкоторые изъ нихъ, покоряясь совѣтамъ знаменитыхъ писателей, соединялись съ нимъ, стараясь вмѣстѣ возстановить златой вѣкъ во времяна Августовы. Читая и перечитывая ихъ сочиненія, часто принималъ онъ перо и воставалъ за нихъ. Критики же думаютъ, что третья Сатира перьвой книги содержитъ въ себѣ защиту Виргилія противъ щеголей Римскихъ, которые яко бы въ дерзкихъ своихъ шуткахъ нападая на великаго сего чековѣка говорили, что не пристало ихъ малому обществу, въ коемъ царствуетъ только освистываніе и наружная неопрятность съ сильными чувствіями, имѣть о себѣ толь великія мысли.

Что всего удивительнѣе, что къ возхищенію, къ воображенію стихотворческому, къ откровенности, къ простосердечію пріятнаго человѣка Горацій присоединялъ разсудительность, за которую былъ почитаемъ отъ всѣхъ.

Въ его Одахъ, яко сочиненіяхъ опредѣленныхъ для свѣта, говоритъ онъ съ ве-

ликою набожностію о многихъ народныхъ предразсудкахъ, на противъ того въ частныхъ своихъ писаніяхъ тѣжъ самые открыто осуждаетъ. Божественная вѣра, твердая подпора Царствъ должна быть всегда почитаема!

Соединеніе различныхъ достоинствъ заставило многихъ великихъ людей его любить. Въ числѣ его друзей видны имяна знатнѣйшихъ особъ Рима. Поллiонъ, украшенный лаврами побѣдъ и стихотворства; Антоній Юлій, внукъ Тріумвира, страстный любитель Поезіи; Лоллій, обрѣтшіи великую славу оружіемъ; славный Корвинъ Мессала, трудившійся съ Музою Тибулла, и которой въ вѣкѣ обильномъ великими людьми, своею справедливостію, разумомъ и краснорѣчіемъ затмилъ всѣхъ своихъ современниковъ; Пизоны, потомки Нумы Помпилія; Мунатій Планкусъ, удивлявшій легкостію слога въ письмахъ своихъ къ Цицерону и нарекшій отъ имяни Имперіи Октавія Августомъ; Агриппа, которому новый Римъ обязанъ большею частію наилучшихъ украшеній, водометовъ и великолѣпныхъ зданій, сей знаменитый воинъ, побѣдя Помпея, получилъ вѣнецъ славы и чрезъ побѣду, одержанную имъ при Актіумѣ, покорилъ востокъ зако-

намъ Августовымъ и учинилъ сего Государя обладателемъ свѣта.

Сіи знаменитые мужи любили въ Горацiѣ природную его веселость и кроткую снисходительность, происходящую отъ честнаго свойства, между тѣмъ весьма разнящуюся отъ низкой лести, все похваляющей, отъ подлаго шутовства, платящаго за честь приглашенія къ столамъ великихъ людей разными дурачествами; а тѣмъ паче отъ закоренелой гордости, воспаляющейся отъ малѣйшаго противуречія. Всякой послѣ обращенія съ нимъ оставался доволенъ самъ собою. Сія пріятность царствовала непрестанно въ обхожденіи Горацiевомъ. Онъ имѣлъ болѣе всего попеченія о славѣ своихъ друзей. Ихъ вкусъ, ихъ желанія поставлялъ собственно своими, кромѣ того когда хотѣли слушать его стихи, тогда должно было почти предаватся усилію; но во всемъ есть двоемысленность, и кто избѣжитъ сего при желаніи нравиться?

Не говоря о его Одахъ, въ коихъ толикое множество различныхъ содержаній изображено приличными каждому красками, какую пріобрѣлъ онъ себѣ славу своими Сатирами и Епистолами, въ коихъ видны доведенныя до совершенства

перьвыя начинанія Луцилія, такъ какъ Еніевы въ Енеидѣ.

Многіе увѣряютъ, что кто желаетъ обрести славу въ словесныхъ наукахъ, тотъ долженъ ограничить себя и опредѣлить къ одному роду твореній, обратить къ оному всѣ свои стараніи и никогда не позволять себѣ противныхъ перемѣнъ. Разумы уподобляются землѣ, которая всегда имѣетъ природныя себѣ произведенія. Примѣтте, говорятъ сіи замѣчатели, примѣтте Грековъ учителеи нашихъ въ свободныхъ наукахъ и художествахъ, и во всемъ, что принадлежитъ къ назиданію разума человѣческаго. Гомеръ всегда былъ преданъ Епическимъ твореніямъ, Софоклъ Трагедіи, Аристофанъ Комедіи, Димосѳенъ доволенъ былъ славою въ краснорѣчіи, и во множествѣ сочиненій Платоновыхъ что инаго находимъ мы, кромѣ разговоровъ о любомудріи?—Все правда; но должно согласиться съ тѣмъ, что Римляне во всемъ имѣли больше смѣлости, а притомъ кто можетъ назвать их дерзскими? Воинственной разумъ, блистающій въ древнихъ ихъ постановленіяхъ, умѣреннѣйшій противъ прочихъ странъ воздухъ, могли дать больше дѣятельности ихъ разуму, больше жару ихъ храбрости. Сколь слав-

ны были ихъ правила благородной гордости?—Извѣстно, что не съизлишнимъ просвѣщеніемъ въ наукахъ успѣвали они похвально и равно во всякихъ предпріятіяхъ. Кто имѣлъ до Виргилія, такъ сказать, скиптръ трехъ Царствъ? Не видимъ ли мы въ Цицеронѣ славнаго Витію и вмѣстѣ великаго Философа, превосходнаго въ искуствѣ предподавать разговорами свои наставленія? Юлій Кесарь прелестнѣйшимъ глаголомъ писалъ Исторію посреди шума военнаго стана, продолжая завоеваніе свѣта; Стихотворецъ, тонкій Граматикъ, Астрономъ проповѣдуемый съ похвалою Птоломеемъ! — И въ наши времена, Великобританія не имѣетъ ли своего Гомера въ Мильтонѣ и вмѣстѣ славнаго Лирическаго Стихотворца? — И наконецъ, кто можетъ намъ открыть, большели, показалъ Расинъ дарованія въ Трагедіи, или въ Комедіи? Больше ли Волтеръ явилъ исправности въ прозаическомъ повѣствованіи о Карлѣ XII, или красоты и возвышенія въ стихахъ Генріады?

Гораціи, перенеся на берега Тибра Лирическое стихотворство Грековъ, показалъ оное во всемъ его сіяніи. Онъ вознамѣрился привести въ совершенство предпріятіе Луцилія, перваго въ тогдашнее

время сатирическаго стихотворца и можно сказать перваго изобрѣтателя Эпистолъ.

Дасье (1) думаетъ, что удалось ему сдѣлать великое открытіе, говоря, что Сатиры и Епистолы не раздѣляютъ предпріятія сочинителева, и что тѣ и другія должны заключать въ себѣ нравоученіе. Прежде нежели начать сѣять въ душахъ нашихъ драгоцѣнныя добродѣтели, основывающія наше благополучіе, должно искоренить предразсудки и пороки. Такова есть цѣль, по словамъ нашего толкователя, цѣль сего стихотворца, видимая въ двухъ перьвыхъ книгахъ его Сатиръ. Сіи то писанія должны приготовить насъ къ ученію, предподаваемому въ Епистолахъ. Подобное сему примѣчаніе весьма согласуется съ мыслями людей любящихъ дѣлать предположенія (Систематиковъ); но для опроверженія онаго, довольно одного прилѣжнаго чтенія сочиненіи Горація. Правда, что онъ имѣлъ великую

---

(1) Дасье (Андрей) родился въ Кастрѣ 1651 года, умеръ въ 1722 году. Онъ перевелъ съ Латинскаго на Французской языкъ многихъ Латинскихъ сочинителей и между прочими Горація.

страсть писать; но выполнялъ оную слѣдуя только отъ времяни зависящему своему нраву, не имѣя никогда за долго для сего предпріятыхъ предмѣтовъ. Между тѣмъ видно, что непредвидимые случаи были причиною произведенія большей части его Епистолъ и Сатиръ. Въ иныхъ предпринимаетъ онъ разсказы какихъ нибудь новыхъ приключеній, въ которыхъ онъ имѣлъ участіе, или былъ свидѣтелемъ оныхъ; въ иныхъ защищается онъ противъ клеветниковъ, или извиняется въ чемъ нибудь предъ своими друзьями. Иногда пріемлетъ онъ перо, дабы похвалить человѣка коему ищетъ онъ предстательства; иногда, дабы извѣститься о находящемся въ разлукѣ другѣ; иногда являетъ онъ склонность на какую нибудь просьбу, или для другихъ какихъ либо причинъ случайно представляющихся.—И такъ Г. Дасіе впалъ въ приличное толкователямъ заблужденіе, которые иногда для натягиванія къ предположенной ими цѣли противуречатъ ясному смыслу, отъ чего случается, что оканчиваютъ недорозумѣніемъ.

Признаюсь однакожъ, что Горацій въ разговорахъ своихъ преподаетъ намъ полное наставленіе о нравственности. Нѣтъ состоянія, нѣтъ обстоятельства въ

жизни общественной и частной, гдѣ бы нѣкоторыя правила, начертанныя симъ нравоучительнымъ стихотворцомъ, не могли быть употреблены; но сіе должно отнести къ незнанію его свойствъ, ежели кто будетъ приписывать ему общее и единственное предпріятіе, распространяющееся на всѣ его сочиненія и только касающееся единой нравственности.

Онъ писалъ нѣкоторыя свои Сатиры разговорами и, можно сказать, что представилъ оныя въ прелестнѣйшемъ видѣ, съ неподражаемымъ искуствомъ. Какая красота, какое учтивство, какая чистота языка какая легкость слога видна въ разговорахъ его съ Требатіемъ?—Тщетно искать сей пріятности въ сочиненіяхъ Попія, и даже въ послѣдованіи славной Боаловой Сатиры на женщинъ, или о тяжеломъ волѣ, кой медлѣннымъ шагомъ чертитъ глубокую бразду (1).

Сіе разсужденіе безъ сомнѣнія не понравится писателю (2), которой бывъ уче-

(1) Qui trace à pas tardifs un penible sillon.

(2) Г. Клементъ, извѣстный правилами чистаго вскуса, начертанными имъ въ письмахъ

никомъ и защитникомъ Боаловымъ, занявъ его глаголъ, оживляетъ между нами сего Сатирическаго стихотворца, можетъ быть съ выраженіями противъ подлиннаго еще сильнѣйшими и лучше произнесенными; но должно ли сему удивляться; естли разумное и порядочное въ своемъ послѣдованіи сочиненіе будетъ обвиняемо за медленность и долготу Италіянцомъ?

Въ Сатирахъ Гораціевыхъ невидно желчи Ювеналовой (1), о которомъ можно сказать, что онъ взязъ обѣими руками бичь Сатиры проливаетъ потоки крови; или по крайней мѣрѣ оставляетъ на тѣлѣ тяжелые онаго знаки. Также не имѣлъ онъ суровыхъ правилъ Персія, безпрестанно строгимъ гласомъ проповѣдующаго добродѣтель. Философъ пріятный, Сократъ краснорѣчивый, творящій впечатлѣніе легкими чертами, покрывающій свое ученіе прелестями забавъ, и возвращающій здравіе душамъ нашимъ вкуснѣйшими лекарствами!

его къ Волтеру и въ судительномъ замѣчаніи на разные предмѣты, касающіеся до словесныхъ наукъ. Онъ издалъ Сатиры писанныя имъ съ великой славою.

(1) Ювеналъ Сатирикъ Римскій жившій послѣ Горація умершій въ 128 году по Р. Х.

Родъ его Сатиръ неподражаемъ, требующій разума, знанія просвѣщеннаго свѣта и общества избраннаго, гдѣ обхожденіе не принужденное и свойственное нравамъ обращаетъ и нерадивость въ пріятность; — гдѣ кроткія и тихія разсужденія, подъемля завѣсу, скрывающую наши погрѣшности, возбуждаютъ, а не оскорбляютъ любовь самаго себя. Таковъ то образъ писанія Гораціевъ таково-то по истиннѣ колкое его стихотворство, но безъ желчи, безъ горечи.

Вольность есть душа дарованій. Она то была Божествомъ Горація. Онъ хотѣлъ быть любимъ великими людьми; но никогда не былъ ихъ рабомъ. Боялся онымъ стать, сдѣлавшись къ нимъ близкимъ. Былъ доволенъ среднимъ состояніемъ, и привязанность къ почестямъ никогда его не ослѣпляла. Августъ, пожелавъ его имѣть своимъ тайнохранителемъ, подалъ ему чрезъ то случай сдѣлать отвѣтъ стихами, которымъ объявилъ онъ свое на то несогласіе. Письма Секретаря безъ сомнѣнія бы пропали; а Епистолы Стихотворца пребудутъ вѣчнымъ памятникомъ нѣжнаго вкуса, философіи пріятной украшенной прелестями истины, въ ко-

ихъ искуство пріяло черты природы.

Римъ, обогащенный добычами свѣта, получилъ отъ Грековъ художества, науки и философію. Не было однакожъ въ немъ ничего обыкновеннѣе ложнаго сужденія о словесныхъ знаніяхъ. Древніе сочинители почитаемы были до суевѣрія: и по всеобщему предубѣжденію, первые изъ Римлянъ, упражнявшіеся въ писаніяхъ, остановили на себѣ все сіяніе славы и поставили дарованіями своими предѣлъ уму человѣческому. Пожелать ихъ превзойти, почиталось дерзновеніемъ оскорбляющимъ ихъ память. Книги уподоблялись монетамъ и имѣли цѣну свою отъ древности. Никто не сомнѣвался, что сами Музы сказывали писаніе двенадцати таблицъ, старинныя мирныя договоры и книги первосвященниковъ тѣ которыя менше понимали болѣе были почитаемы. Число лѣтъ дѣлающее доброту вина составляло достоинство книгъ. Гораціи водимый не мечтательнымъ самолюбіемъ; но правилами не поколебимой истинны, нашелъ въ древнихъ стихотворцахъ много обветшалости, изъясненій грубыхъ и не сильныхъ и небрежности запрещаемой чистымъ вкусомъ.

Нехвалить того, что неимѣетъ другихъ погрѣшностей кромѣ новости, хвалить умершихъ чтобъ затмить славу живыхъ, есть, пословамъ нашего стихотворца смѣшно, естьли произходитъ отъ заблужденія разума, достойно презрѣнія естли отъ зависти.

Не похваляя иногда тѣхъ сочинителей которыхъ глупое восхищеніе носило подъ небесами, Гораціи не могъ нравиться писателямъ непросвѣщеннымъ, непримѣтно, но совершенно покоряющимся своимъ предразсудкамъ, любящимъ всегда прежнія свои мысли. какъ матери перьворожденныхъ дѣтей: любовь тѣмъ сильнѣйшая, чѣмъ болѣе оная соединяется съ любовью собственныхъ дарованіи и самаго себя, сіи люди судя по поверхности впадаютъ въ заблужденія и почитаютъ оныя за истины коихъ открытіе приписываютъ себѣ. Бывъ ослѣплены мечтами ложнаго самолюбія, взираютъ онѣ на просвѣщеннаго человѣка, желающаго обратить ихъ на истинный путъ, яко на непріятеля ихъ славы, и гордаго соперника тѣхъ превосходныхъ людей, которыхъ защиту пріяли онѣ на себя. *Никто да неимѣетъ разума кромѣ насъ и нашихъ друзей.* Сіи слова должны поистиннѣ быть ихъ Симво-

лическимъ изображеніемъ. Всякой разсудительной и безпристрастной разбиратель становится цѣлью ихъ стремленія.

Горацій о провергъ общую мысль, а наипаче когда онъ возхотѣлъ привесть въ настоящую цѣну труды Луцилія, стихотворца бывшаго въ то время въ великой чести, хотя забавнаго и шутливаго; но отчасти обветшалаго въ нарѣчіяхъ, грубаго въ его сравненіяхъ, наполненнаго нерадивости и продолжительности, плодовитости изобильной, разливающаго вездѣ безъ умѣренности насмѣшки, къ томужъ не выправленнаго, безъ украшеній, безъ пріятной нещщательности привязывающей насъ къ стихотвореніямъ Горація, которой одинъ заслуживаетъ награду поставленную на высочайшей степени. Его правила подаютъ намъ неподражаемой образецъ легкости въ изъясненіяхъ, пріемлющей всегда глаголъ приличной мыслямъ и содержанію. — Не единообразный, богатый въ слогѣ украшающемъ нравственныя истины, въ коемъ всегда виденъ тотъ же духъ; съ легкостію, съ пріятностію придворнаго человѣка сказующій прекраснѣйшія мысли, столь свободно какъ иные самыя обыкновенныя, и не имѣющій больше

небрежности какъ сколько потребно для приданія красоты.

Луциліи естьлибъ жилъ въ вѣкѣ Августовомъ, безъ сомнѣнія былъ бы разсудительнѣе въ своемъ слогѣ. Занявшись чищеніемъ сочиненіи своихъ, конечнобъ откинулъ изъ нихъ все то, что выходитъ изъ предѣловъ пріятности; словомъ ставъ нестоль многорѣчивъ, но болѣе разнообразенъ, и избавился бы справедливыхъ укоризнъ Горація, и сохранилъ бы, тщетныкъ своихъ почитателей отъ посмѣянія, кое они на себя навлекли, поставляя критику основанную на здравомъ разсудкѣ святотатствомъ, и подъемля крикъ противъ сочинителя оной, немогущій не только заглушить его славы, ниже нарушить его спокойствія.

Все устремленіе зависти обращается въ ничто предъ защитою Квинтилія, Виргилія, Варія, Мецената и Пизоновъ. — Сіе послѣднее имя знаменитѣйшее во всемъ Римѣ, постановленное въ главѣ прекраснѣйшаго произведенія ума человѣческаго, меньше придаетъ ему сіянія, нежели отъ онаго получаетъ. Епистола писанная къ потомкамъ Нумы Помпилія заключаетъ въ себѣ разсужденія тончайшія, вѣрнѣйшія и глубочайшія о искуствѣ стихотворства, которые посправедливости можно назвать

законами вкуса. Я небуду слѣдовать Итальянскому Автору въ разсматриваніи толико извѣснаго сочиненія: предложу только здѣсь разсужденіе *Дюка Д'иверица* сравнивающаго оное съ сочиненіемъ о искуствѣ стихотворства (l'Art poetique) Французскаго Горація, или Г. Буало.

„Буало Деспро въ сочиненіи своемъ о „искуствѣ стихотворства, приобщаетъ „вездѣ къ изображенію истиннъ, твердость „правилъ. Онъ дѣлаетъ веселымъ образъ „поучительнаго писанія, посредствомъ раз„личныхъ видовъ и сравненій. Все въ немъ „разумно, искусно, справедливо и вмѣстѣ „тонко. Многія дерзаютъ признавать оное „за выкраденное изъ сочиненія Гороціева „о искуствѣ стихотворства. — Незнаю „худой ли вкусъ, или худая вѣра? — Но „должно быть одно что нибудь причиною „сего предразсудка. Въ числѣ простираю„щемся около тысячи двухъ сотъ сти„ховъ составляющемъ Деспрово твореніе „о искуствѣ стихотворства, найдется мо„жетъ быть не болѣе пятидесяти заня„тыхъ, или переведенныхъ изъ Горація. „Соразмѣрно сему Тассъ взялъ несравнен„но болѣе изъ Виргилія, однакожъ никто „необвиняетъ его въ обкраденіи Енеиды. „Къ томужъ не въ томъ состоитъ подо-

„біе въ сочиненіяхъ; но въ соразмѣрно-
„сти и въ одинаковомъ положеніи мыслей
„оное должно быть, чего ненаходимъ мы
„въ сихъ двухъ стихотворцахъ. Горацій
„воспаляетъ непрерывнымъ огнемъ, нико-
„гда нетеряетъ духу, онъ разливается
„подобно сильному дождю на всѣ вещи имъ
„изображаемыя. Путь его не опредѣленъ.—
„Онъ оставляетъ множество предметовъ
„позади себя и паки возвращается на преж-
„нію стезю. Онъ собираетъ все, сказуетъ
„о всемъ; но съ излишнимъ жаромъ претя-
„щимъ сохранить порядокъ. Онъ скоръ,
„кратокъ и отрывистъ, можетъ быть не-
„довольно связенъ; но сколь сіи отрывки
„драгоцѣнны! Его трудъ есть зданіе въ
„коемъ всѣ Ордены Архитектуры смѣшаны
„и недовольно различны; но выборъ украше-
„нія заставляетъ позабывать безпорядокъ.

„Деспро всегда идетъ по чертѣ. Се
„не есть побѣдитель проницающій съ бы-
„стротою до краевъ свѣта, се вождь ра-
„зумной и искусной, идущій медленнымъ,
„но надежнымъ шагомъ; открывающій, уз-
„нающій пути до вступленія на оныя. Бу-
„ало управляетъ съ чрезвычайностію труд-
„ное искуство прехожденія изъ мысли, въ
„мысль. Все соединено, все вообще соста-
„вляетъ правильную и удивительную связь!..

„Естли остается еще чего ему пожелать; „то жару къ коему приучилъ Горацiи всѣхъ „кто его знаетъ; сего жару происходящаго отъ сильнаго чувствiя, уподобляющагося яркимъ краскамъ въ живописи, чего „часто недостаетъ у Деспро. — Но неужели совсемъ у него недостаетъ блеску „красокъ? . . . . Онъ превосходной Гравировщикъ; (1) его Естампы хорошо отрисованы, фигуры хорошо отличены, порядокъ „совершенъ; но сiянiя красокъ не видно.“

Поживъ для себя и для своихъ друзей, яко Философъ и свѣтской человѣкъ, насладясь прiятствомъ душевнымъ и чувственнымъ, скончался Горацiи на пятдесятъ седьмомъ году отъ рожденiя. Его упрекали излишнимъ чувствованiемъ собственныхъ силъ; думали что зрятъ слѣпое самолюбiе, въ той благородной гордости, неразлучной сопутницѣ дарованiи, устремляющейся на грядущiя времяна и упреждающей сужденье потомковъ. Горацiи бывъ одушевленъ восхищенiемъ поддерживающимъ его полетъ надъ множествомъ вѣковъ, предсказуетъ, что лучшая часть

(*) Я перевелъ сей перiодъ Техническимъ нарѣчiемъ, опасаясь переводомъ мастерскихъ терминовъ, естли незатмить, то размножить оной.

его существованія небудетъ похищена временемъ. — Онъ обѣщаетъ вѣчность своему имяни, яко стѣнамъ Капитоліи. Разрушилась Капитолія (1), но гласъ времянъ поетъ стихи Горація!

---

(1) Ei versi d'Orazio sono cantati dalla voce del tempo.

ОДЫ
ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОДА I.

КЪ МЕЦЕНАТУ (1)

Всякой имѣетъ свою склонность, Гораціева же къ стихотворству лирическому.

Царей потомокъ въ свѣтѣ сильныхъ,
Покровъ мой, слава, Меценатъ! —
Прибѣжище и щитъ невинныхъ
Источникъ всѣхъ моихъ отрадъ!
Коль многи чтутъ сіе забавой,
Чтобъ тщетною плѣняясь славой
Въ играхъ всѣхъ прочихъ обскакать. — (2)
И средь колесъ въ бѣгу горящихъ
Средь тучей праха свѣтъ мрачащихъ
Всѣхъ прежде лавръ себѣ сорвать.

Владѣльцы странъ, полей обширныхъ,
Того возносятъ похвалой,
Кто въ житницахъ своихъ обильныхъ
Сбирая тщательной рукой

Содержитъ все, чемъ классы зрѣлы
Ливійски (3) збогатятъ предѣлы.
Иной лишъ въ томъ блаженство чтетъ,
И мыслитъ дни имѣть щастливы,
Что плугомъ отческія нивы
Воздѣлавъ, съ нихъ плоды пожнетъ.

Аталловыхъ (4) богатствъ сіянье,
Того неможетъ преклонить,
Чтобъ водъ Икарскихъ (5) волнованье
На Кипрскомъ (6) кораблѣ преплыть.
Купецъ, коль буря устрашаетъ,
Жизнь сельскую предпочитаетъ,
Мятежной жизни богачей;
Но только вѣтръ весны повѣетъ,
Корабль починивать радѣетъ,
Боясь стать бѣденъ въ жизни сей.

Иной блаженство въ томъ щитаетъ,
Когда виномъ отяготясь
Подъ тѣнью древа возлегаетъ,
Иль гдѣ прозрачный ключь струясь
Пріятство сна вливаетъ въ члены.
Иной долины зря зелены
Геройствомъ духъ питаетъ свой,
Прельщается боевъ трудами,
Оружья блескомъ и трубами,
Противной матерямъ войной.

Жену младую забываетъ
Охотникъ средь своихъ забавъ;
Когда онъ сѣти разставляетъ,
Иль звѣря псы его поднявъ
Погонятъ въ долъ промежъ кустами! —
Тутъ вѣрными любуясь псами,
Труды забудетъ, стужу, гладъ. —
Тамъ въ сѣти страшной вепрь попался,
Тамъ быстро вдругъ олень помчался,
Нѣтъ большихъ для него отрадъ!

А я! Богамъ уподобляясь
Доволенъ Мирновымъ вѣнкомъ,
И пляской Нимфъ увеселяясь,
Зрю хоръ Сатиръ въ лѣсу густомъ.
Когдажь съ Евтерпой, Полимнія,
Настроятъ струны мнѣ златыя,
Лезбійской лирой (7) взвеселюсь! —
Пріятны пѣсни воспѣвая
И выше облакъ возлетая
Звѣздамъ главой моей коснусь!

ОДА II.

Отмщеніе Боговъ за смерть Кесаря Августъ только одинъ можетъ спасти Республику.

Давно Юпитеръ всемогущій!
Давно небесный снѣгъ и градъ,
Давно перуны страхъ несущи
Поля и грады пустошатъ;
Давно прошли щастливы лѣта,
Разлился страхъ въ столицѣ свѣта! (1)

Твое отмщенье устрашаетъ
Народъ, возвратомъ строгихъ дней! —
Вѣкъ Пирры (1) въ страхѣ онъ мечтаетъ,
Трепещетъ участи своей,
И ждетъ, страдая въ злой печали
Чудесъ, что землю колебали! —

О вѣкъ жестокій! Вѣкъ ужасный!
Гдѣ только смерть встрѣчалъ лишъ взоръ! —
Стада Нептуновы безгласны,
По верьхъ крутыхъ носились горъ.
Въ древахъ гдѣ птицы сокрывались,
Тамъ сонмы рыбъ остановлялись.

Дрожаща серна изумленна,
Теряла быстрость ногъ своихъ,
И въ страхѣ лютомъ похищенна
Водой съ лѣсистыхъ горъ крутыхъ, —

Неслася шумною волною,
Незря земли передъ собою.

Мы зрѣли въ гнѣвѣ Тибръ надменный,
Какъ онъ валы свои взносилъ,
Сѣдою пѣной отягченны,
Разрушить Весты храмъ грозилъ!
Катясь за брегъ валы стонали,
Чертоги Нумы (3) трепетали!

Но Тибръ въ печали сострадаетъ,
Супруги нѣжной зря тоску; (4)
Бурливы воды разливаетъ
Смиряетъ бѣгъ ихъ попеску. —
Внимая грусть и огорченье
Стримитъ на лѣвый брегъ волненье.

Познаютъ Римляне въ печали,
И въ лютой горести своей,
Что кровью нашей обагряли,
Мы свѣтлый блескъ своихъ мечей. (5) —
Мечей, что должно устремленье
Хранить Парфянъ (6) на сокрушенье.

Познаютъ дерзскіе граждане,
Что родъ ихъ сталъ умаленъ зломъ,
Познаютъ юныя Римляне,
Оружья пагубнаго громъ!

Содрогнутся внимая слову
Гласящу нашу брань сурову!

Къ кому теперь взносить моленье,
И Бога коего просить?
Чтобъ онъ Имперіи паденье,
Могъ силой власти отвратить!
Кто лютымъ страхомъ пораженныхъ
Защититъ нынѣ дѣвъ священныхъ (7)?

Богиня въ гнѣвѣ не внимаетъ,
Ихъ болѣе молитвы словъ. —
И чѣмъ Зевесъ еще желаетъ,
Очистить нашихъ тьму грѣховъ? —
О Богъ! Судебъ предвозвѣщатель, (8)
Будь нынѣ намъ отрадъ податель!

Спустися къ намъ въ сіянье ясномъ
Великій Аполлонъ спустись!
Венера въ образѣ прекрасномъ
Съ толпой пріятствъ драгихъ явись!
О Марсъ! (9) любящій крови токи,
Гдѣ ты? Во дни сіи жестоки.

Ты, кой съ пріятностью взираешъ;
На храбрость бодрственныхъ сердецъ;
Почто свой зракъ ты отвращаешъ
Отъ тѣхъ, которымъ былъ отецъ?

Внемли усердное моленье,
И прекрати враговъ стремленье!

Иль ты, что въ образѣ героя,
Пришелъ смерть Кесаря отмстить; (10)
Нашъ Богъ! — Ты щастье намъ устроя,
Ахъ! Естлибъ могъ ты вѣчно жить!
Въ тебѣ блаженство Римъ щитаетъ,
Тобою въ славѣ онъ сіяетъ!

Не возвращайся Богъ народа,
Въ страны отколь изходитъ свѣтъ:
Доколь неузримъ, что свобода
И правда въ тишинѣ цвѣтетъ. —
И оскорбяся тьмой пороковъ,
Небудь виною слезныхъ токовъ.

Ты здѣсь являй побѣдъ блистанье,
И дай намъ слышать славы гласъ!
Отца отечества названье,
Внимать люби всегда межъ насъ!
Да недерзнутъ враги отнынѣ,
Возстать противу насъ въ гордынѣ.

ОДА III.

Къ кораблю на которомъ Виргилій отправляется въ Аѳины.

Тебѣ корабль опредѣлила
Судьба, Виргилія вмѣщать.
Кипріискія Богини (1) сила,
Тебя да будетъ сохранять.
Елены братья звѣзды щедры, (2)
Да усмирятъ морскія нѣдры;
Эолъ всѣ вѣтры обуздавъ,
Одинъ Аппульскій (3) да оставитъ
И въ Аттику тебя поставитъ
Святымъ союзамъ дружбы внявъ.

Тройныя латы крѣпче стали,
И тверже мѣди щитъ сто кратъ,
Неробко сердце окружали
Того, кто зря въ перьвыя взглядъ
Валовъ разгнѣванной пучины,
Неужасаясь злой судьбины,
Себя на древѣ имъ вручилъ.
Объятъ отвагой безпримѣрной,
Онъ на стихіи толь невѣрной
Свою надежду утвердилъ.

Сомнѣнья нѣтъ, что несмущался
Отъ Африканскихъ вѣтровъ онъ;
Въ немъ страхомъ духъ неколебался,
Внимая Аквилона стонъ.

Ниже печальныя Плеяды,
Ни волнъ шумящія громады,
Полдневныхъ вѣтровъ сильна власть,
Ему ни бури страшной свисты,
Ни горы въ морѣ каменисты,
Не представляли злу напасть!

Отъ коей смерти содрогаться.
Сей дерзкой можетъ человѣкъ? —
Кой видя, могъ не ужасаться
Чудовищъ, и межъ ими текъ
На утломъ зданіи чрезъ воды,
И зря смертей различны роды,
Спокойства духа не терялъ?
Скалы Епирскія (8) ужасны,
Извѣстной пагубой опасны
Неробкимъ окомъ созерцалъ?

Не тщетноль Боги полагаютъ
Пространствомъ водъ, раздѣлъ земли?
Законъ ихъ дерзко презираютъ
Стремясь чрезъ морѣ корабли! —
Противяся безсмертныхъ волѣ,
Къ тому влечется смертной болѣ,
Что запрещается ему! —
Японовъ сынъ (9) на зло рожденный,
Похитилъ съ неба огнь священный
Въ погибель роду своему.

Лице земли водой покрыли (10)
Въ отмщенье Боги всѣмъ странамъ,
И бѣдства землю отягчили,
Дотоль невѣдомыя намъ.
Сокрылись всѣ пути къ надеждѣ,
Хотя необходима прежде
На свѣтѣ людямъ смерть была;
Но шла медлительной ногою;
А нынѣ быстрою стрѣлою,
Въ своемъ свирѣпствѣ потекла!

Хоть крыльевъ щедрая природа,
Не разсудила смертнымъ дать;
Дедалъ (11) среди воздушна свода
Возмогъ на крыліяхъ летать. —
И Геркулесъ затворы ада
Отверзъ — и ужасовъ громада
Поверглася его трудомъ!
На все насъ дерзость устремляетъ,
И буйство смертныхъ запрещаетъ,
Богамъ оставить мѣсти громъ!

ОДА IV.

КЪ СЕКСТІЮ.

Возвращеніе весны и краткость жизни возбуждаетъ насъ къ забавамъ.

Зефиры возвратились,
И нѣжная весна,
Льды солнцемъ растопились,
Ликуетъ вся страна.

Ужъ на море спускаютъ,
Обсохлы корабли. —
Стада въ клевахъ скучаютъ,
Зря зелень на земли.

Ограды зимни тѣсны,
Уже противны имъ —
И пахарь въ дни прелестны,
Спѣшитъ къ трудамъ своимъ.

Зря блескъ луны сребристый,
Венера, дѣвъ младыхъ
Зоветъ въ долины чисты,
Съ толпой пріятствъ драгихъ.

Тамъ Граціи нагія,
Тамъ Нимфъ прелестныхъ хоръ,
Поютъ часы драгія,
Подъ тѣнью злачныхъ горъ.

*

Межъ тѣмъ удвоя силы,
Вулканъ (2) въ трудѣ своемъ,
Тяжелыя горнилы,
Наполнилъ ужъ огнемъ.

Изъ розъ новорожденныхъ,
Пора пучки вязать,
Или изъ миртъ зеленыхъ,
Вѣнки себѣ сплетать.

Намъ должно въ сей судьбинѣ,
Заботы отложить;
Козла (3) на жертву нынѣ
Въ честь Фавну посвятить.

Смерть блѣдная незнаетъ,
Различья межъ людей—
И въ хижину вступаетъ,
И въ гордый домъ Царей.

Намъ все повелѣваетъ,
Въ веселье пребывать;
А время запрещаетъ,
Надежду отлагать.

О Секстій! утѣшайся
Среди щастливыхъ дней,
И мыслью не смущайся,
Что снидешъ въ мракъ тѣней.

Въ веселье погружаясь,
Не будешъ при столахъ,
По жребью избираясь
Царемъ на пиршествахъ. (4).

ОДА V.

КЪ АГРИППѢ.

Не находитъ довольно силъ къ воспѣванію его подвиговъ.

Пусть Варій (1) звучно намъ взыграетъ
На Лирѣ громъ твоихъ побѣдъ,
Твои дѣла возвеличаетъ,
Которымъ весь дивится свѣтъ!

Тебя Агриппа (2) онъ да славитъ,
И воинство въ твоихъ рукахъ!
Пускай онъ подвиги представитъ
Твои на сушѣ и водахъ.

Мнѣль лирою негромогласной,
Толику славу изъяснить? —
Кто Ахиллеса гнѣвъ ужасной,
Достойно можетъ возвѣстить?

Или Улисса возвращенье,
Воспѣть, средь страшныхъ, бурныхъ водъ

Иль начертать изображенье,
Какъ жилъ Пелопсовъ (3) злобный родъ?

Моя умѣренность ко славѣ,
И вѣрной Музы мнѣ совѣтъ,
Простыя пѣсни что въ забавѣ,
Съ восторгомъ сладостнымъ поетъ

Не позволяетъ мнѣ прославить
Твоихъ великолѣпность дѣлъ,
Чтобъ низкой пѣснью не умалить,
Ту славу, коей ты гремѣлъ,

И кто стихомъ своимъ достойно
Возможетъ Кесаря почтить? —
Иль о твоихъ побѣдахъ стройно
Со звукомъ славы возвѣстить?

Кто можетъ начертать прекрасно
Оружье Марсово въ бояхъ,
Иль Меріона (4) видѣвъ ясно
Въ пыли подъ Троей на поляхъ.

Представитъ всю великость вида
Иль подъ Минервинымъ щитомъ,
Несуща гордо Діомида (5)
Противъ Боговъ оружья громъ?

ОДА VI.

КЪ ПЛАНКУСУ (1).

Похваляя пребываніе въ Тиволи, совѣтуетъ ему для прогнанія грусти незабывать о винѣ.

Пусть иные воспѣваютъ
Славный Родосъ (2) иль Ефесъ; (3)
Митилену (4) прославляютъ
И Коринѳу (5) до небесъ.

Пусть поютъ стовратны Ѳивы, (6)
Бахусовъ гдѣ виденъ тронъ,
Пусть поютъ мѣста щастливы,
Гдѣ родился Аполлонъ.

Островъ Делосъ (7) гдѣ сіяетъ
Ѳебовъ храмъ въ лучахъ златыхъ;
Пусть Ѳессалія (8) раждаетъ,
Славны пѣсни для иныхъ.

Цѣломудренной Паллады
Пусть величіе поютъ,
И ея прекрасны грады,
Всѣхъ превыше въ свѣтѣ чтутъ.

Пусть Юнонѣ въ честь иные
Аргосъ (9) вспоминаютъ ей,
Паствы коего драгія,
Быстрыхъ намъ даютъ коней.

Не прельщаюсь я Миссеной (10)
Всѣхъ обильнѣйшей сторонъ;
И суровостью надменной,
Славою Лакедемонъ; (11)

Но мѣстами, гдѣ шумящій
Альбуенъ (12) валы стремитъ,
Анія (13 гдѣ ключь гремящій
Низвергаяся кипитъ.

Больше Тиволи (14) отрады
Представляютъ мнѣ собой;
Ихъ прелестны вертограды
Щастье кажутъ и покой.

Не всегда раждаетъ бури,
Вѣтръ полдневный на горахъ;
Часто мрачной видъ Лазури,
Развѣваетъ въ облакахъ.

Гдѣбъ судьба ни приказала,
Быть тебѣ въ какихъ мѣстахъ,
Знамяль Марса представляла,
Или тѣнь въ твоихъ садахъ;

Въ Тиволи твоей прекрасной,
Видъ пріятнѣйшихъ лѣсовъ,
Гдѣ источниковъ видъ ясной
Вьется, блещетъ межъ кустовъ

Планкусъ зри примѣръ природы:
Коль премудрымъ хочешъ быть,
Не лишай себя свободы,
Тщись въ винѣ печаль топить.

Какъ бѣжалъ изъ Саламины, (15)
Видя гнѣвъ отца Тевсеръ, (16)
Говорятъ что не единый
Показалъ сему примѣръ.

Говорятъ, что онъ напившись,
Гедерой себя вѣнчалъ,
И съ отечествомъ простившись,
Тако спутникамъ вѣщалъ:

Пусть намъ путь являетъ щастье,
Благосклоннѣйше отца; —
О друзья! зря мракъ ненастья
Не крушите вы сердца.

Пусть надежда насъ питаетъ,
Съ ней далеко мы пойдемъ
Естьли всякъ изъ васъ желаетъ
Зрѣть меня своимъ вождемъ.

О друзья! знаменованья (*)
Будутъ васъ мои хранить!

(*) Древніе имѣли многія знаменованія, или примѣты судя по птицамъ или звѣрямъ встрѣчающимся имъ, а паче ихъ начальникамъ

Съединяйте вы желанья,
И стремитесь далѣ плыть.

Мы другую Саламину,
Лучше прежней утвердимъ;
Аполлонъ крѣпитъ судьбину
Увѣреніемъ своимъ.

Много вы со мной вкусили,
Грусти, скуки, лютыхъ бѣдъ;
Всѣ нещастья преносили,
И морей свирѣпыхъ вредъ.

Бахуса пріятной влагой,
Мы себя да укрѣпимъ; —
Завтра мы еще съ отвагой
Волны страшны пролетимъ!

ОДА VII.

Укоряетъ Лидїю за то, что она любовїю своей развращаетъ младаго Римлянина.

Скажи мнѣ Лидія! для имяни Боговъ!
Почто губишъ собой младаго Сибарита?—
И развращаетъ такъ его твоя любовь,
Что слава отъ него сокрылась знаменита!
Почто не зримъ его на Марсовыхъ поляхъ,
Пренебрегающа труды, опасность, страхъ!-
Почто не зримъ его въ воинскомъ одѣяньѣ,
Галлїйскаго коня смиряюща ристанье?
Боится Тибрскихъ струй и масла онъ борцовъ, (1)
Какъ яду лютыхъ змѣй, иль тигровыхъ зубовъ!
Ему копье, кружокъ (2) противные предметы,
Которы до сего бросалъ онъ далѣ мѣты.
Онъ кроется отъ всѣхъ, и любитъ быть одинъ,
Какъ крылся до сего Фетиды Нимфы сынъ (3)
Боясь, одежда чтобъ ему не измѣнила,
И полъ и родъ его, чтобъ Грекамъ не открыла
И не принудила обиду мстя Спартанъ,
Идти и поражать свирѣпыхъ Лицїянъ. (4)

ОДА VIII.

КЪ ТАЛІАРХУ.

Совѣтуетъ ему весело проводить зиму.

Бѣлѣетъ подъ глубокимъ снѣгомъ,
Горы Соракты (1) верьхъ крутой;
Бурливыхъ вихрей страшнымъ бѣгомъ
Отъятъ природы всей покой.

Пушистый иней отягчаетъ,
И давитъ вѣтьви въ низъ древесъ,
Ледъ хладный рѣки покрываетъ,
Отъ дикихъ свистовъ стонетъ лѣсъ.

Во дни пріятности лишенны,
Чтобъ лютость хлада удалить,
И мысли скукой отягченны,
Вели огонь Ты разложить.

Вина бутылка мысль спокоитъ,
Его ты въ скукѣ не жалѣй.
Какую участь небо строитъ,
Ты будь всегда доволенъ ей.

Коль властію своею Боги
Замолкнуть вѣтрамъ повелятъ,
И ихъ борьбы и бѣги строги,
На бурномъ морѣ укротятъ. —

Престануть ими колебаться,
Вершины гордыя древесъ,
И дни спокойны появятся,
Дражайшій щедрыхъ даръ небесъ.

Ты будущимъ не сокрушайся,
И дней забудь противныхъ видъ;
Но каждымъ въ жизни утѣшайся,
Что щастіе тебѣ даритъ.

Межъ тѣмъ какъ въ полномъ жизни цвѣтѣ,
Далеко старость отъ тебя,
Живи ты веселясь на свѣтѣ
Бесѣды чистыхъ музъ любя.

Люби общественны гулянья,
И поле Марса посѣщай,
Вечерни тайныя свиданья,
Къ отрадѣ чувствъ не пропускай.

ОДА IX.

ГИМНЪ МЕРКУРІЮ.

Тебя Меркурій воспѣваю!
О ты! Атлантовъ славный внукъ!
Твое витійство прославляю,
Источника драгихъ наукъ!

Раждаетъ Лира намъ забавы;
Но первой ты ее открылъ,
Людей жестоки прежнихъ нравы
И варварство ты ей смягчилъ.

Ты власть Юпитера внушаешъ,
Виновникъ общій всѣхъ похвалъ;
Пріятной хитростью скрываешъ,
Все то, чтобъ ты ни пожелалъ.

Когда то, въ юны твои лѣта,
Разгоряченный Фебъ тобой,
Стремилъ жестокость всю навѣта,
И гнѣвъ тебѣ являлъ онъ свой

Чтобъ ты отмщенья устрашился
И могъ тѣлицъ его отдать. —
Въ тожъ время лукъ его сокрылся! —
Не могъ онъ смѣха удержать.

Пріямъ обремяненный златомъ,
И предводимъ тобой въ пути,

Владѣя осажденнымъ градомъ,
Предпринялъ къ Грекамъ въ станъ идти.

Съ тобой онъ обманулъ Атридовъ, (1)
Огни и стражу ихъ прошелъ! —
Среди ночныхъ ужасныхъ видовъ
Отраду въ горести нашелъ.

Ты души праведныхъ вселяешъ
Въ жилищѣ роскошныхъ полей. —
Златою вѣтьвью провождаешъ
Ты легкія стада тѣней.

Любимъ всегда Богами неба,
Любимъ и Божествомъ земнымъ,
Богами Ада, тмой Эреба
И смертными на свѣтѣ чтимъ!

ОДА X.

КЪ ЛЕВКОНОЮ.

Надлежитъ утѣшаться настоящимъ не проникая въ будущее.

Не ищи познать судьбины,
О! Любезной Левконой!
То, что смертный ни единый,
Въ вѣкъ не долженъ вѣдать свой.

Къ Вавилонскимъ изчисленьямъ (1)
Для того не прибѣгай,
Покорясь судебъ велѣньямъ,
Волѣ ихъ себя вручай.

Боги что опредѣляютъ
Мнѣ, тебѣ, твоимъ друзьямъ!—
Смертные того незнаютъ:
Поручи себя Богамъ.

Зри, Юпитеръ покрываетъ,
Облаками небеса,
И борей ярясь ломаетъ
Съ страшнымъ ревомъ древеса.

Хладъ зимы жестокой зрится;
Покрываетъ снѣгъ луга;
Море плещетъ и мутится,
Бьетъ со стономъ въ берега!

Что Зевесъ предполагаетъ.
Намъ почто о томъ тужить,

Многи ли приготовляетъ
Лѣта намъ на свѣтѣ жить?

Иль зима сія сурова,
Есть послѣдняя для насъ? —
Не жалѣй вина драгова,
Будь спокоенъ всякой часъ.

Между тѣмъ какъ я съ тобою
Собесѣдую о семъ;
Время быстрою стрѣлою
Мчится по пути своемъ.

Днемъ щастливымъ утѣшайся,
Скуку, грусть позабывай;
Днямъ грядущимъ не ввѣряйся;
Но въ веселье пребывай,

ОДА XI.

Воспѣвъ Боговъ и Героевъ, сплетаетъ похвалы Августу.

Кого о Муза! Изъ Героевъ,
Или изъ смертныхъ воспоешъ? —
Среди небесной Лиры строевъ,
Кого хвалами вознесешъ? —
Чье имя горъ верьхи тѣнисты,
Струи гремящи Пинда чисты,
Чье имя будутъ прославлять?
Чье имя Гемуса (1) предѣлы,
Чье имя Геликонъ веселый,
Въ восторгѣ будутъ повторять?

Крутыя Гемуса вершины,
И камни коего толпой,
Спѣшили съ мѣстъ своихъ въ долины
Услыша Лиры звукъ златой,
Орфея пѣнью покорялись,
Предъ коимъ бури укрощались,
И дубы чувственность пріявъ,
Текли за нимъ вослѣдъ съ весельемъ,
И дики звѣри съ изумленьемъ,
Позабывали лютый нравъ.

Откуда пѣснь начать прилично?
Кого въ началѣ возхвалить? —
Юпитера! Его обычно
Должны всѣ люди возносить!

Боговъ всевышняго владыку,
Его могуществу велику
Весь міръ пространный покоренъ!
Владѣетъ моремъ и землями,
Луной, и солнцемъ и звѣздами,
Чредой господствуетъ временъ.

Живущаго въ небесномъ сводѣ,
Котораго сильнѣе нѣтъ.
Нѣтъ равнаго ему въ природѣ,
Подобнаго не узритъ свѣтъ! —
По немъ Палладу почитая,
И въ громкихъ пѣсняхъ возглашая,
Я Бахуса воспомяну,
Его побѣды я прославлю.
Богиню въ славѣ я представлю,
Звѣрямъ творящую войну!

Я Ѳеба стрѣлъ златыхъ побѣды,
И съ нимъ Алкида воспою;
И вы сыны прекрасной Леды, (2)
Хвалу услышите мою! —
Одинъ въ ристаньѣ вихрю равенъ,
Другой въ единоборствѣ славенъ. —
Едва ихъ кроткая звѣзда,
Простретъ сіянья позлащенны; —
Ужаснымъ страхомъ пораженны,
Ликуютъ на морѣ суда.

*

Кипящи волны упадаютъ,
Коль въ небѣ лучь ея блеснетъ.;
Верьхи каменья обнажаютъ,
Въ пещеру буйный вѣтръ уйдетъ;
Угрюмы тучи разлетятся,
Въ долины горы превратятся,
И шумъ умолкнетъ на водахъ;
Разсѣется сѣдая пѣна,
Сія щастливая премѣна
Прогонитъ въ мореходцахъ страхъ.

Воспѣть ли знаки мнѣ державы,
И власть Тарквинія почтить,
Иль Ромула гремящей славы,
Успѣхи дивны возвѣстить?
Иль Нумы кротки дни прославить?
Иль смерть геройскую представить
Катона, мужества въ примѣръ?
Внимая Римлянъ всѣхъ желанье,
Представлю Скавросовъ (3) сіянье,
Превыше всѣхъ прославя мѣръ!

Воспойте Регула сомною,
Возвыся Музы свѣтлый гласъ!
Емилія взнося хвалою,
Представте тотъ ужасный часъ,
Когда побѣда Аннибала
Въ немъ столько духъ восколебала,

Что славы зря своей уронъ,
И храбрыхъ Римлянъ пораженье
Не могъ снести уничиженье
И жизнь свою окончилъ онъ.

Внемли о Куріи! Гласъ усердый,
Камиллъ, Фабриціи пѣснь мою! —
О Мужи! Коихъ души тверды
Прославя бодрственность свою,
Попрали роскошъ и забавы,
Среди побѣдъ, средь громкой славы,
Средь хижинъ, въ полѣ за сохой,
Убожество претерпѣвая,
О благѣ общемъ помышляя,
Къ нему весь духъ стремили свой!

Какъ юно древо возрастаетъ,
Цвѣтетъ при токахъ быстрыхъ водъ;
Такъ духъ Марцелія сіяетъ,
Его потомковъ поздный родъ
Какъ солнце блещетъ предъ звѣздами,
Такъ доблестей его лучами
Іюлія украшенъ домъ,
Предъ всѣми выше въ славѣ зрится,
Вездѣ какъ молнія стремится
Добротъ и дѣлъ великихъ громъ!

Сатурновъ сынъ громодержавный,
Хранитель смертныхъ и отецъ!

Ты, коему побѣды славны
Крѣпятъ небесныхъ силъ вѣнецъ!
Судьба тебѣ препоручила,
Твоей чтобъ власти страшна сила
Блюла дни Августа собой! —
Пребудь владыкой первымъ въ мірѣ,
Да Августъ царствуя въ порфирѣ;
Владѣетъ свѣтомъ подъ тобой!

Хоть Августъ въ славѣ къ колесницѣ
Парѳянъ и Церовъ 2) прикуетъ
И лавръ держа въ своей десницѣ,
Индѣйцовъ въ узахъ приведетъ!
Хотя вездѣ пребудетъ славенъ,
Въ величіи небудетъ равенъ
Тебѣ! Которой небеса
Ужаснымъ громомъ потрясаешъ,
За нечестивость устремляшъ,
Перунъ въ священныя лѣса!

ОДА XII.

КЪ РЕСПУБЛИКѢ.

Изображаетъ оную въ видѣ корабля и предостерегаетъ отъ возмущенія.

Корабль нещастливый! Куда стремишся ты?
Иль буря новая влечетъ тебя собою
Въ ужасныя валы, иль, пагубны мечты
Объемлютъ кормщика владѣюща тобою?
Останься, укрѣпись
Ты къ пристани безбѣдной,
Предать себя страшись,
Свирѣпству бури вредной!

Надежныхъ вервей нѣтъ, безъ нихъ немо-жно стать
Противъ усилія Бореевъ разъяренныхъ! —
Нѣтъ Бога для тебя, къ комубъ ты могъ возвать
Въ твоихъ опасностяхъ и ужасахъ вседневныхъ
Зри крѣпи всѣ свои,
И мачты поврежденны. —
Всѣ парусы твои
И снасти раззоренны!

Изъ славныхъ изходя Понтійскихъ ты лѣсовъ (1),
Породою своей тщеславишся напрасно.
Блестящи статуи, спокоятъ ли пловцовъ,(2)
Когда бѣды грозятъ и гибели всечасно.
Когда нехочешъ быть
Игралищемъ пучины,
Страшись далеко плыть,
Блюдися злой судьбины!

Ты былъ любьви моей и тщанія предметъ,
Къ тебѣ корабль стремилъ я мысль и попеченье;
А нынѣ грусть одна къ тебѣ меня влечетъ,
И чувствую одно лишъ только сожалѣнье.
Волненія страшись,
Зри пропасти зіяютъ;
Цикладскихъ водъ (3) брегись
Онѣ напасть скрываютъ!

ОДА XIII.

Предсказаніе Нерея о разрушеніи Трои. (1)

Когда любовію пылая,
Забывъ законъ, не знавъ стыда,
Парисъ супругу Менелая
Похитилъ на свои суда,
Собравъ всѣ вѣтры съ бурна моря,
Нерей (2) въ пещеры заключилъ;
Тѣмъ страхи бѣдъ и лютость горя,
Онъ хищнику предвозвѣстилъ.

Парисъ! Ты страстью ослѣпленный,
Подъ знаками ужасныхъ бѣдъ,
Везешъ жену, бывъ ей плѣненный;
Но знай, вся Греція придетъ! —
Придетъ за нею къ Илліону,
Поклявшись твой разрушить бракъ
Противный общему закону;
Горитъ отмщеньемъ воинъ всякъ.

Я зрю въ поту, покрытыхъ прахомъ,
Героевъ, всадниковъ, коней,
Несущихъ смерть съ ужаснымъ страхомъ
И пагубу странѣ твоей!
Уже готовитъ колесницу
Паллада щитъ и твердый шлемъ,
И кровожаждущу десницу,
Вооружаетъ копіемъ.

Вотще надежду полагаешъ,
Вотще Венеры чтишъ покровъ,
И тщетно руки упражняешъ,
На украшеніе власовъ!
Вотще на Лирѣ предъ женами
Ты пѣсни страстныя поешъ,
И тщетно оградясь стѣнами,
Спасенія въ чертогахъ ждешъ.

Вотще ихъ въ мысляхъ поставляешъ
Аякса быстрости въ предѣлъ;
Вотще въ нихъ скрыть себя желаешъ
Отъ пагубныхъ Критянскихъ стрѣлъ!
Нещастный! Зри гоненье грозно,
Зри трепетъ свой и блѣдный страхъ!
Власы твои увы! Но поздно
Погружены пребудутъ въ прахъ!

Зри Нестора премудра славу!...,
Уже Лаертовъ сынъ (3) готовъ
Низринуть въ прахъ твою державу.
Зри сильныхъ множество полковъ! —
Уже Тевсеръ неустрашимой,
Стеленъ искусный вождь коней (4),
Своей рукой непобѣдимой,
Тѣснятъ тебя въ странѣ твоей!

Познаешъ силу Меріона;
А здѣсь свирѣпый Діомидъ,

Пріямова паденье трона
Свершить рукой своей спѣшитъ. —
Отца храбрѣйшій многократно,
Тебя онъ жаждетъ обрести.
Бѣжишъ ты щастье зря превратно,
Не можешъ силъ его снести!

Гдѣ храбрость коей предъ Еленой,
Превозносилъ себя ты самъ? —
Такъ лютымъ страхомъ пораженной
Елень стремится по горамъ! —
Увидя волка оставляетъ
Пріятну паству и луга,
Бѣжитъ! Куда? Онъ самъ незнаетъ,
Страшится сильнаго врага!

Съ Героями Ахиллесъ прею,
Троянъ судьбу остановитъ;
Но вскорѣ пламянной зарею
Грекъ Трою въ пепелъ обратитъ!
Никто не свободитъ отъ плѣну
Троянскихъ дѣвъ, Троянскихъ женъ! —
Увидимъ Трою раззоренну,
И тронъ Пріямовъ сокрушенъ.

ОДА XIV.

Проситъ прощенія у Тиндариссы за то, что писалъ противъ ее.

О Дщерь! Рожденная отъ матери прекрасной —
И матери своей прекраснѣй несравненно!

Всегда, всегда повелѣвать
Ты можешъ Сатирой моею;
Опредѣли ее въ моря,
Или повергнуть въ лютый пламень!

Ни изступленія всевѣдущей Цибеллы,
Ни побѣдителя Пиѳея поощренье (1)

Когда онъ души жрицъ своихъ
Въ убѣжищѣ своемъ священномъ
Колеблетъ страхомъ и мятетъ,
Ни Бахуса воспламяненье;

Ни Корибантами (1) біемой мѣди звуки,
Съ движеньемъ зависти и гнѣва не сравнятся.

Грозящій пагубою мечь,
Моря шумящія и пламень,
Его не могутъ удержать,
Вотще бы самъ предсталъ Юпитеръ!

Когда изъ бренія составилъ человѣка,
Вѣщаютъ, Промеѳей, премудростью своею;

Отъ каждаго онъ звѣря взялъ,
Къ его составу по частицѣ:
А въ сердцѣ смертнаго вложилъ,
Онъ силу львинаго свирѣпства.

Гнѣвъ былъ причиною нещастія Тіеста! —
Великолѣпныя повержены имъ грады! —

И побѣдитель плугъ влачилъ (3)
По тѣмъ мѣстамъ гдѣ возвышались
Огромны зданія враговъ
И славныя твердыней стѣны.

Прошу тебя смягчи, смягчя ты лютость гнѣва;—
Я самъ его позналъ въ дни юности цвѣтущей. —
И онъ меня вооружилъ
Разительнымъ и сильнымъ Ямбомъ!-
Смягчилось сердце наконецъ,
И гнѣвъ не столько мной владѣетъ.

Равно и ты умѣрь сердечное волненье,
Все то, что я писалъ теперь опровергаю! --

Я все забвенію предамъ,
Лишъ толькобъ ты меня простила,
Умѣрила свой строгій гнѣвъ
И возвратила прежню милость.

ОДА XV.

КЪ ТИНДАРИСѢ.

Приглашаетъ ее въ свой загородной домъ.

Богъ Фавнъ нерѣдко оставляетъ
Верьхи его Лицейскихъ горъ,
И Лукретилу посѣщаетъ,
Являя въ ней веселый взоръ,

Гдѣ онъ стада мои отъ зною,
Отъ вѣтровъ и дождей хранитъ;
Свирѣли нѣжныя игрою
Долины и поля живитъ.

Когда онъ Эхо межъ горами
Возбудитъ и среди лѣсовъ,
Младыя овцы съ матерями,
Безъ бѣдъ пасутся средь кустовъ.

Ни волки ихъ неустрашаютъ,
Ни ядовитость лютыхъ змѣй. —

Такъ Тиндариса! Боги знаютъ
И любятъ Лиры звукъ моей.

Стихи мои безсмертнымъ внятны,
Они мнѣ здѣсь благотворятъ;
Имъ жертвы малыя пріятны,
Что отъ усердія горятъ.

Приди! Ужъ сельское пріятство
Тебя въ долинахъ мирныхъ ждетъ! —
Природа нѣжность и богатство,
Для насъ съ обиліемъ прольетъ.

Небудешъ слышать вихрей стона,
И тамъ недосягаетъ зной. —
На Лирѣ тамъ Анакреона
Я вмѣстѣ воспою съ тобой:

Любовь Цирцеи и стенанья,
И вѣрной Пенелопы страсть,
Утѣхи, радость, воздыханья,
Забавы, нѣжность и напасть.

Лезбійской влагой (2) прохлаждаться
Ты будешъ, гдѣ журчитъ ручей;
И Бахусъ съ Марсомъ тамъ сражаться,
Не будетъ въ ярости своей.

Но веселъ, милъ, безъ принужденья
Прольетъ умѣренно вино;
Пріятство должнаго почтенья,
Пребудетъ тамъ сохранено.

ОДА XVI.

КЪ ВАРУСУ.

Умѣренное употребленіе вина возбуждаетъ разумъ, излишнее же раждаетъ ссоры.

Не насаждай иныхъ плодовъ,
О Варусъ! Въ Тивольскихъ долинахъ,
Пусть при Катиловыхъ (1) твердыняхъ,
При видѣ стѣнъ, глубокихъ рвовъ,
Мы зримъ едины винограды;
Болѣзни, скорьби и досады
Опредѣлили Боги тѣмъ,
Которы даръ ихъ презираютъ,
Драгимъ не пользуясь питьемъ,
Его пріятности незнаютъ.

Вино лишаетъ насъ заботъ,
И кто, напившися довольно,
Роптать возможетъ своевольно,
Противъ источника щедротъ?
Труды военны презираетъ,
Убогу жизнь не проклинаетъ,

Душа веселіемъ полна! —
Смѣется плачущихъ примѣру,
Поетъ тебя, О Богъ вина! —
И матерь прелестей Венеру!

Но да блюдемся нарушать
Предѣлы разума сколь можно. —
Кто пьетъ вино неосторожно,
Тотъ можетъ всѣ бѣды познать.
Теперь представимъ древность видовъ:
Война Кентавровъ и Лапидовъ,
Воспламянилась отъ вина!
Гнѣвъ Бога Оргія (2) познала,
Тогда Фракіиская страна,
Какъ въ буйствѣ свой законъ попрала.

О! Богъ полезнѣйшихъ плодовъ!
Да буду я всегда умѣренъ,
Любви и дружбы въ тайнахъ вѣренъ,
Не ставя въ зло твоихъ даровъ.
Да свѣту то я не открою,
Покрыто что глубокой тмою
И что отъ солнечныхъ лучей
Должно подъ листіемъ скрываться;
Но ты щедротою своей,
Безъ бѣдъ позволь мнѣ наслаждаться!

Молчанье положи трубамъ,
Тимпановъ звуку, шуму хоровъ,

Слѣпую гордость, тьму раздоровъ
Которыя раждаютъ намъ. —
И самолюбіе пустое
Отринь, оставя насъ въ покоѣ;
А съ нимъ нескромность, корень зла;
Бѣды родящу чрезвычайны,
Она прозрачнѣе стекла,
Важнѣйши открываетъ тайны.

ОДА XVII.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Извиняется въ посредственности своего вина.

О Меценатъ! Коль посѣщеньемъ
Мой удостоишъ скудный домъ,
Какъ чтить тебя мнѣ угощеньемъ
Какимъ избраннѣйшимъ столомъ?
Роскошныхъ яствъ, вина драгова,
Не узришъ въ домѣ у меня;
Кромѣ Сабинскаго (1), инова
Ты въ немъ небудешъ пить вина. —
И въ томъ излишества небудетъ;
Но знай какое то вино,
Тово Римъ вѣчно незабудетъ,
Какъ славою возвѣщено,
Съ рукоплесканьемъ повторялось

Въ Ѳеатрѣ, имя Меценатъ!
Съ весельемъ Ехо отзывалось
И твой отечественный градъ,
Наполненъ имъ блисталъ повсюды,
Народъ въ весельѣ пребывалъ! —
Въ тотъ день я въ Гречески сосуды, (2)
Вино сіе самъ разливалъ.
Въ твоихъ чертогахъ позлащенныхъ,
Мы пьемъ Цекубу и Кале (3);
Ты кромѣ винъ здѣсь порожденныхъ,
Не узришъ на моемъ столѣ.
Чѣмъ усладить вино, незнаю,
Рожденное въ саду моемъ?
Формійскихъ (4) винъ я незбираю,
Фалерна (5) не родится въ немъ.

---

*

ОДА XVIII.

Юношество Римское поетъ хвалы Діанѣ и Аполлону.

Взносите хоры дѣвъ прекрасныхъ,
Діану въ гласахъ вы своихъ,
И Ѳеба въ пѣніяхъ согласныхъ,
Хвали сонмъ юношей младыхъ.

Латону чтимую Богами,
Котору возлюбилъ Зевесъ.
О дѣвы! Нынѣ похвалами,
Превозносите до небесъ.

И ту, что при струяхъ прозрачныхъ,
Алгиды (1) хладной на холмахъ;
Забавы ищетъ въ рощахъ злачныхъ,
Стремясь съ колчаномъ на плечахъ.

Иль Еримента верьхъ тѣнистый
Любя, тамъ хочетъ пребывать,
Иль Крагскихъ горъ округи чисты
Желаетъ часто посѣщать.

А вы, О Юноши! Хвалите,
Страны Ѳесалій паче всѣхъ,
И равно-мѣрно возносите,
Божественны Дельфоса брегъ.

Вы симъ почтете Аполлона,
Онъ внемлетъ вашъ усердный гласъ,
Сіянье Августова трона
Онъ сохранитъ, защититъ васъ;

Спасетъ отъ бѣдъ, напастей многихъ,
И пламень брани погаситъ,
Войну, печаль нещастій строгихъ,
Къ Британцамъ, къ Персамъ устремитъ.

ОДА XIX.

КЪ ФУСКУ.

Невинность и добродѣтель ничего нестрашатся.

Кто правду въ свѣтѣ сохраняетъ,
И ненавидитъ злобныхъ дѣлъ,
Къ защитѣ тотъ не запасаетъ
Ни копей, ни мечей, ни стрѣлъ.

Хотябъ онъ былъ въ пѣскахъ Ливійскихъ, (1)
Или Кавказа на верхахъ, (2)
Иль въ дальнихъ тѣхъ странахъ Индійскихъ
Шумитъ Гидаспъ гдѣ въ берегахъ...

Въ Сабинскихъ рощахъ прохлаждаясь,
Гулялъ въ вечерніе часы,

И скуки тамо удаляясь
Я пѣлъ Лалагіи красы.

Внезапно страшный волкъ явился,
Въ зеленыхъ зря меня кустахъ,
Онъ безъоружна устрашился
И скрылъ себя въ крутыхъ горахъ.

Въ Апульскихъ знойнѣйшихъ долинахъ,
Не зрѣлся звѣрь еще таковъ,
Ни въ жаркихъ Юбиныхъ равнинахъ,
Раждающихъ свирѣпыхъ львовъ.

Пусть буду я въ покрытой льдами,
Снѣгами вѣчными странѣ,
Подъ хладными гдѣ облаками,
Лишь зрятся инеи однѣ.

Пусть буду тамъ гдѣ зной ужасной
Безплодны степи зжетъ собой,
Всегда утѣхи взоръ прекрасной
Мнѣ дастъ Лалагіи драгой.

ОДА XX.

КЪ ВИРГИЛІЮ.

О смерти Квинтилія.

Не стыдно слезы лить, не стыдно сокру-
шаться! —
И можетъ ли печаль въ предѣлахъ удер-
жаться? —
Толь мудрый человѣкъ, свой славный вѣкъ
скончалъ! —
О Муза! Коей Богъ Боговъ всю нѣжность
далъ
Небесну прелесть лиръ пріятства несрав-
ненна,
Внуши печальну пѣснь, внуши мнѣ Мель-
помена!

Свершилось все, скончалъ Квинтилій жизни
трудъ!
Честь, вѣрность, истина во вѣки ненай-
дутъ
Другова, ктобъ ему возмогъ быть въ чув-
ствахъ равенъ,
Его кончина всѣхъ сердца должна разить;
А ты, Виргилій бывъ съ нимъ дружбой въ
свѣтѣ славенъ,
Колико горькихъ слезъ, ты долженъ днесь
пролить!

Но тщетно горестью ты духъ свой сокрушаешъ,
Вотще съ моленіемъ къ безсмертнымъ прибѣгаешъ,
Прося Юпитера, чтобъ друга возвратилъ,
Кой жизнь свою тебѣ на вѣки посвятилъ!
Хоть звуки бъ струнъ твоихъ пріятнѣе тѣхъ были,
Что дубы послѣдамъ Орфеевымъ водили!

Твой гласъ, нѣжнѣйшій гласъ ту тѣнь невозвратитъ,
Ермій (1) которую межъ мертвыми хранитъ,
И кою Стиксовы дѣлятъ отъ насъ потоки! —
Признаюсь, истины сіи, мой другъ жестоки;
Но вспомни, что хотя намъ духъ печали данъ,
Терпѣніе мягчитъ болѣзнь сердечныхъ ранъ!

ОДА XXI.

КЪ МУЗѢ.

Удаляясь заботъ, воспѣваетъ друга своего Ламія

Доколь любимъ пребуду вами
О Музы! Въ жизни я моей,
Заботы, грусть, тоску съ бѣдами,
Предамъ волненію морей.

Пусть вѣтръ ихъ по водамъ разсѣетъ,
Не допустя пристать къ брегамъ.
Кто Царь! — Что въ севѣрѣ владѣетъ
И коего трепещутъ тамъ?

Что Тиридата (1) возмущаетъ,
И что его причиной бѣдъ?
Мой духъ познать то не желаетъ,
Мнѣ въ томъ ни малой нужды нѣтъ.

О Муза! Мать забавъ прекрасныхъ,
Любящая въ тѣни лѣсовъ,
При шумѣ быстрыхъ водъ и ясныхъ,
Плести вязанки изъ цвѣтовъ:

Сплети ты Ламію драгому,
Сплети вѣнецъ, кой смертныхъ льститъ;
Кому сіе, кому другому,
Какъ не тебѣ принадлежитъ?

Ты можешъ прелестьми владѣя
Съ сестрами гласъ свой съединить,
Взявъ Лиру звучную Алцея, (2)
Его безсмертіемъ почтить.

ОДА XXII.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Не ссортесь за столомъ.

Бутылки, рюмки и стаканы
Устроены лишъ для забавъ. —
Ѳракіяне напившись пьяны
Въ пирахъ являютъ грубый нравъ;

А вамъ, присталоль ими драться
О вы! Любезныя друзья? —
Пусть варварскія истребятся
Обычаи, среди питья.

Положимъ Бахусу границы!
Будь вѣжливъ онъ средь пиршества.
Подобныль Мидяновъ гробницы, (1)
Свѣщамъ веселымъ торжества?

Раздоры, крики, шумъ прервите
Друзья пирующи въ гостяхъ;
Сидите смирно, говорите
Опершись на своихъ локтяхъ.

ОДА XXIII.

Архитасъ (1) Философъ города Тарента, разговариваетъ по смерти съ кормщикомъ о необходимости оной и проситъ сдѣлать погребеніе его тѣлу.

КОРМЩИКЪ.

О ты! Что измѣрялъ моря, земель пространство,
Могъ зерна счесть пѣсковъ, погодъ непостоянство!
Зри нынѣ Архитасъ! Себя на сихъ брегахъ
Безъ погребенія, лежаща на пѣскахъ!
Не тщетноль пролеталъ твой умъ верьхи небесны,
Міры всѣ измѣрялъ и связи ихъ чудесны? —
Ты смерти не возмогъ своей тѣмъ отвратить!

АРХИТАСЪ.

Танталъ немогъ себя отъ ней предохранить,
Хотя онъ славился безсмертныхъ угощеньемъ,
Ея жестокостью и лютымъ дерзновеньемъ
Авроры нѣжныя супругъ не пощаженъ,
Ниже Миносъ, кой былъ съ превыше просвѣщенъ,

Юпитеръ коему небесны ввѣрилъ тайны.
Пантуевъ сынъ (2) снишелъ дву кратъ въ страны печальны,
Гдѣ Стиксъ валы влечетъ и царствуетъ Плутонъ,
Хоть тщился утверждать, что тѣломъ только онъ
Дань смерти отдаетъ; а дней своихъ начало
Онъ числилъ прежде тѣхъ, когда существовало
Владѣнія Троянъ и цвѣлъ Пріямовъ домъ,
Стараясь доказать, онъ древнимъ то щитомъ
Которой сорванъ былъ имъ въ капищѣ Юноны.
Въ сей части можетъ онъ природныя законы
Тебѣ, яснѣй меня собою доказать;
А мы всѣ суждены тму вѣчну населять
Млады и старые спѣшатъ въ ея долины,
Никто не избѣжитъ жестокой Прозерпины.
Въ Адріатически валы свирепствомъ бурь
Я вверженъ, какъ затмясь небесная лазурь
Сокрыла отъ очей сіянье Оріона (3).
Прошу тебя, сверши обязанность закона,
Тронися жалостью, исполни что реку
И въ зернахъ нѣсколькихъ не откажи пѣску
Для тѣла моего лишенна погребенья.
Я буду возсылать усердныя моленья
И вѣтры, и моря потщуся я молить,

Да будутъ плаванье онѣ твое хранить,
Да тяжкія Еолъ наложитъ бурямъ узы,
Да ярость устремитъ ихъ на лѣса Венузы (4),
Да благость низпошлютъ отъ волнъ и отъ небесъ
Защитники Тарентъ, Нептунъ и самъ Зевесъ.
Но что? — Я зрю, мои ты прозьбы отвергаешъ,
Пренебрегая, грѣхъ, о коемъ уповаешъ,
Что пагубенъ тебѣ не можетъ оной быть,
И развѣ лишъ твоимъ потомкамъ Боги мстить
За варварство твое и за презренье будутъ.
Нѣтъ, Боги клятвъ моихъ конечно не забудутъ,
Пошлютъ правдиву казнь не медля на тебя,
И жертвой ни какой ты не спасешъ себя.
То, что я у тебѣ прошу, въ словахъ моленья,
Не требуетъ трудовъ, ни время продолженья;
Три краты кинувши пѣску на хладну грудь,
Съ благословеніемъ спѣши въ желанный путь.

ОДА XXIV.

КЪ ИССІЮ.

Смѣется надъ нимъ, что онъ оставя Философію принялся за оружіе.

Что вижу? Иссій ты! Ты зришъ завистнымъ окомъ
На злато Африки, и въ рвеніи жестокомъ
Готовишъ ужасъ битвъ царю Сабейскихъ странъ (1),
Оковы возложить идешъ на Ѳракіянъ!
Какая Варварка прекрасная, младая,
Невольницей твоей пребудетъ воздыхая
Лить о возлюбленномъ потоки слезъ своемъ,
Ты коего пронзишъ безъ жалостно мечемъ?
Какой младый герой искусно наученный
Метанью легкихъ стрѣлъ, тобой въ бою плѣненный
Предстанетъ предъ тебя, съ избраннѣйшимъ виномъ,
Когда ты будешъ пить за раскошнымъ столомъ?
Возможноль не сказать, что съ горъ шумящи воды
Къ вершинамъ могутъ течь, презря законъ природы,

Что Тибръ къ источнику волненье устремитъ;
Когда тебя прельстилъ мечь острый, твердый щитъ?
Ты книгъ Панетія (2) бѣжишъ плѣнясь войною,
Сократа правила презрѣнны ужъ тобою. —
Ты кой неложный блескъ надежды всѣмъ являлъ,
Собраніе наукъ на латы промѣнялъ.

ОДА XXV.

КЪ ВЕНЕРѢ.

Призываетъ ее къ жертвамъ приносимымъ Глицерой.

Царица Книдій (1) и Пафоса, (2)
Любящая пріятвъ цвѣты;
Не въ Кипръ, не на брега Лесбоса
Явись въ своемъ сіяньи ты.

Тебя Глицера призываетъ
Въ ея веселыя мѣста,
Усердны жертвы возжигаетъ,
Твоя да снидетъ красота.

Въ ея жилищѣ да явятся
Утѣхи, Граціи, любовь,

Что въ слѣдъ тебѣ всегда тѣснятся,
Дріяды, Нимфы горъ, лѣсовъ.

Меркурій, Геніи, забавы,
Красы природы, тьма богатствъ!
Онѣ твоей не видя славы,
Своихъ лишаются пріятствъ.

ОДА XXVI.

КЪ АПОЛЛОНУ.

Не богатства просятъ у него стихотворцы.

Когда храмъ новый посвящаетъ
Тебѣ, Великій. Аполлонъ!
Что проситъ у тебя Піита,
Въ Моленьяхъ искреннихъ своихъ?

Нѣтъ, жатвъ Сардинскихъ онъ непроситъ,
Ниже Каларбскихъ тучныхъ паствъ,
Ни злата, ни слоновой кости,
Чѣмъ Индія всегда славна.

Ни тѣхъ земель благополучныхъ,
Покрытыхъ мягкою травой,
Гдѣ Лирисъ (1) межъ бреговъ зеленыхъ
Струи въ молчаніи влечетъ.

Пусть собираютъ винограды,
И пьютъ калейское вино,
Того природа награждаетъ,
Кому сіе принадлежитъ.

Пускай купецъ среди богатства,
Изъ позлащенныхъ кубковъ пьетъ
Вино, онъ кое за товары
Въ странахъ далекихъ получилъ.

Конечно, онъ любимъ Богами,
Когда безбѣдно каждый годъ,
Разъ нѣсколько переплываетъ,
Онъ Атлантически валы.

Но я; лѣсной доволенъ Малвой,
Оливами, что здѣсь растутъ,
Плодами дикими простыми,
Вотъ все, что въ жизни я прошу:

О сынъ Латоны свѣтозарный!
Да будетъ благо то со мной,
Чтобъ могъ я здравьемъ наслаждаться,
Всегдашней чистотой ума

Избавленъ бѣдъ лишиться звуку
Пріятной Лиры твоея,
Иль въ дряхлой старости несносной,
Влачить безъ пользы жизнь мою.

ОДА XXVII.

КЪ ЛИРѢ.

Коль я въ тѣни древесной,
Отвергнувъ суеты,
На Лирѣ Музъ прелестной
Бряцалъ свои мечты,
Иль пѣсенки простыя,
Что годъ не проживутъ,
Забавъ часы драгія
Пріемля легкій трудъ;
Тебя я заклинаю,
О Лира! Мнѣ внимать,
И что воображаю,
То вѣрно повторять.
Лесбоса житель перьвой,
Тобою кой владѣлъ
И мѣрой гласа вѣрной,
Боговъ и смертныхъ пѣлъ; (1)
Хотя любилъ сраженья,
Оружье почиталъ,
И бури, и волненья
Морей пренебрегалъ,
Послѣ военна грома,
Иль въ пристань уклонясь
Пѣвалъ онъ Купидона,
Въ возторгѣ веселясь,
Онъ славилъ васъ о Музы!
Венеру Вакха чтилъ,

Изъ розъ сплетенны узы
На Лирѣ возносилъ;
Лицеи нѣжны взгляды,
И черные власы,
Любви драгой отрады
И прелесть и красы.
О Лира ты средь неба
Являешъ блескъ златой,
И украшаешъ Ѳеба
Владѣюща тобой.
Ты роскошъ составляешъ,
Зевесовыхъ пировъ,
Пріятствомъ услаждаешъ
Героевъ и Боговъ.
О чувствъ моихъ отрада!
Внемли ты голосъ мой:
Будь мнѣ трудовъ награда,
Дай слышать звукъ драгой!

ОДА XXVIII.

Притворствуетъ въ почтеніи Боговъ.

Преступникъ! Я нечтилъ Боговъ,
И философіи опасной
Носилъ всѣ тягости грѣховъ,
Отступникъ истины нещастной!

Я рѣдко жертвы возжигалъ;
Но нынѣ паки приклоняюсь
Къ безсмертнымъ, коихъ забывалъ,
На путь правдивый обращаюсь.

Ахъ! Правда, огненной чертой
Юпитеръ небо раздѣляетъ,
На колесницѣ громовой
Между угрюмыхъ тучъ летаетъ.

Ея ужасный стукъ колесъ,
Колеблетъ пропасти подземны,
Дрожитъ земля и твердь небесъ,
И Адскія пещеры темны.

Такъ, точно можетъ Божество
Всегда судьбами смертныхъ править,
Низринуть сильныхъ торжество,
И въ славу бѣднаго возставить.

Такъ, щастіе въ играхъ своихъ
Вѣнцы Царей земныхъ срываетъ,
И возлагаетъ на другихъ,
Когда никто сего нечаетъ.

ОДА XXIX.

КЪ БОГИНѢ ЩАСТІЯ.

О ты! Что въ Антимѣ (1) хвалами
И жертвой чтима каждый часъ!
Богиня щастья! Ты играми
Своими удивляешъ насъ.

Обрядъ плачевный погребенья
Ты можешь въ радость претворить,
И смертнаго во тьмѣ презрѣнья
Возможешъ славой озарить.

Тебя владѣющу морями,
Пловцы съ усердіемъ зовутъ;
Селъ тихихъ жители мольбами
Среди лѣсовъ и хижинъ чтутъ.

Бродящій Скифъ (2) и Дакъ убогой,
Латиновъ храбрыхъ гордый родъ, (3)
Твоей трепещутъ власти строгой
Вельможи грады и народъ.

Тебя властители вселенной
Страшатся, средь богатствъ своихъ,
Каменья, пурпуръ златошвенной
Не могутъ успокоить ихъ.

Боятся чтобъ рукой незримой,
Ты ихъ не опровергла власть,
И чтобъ народъ не укротимой,
Не избралъ бы другую часть;

Чтобъ гражданъ мирныхъ не возставилъ,
Онъ противу своихъ Царей,
Чтобъ иго рабства не оставилъ,
И тьмой не возгремѣлъ мечей.

Предходитъ бѣдность предъ тобою,
И всѣ признаки тяжкихъ бѣдъ
Своей желѣзною рукою,
Необходимость съ ней несетъ.

Тебѣ послѣдуетъ надежда,
И вѣра по твоимъ стопамъ;
Богинь сихъ бѣлая одежда
Мечтается не рѣдко намъ.

Сама не рѣдко добродѣтель,
Соединяется съ тобой. —
Убогій, воинъ, Царь, владѣтель
Всѣ чтутъ законъ, Богиня, твой.

Когдажъ ты черныя одѣжды
Возложишъ въ гнѣвѣ на себя,
Тѣхъ оросишъ слезами вѣжды,
Что уповаютъ на тебя.

Могущею своей рукою,
Затмишъ сіяющи вѣнцы;
Тогда плѣненные тобою,
Отъ нихъ сокроются льстецы;

Сокроются друзья невѣрны,
Когда возмешъ ты оборотъ,
И въ страхѣ лютомъ легковѣрный,
Оставитъ ихъ тогда народъ.

О щастье! Я къ тебѣ взываю!
Блюди дни Августа и тронъ.
Тебѣ Монарха поручаю,
Далекій путь предпринялъ онъ:

Противъ Британцовъ страшныхъ нынѣ
На край вселенной онъ идетъ, (5)
Храни ты въ щастливой судьбинѣ
Всѣхъ, кто оружье съ нимъ несетъ.

На брегъ идущихъ Чермна Моря,
Во шлемахъ блещущихъ своихъ,
Храни отъ бѣдъ и люта горя
Преславныхъ воиновъ младыхъ.

Увы! Сколь мы должны стыдится,
Грѣховъ, раздоровъ, нашихъ ранъ!
Еще вездѣ постогнамъ зрится
Кровь нашихъ братій, со гражданъ. (6)

На все преступники дерзали,
Среди ужасныхъ оныхъ дней;
Къ Богамъ почтенье отвергали,
Забвенъ былъ стыдъ и страхъ властей.

Которой жертвенникъ остался
Рукою нашей пощаженъ?
Гдѣ домъ, которой бы щитался
Въ раздоръ вражды не погруженъ.

Богиня! днесь внемли моленье,
Свой кроткій взоръ на насъ простри;
Мечи Арабовъ на пронзенье
И Массагетовъ изостри.

ОДА XXX.

Проздравляетъ Нумидія съ возвращеніемъ изъ Гишпаніи.

Да воскурятся Ѳиміамы,
Въ благодареніе судьбамъ —
И жертвы мною обѣщанны
Да принесу теперь Богамъ,
Богамъ Нумидія хранящимъ
Я пѣсни новы воспою:
Уже съ усердіемъ горящимъ
Онъ паки зритъ страну свою,
Съ бреговъ Гесперскихъ (1) возвратился,
Пребывъ щастливо долго тамъ. —
Колико онъ въ пути трудился,
Теперь объятія друзьямъ
Съ усердьемъ многимъ раздѣляетъ,
Всякъ зритъ въ немъ друга своего;
Но больше всѣхъ ихъ получаетъ
Любезной Ламій другъ его.
Они съ нимъ въ дѣтствѣ обитали
Наставникъ, книги ихъ однѣ,
И вмѣстѣ также воспріяли
Одежду юношей онѣ. (2)
Да будетъ день сей, днемъ блаженнымъ,
Воспляшемъ мы и воспоемъ,
И въ духѣ радостью плѣненномъ
Вино обильно изліемъ.
Подайте листья, что сіяютъ
Всегда зеленостью своей,

И розъ что чувства услаждаютъ,
И бѣлосребряныхъ лилей.

ОДА XXXI.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Возбуждаетъ ихъ радоваться о смерти Клеопатры (1).

Пейте други, веселитесь,
Пѣньемъ пляской насладитесь;
Жертвой олтари Боговъ
Да украсятся повсюду;
Грѣхъ коснутся намъ сосуду
Было нашихъ бы отцовъ (2)
Въ дни щастливы той Царицы,
Дерзостно грозящей всѣмъ,
Римъ и всѣ его границы
Сокрушить своимъ мечемъ.

Духъ тщетою услаждая,
Дерзскимъ войскомъ управляя
Въ роскошѣ привыкшимъ быть,
Въ немъ надежду полагала,
Капитолію желала
Въ прахъ и пепелъ обратить! —
Но уже воспламенился
Флотъ ея отъ нашихъ стрѣлъ,

И одинъ лишъ сохранился
Ей корабль къ спасенью цѣлъ.

Видя гордости паденье,
Ищетъ чтобъ виномъ смущенье (3)
Хоть на время укротить.
Тогда Кесарь лавры новы
Пожиная, ей оковы
Устремился возложить.
Какъ за голубемъ летаетъ
Ястребъ, выше облаковъ,
Иль охотникъ поспѣшаетъ
За звѣрьми среди снѣговъ:

Тако онъ за ней стремиться.
Но Царица, коя зрится
Выше пола своего,
Зритъ кинжалъ безстрашнымъ окомъ,
И въ смущеніи жестокомъ
Не внимаетъ ничего.
Не въ страны далеки скрыться,
И не жизнь свою спасать,
Славной смертію гордится,
Ищетъ твердость показать.

Силу духа превосходну,
И мужамъ едвали сродну! —
Емлетъ лютую змѣю,
Смерть безъ страха призываетъ,

И свирѣпый ядъ впускаетъ
Въ кровь кипящую свою,
Что бы славу тѣмъ убавить
Римскихъ воевъ навсегда,
И въ оковахъ не представить
Душу горду никогда.

ОДА XXXII.

КЪ СВОЕМУ СЛУГѢ.

Я Персовъ роскошъ презираю,
Мнѣ ихъ противна пестрота;
Избавь себя, тебѣ вѣщаю
Отъискивать сіи мѣста
Гдѣ розы поздны сохраняютъ,
Не требую такихъ вѣнковъ
Въ которыхъ блескъ свой разливаютъ
Различныхъ множество цвѣтовъ.
Доволенъ Миртой я простою,
Пусть украшаетъ насъ она,
Придична мнѣ она съ тобою,
Прилична въ кажды времена:
Тебѣ, когда повелѣваю
Налить виномъ мнѣ кубокъ мой,
А мнѣ, когда я воспѣваю
Въ возсторгѣ внемля лиры строй.

Конецъ первой книги.

ОДЫ

ГОРАЦІЯ

КНИГА ВТОРАЯ.

ОДЫ ГОРАЦІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОДА I.

КЪ ПОЛЛІОНУ (1)

Совѣтуетъ ему оставить на нѣкоторое время Трагедію и заняться сочиненіемъ повѣсти о междоусобныхъ браняхъ.

Пѣть ужасъ битвъ междоусобныхъ,
Въ Метелловы пылавшихъ дни,
Явить въ сказаніяхъ подробныхъ,
Отколь раждались тѣ огни;
Представить безпорядки многи,
Премѣны щастія людей;
Познать сокрытыя дороги,
И связи пагубны вождей;

Разстройства страшныя представить,
Оружіе Римлянъ въ крови;
Преступныхъ трепетать заставить,
Есть трудъ великій въ наши дни,

И предпріятіе толь страшно,
Какъ путь тамъ дерзско править свой,
Гдѣ пламя люто и ужасно
Скрываетъ вредъ свой подъ золой.

Оракулъ Римлянъ и Сената,
Смягчающій нещастныхъ стонъ;
Клевѣтъ гонитель и разврата,
О ты! Великій Полліонъ!
Войной противъ Диманиповъ (2) славной,
Обрелъ ты лавровой вѣнецъ! —
Оставь Трагедіи печальной
Глаголъ, прелестнѣйшій пѣвѣцъ!

Концемъ великихъ дѣлъ гордяся,
Исполни то, что многи ждутъ;
Въ Котурнахъ (3) паки возносяся,
Пріятный свой воспримешъ трудъ.
Уже черезъ тебя внимаетъ
Нашъ слухъ, трубы военной строй,
И блескъ оружья поражаетъ
Коней и всадниковъ собой!

Я слышу гласъ вождей, героевъ,
Покрытыхъ прахомъ на поляхъ;
Я зрю побѣдоносныхъ воевъ,
Свирѣпство брани, лютость, страхъ!
Кромѣ великаго Катона,
Я вижу въ ужасѣ весь свѣтъ! —

Не можетъ сильная Юнона
Избавить Африку отъ бѣдъ!

Хотя всѣ Боги оставляютъ
Ее погибели своей;
Но гнѣвъ потомкамъ свой являютъ,
Преславныхъ въ свѣтѣ тѣхъ мужей,
Ее которы устрашали.
Бѣдами нѣкими влекутъ,
Ко умноженью золъ, печали
Югуртѣ (4) въ жертву кровь ихъ льютъ!

Какое поле не покажетъ,
Чрезъ гробы зримые Римлянъ;
Какое море намъ не скажетъ,
Погибель нашихъ согражданъ?
Поля, утесы горъ, долины,
Моря и воды быстрыхъ рѣкъ,
Лѣса откроютъ и стремнины
Гдѣ токъ преступной крови текъ!

Рекутъ Гесперіи паденье,
И звукъ достигшій до Пароянъ! —
Грабительство и раззоренье,
Струи кровавы, лютость ранъ!
Гдѣ мѣсто кое бы спаслося,
Отъ дерзновенныхъ хищныхъ рукъ?
Вездѣ оружіе неслося,
Вездѣ войны былъ слышенъ звукъ!

Оставь, О Муза! Древность вида,
Забавъ своихъ не забывай,
Плачевны пѣсни Симонида (5)
Въ стихахъ моихъ не обновляй.
Тебѣ прохладныя пещеры
Легчайши пѣсни возродятъ,
Пусть только прелести Венеры
Забавы, игры въ нихъ гремятъ!

ОДА II.

КЪ САЛЛУСТІЮ.

О употребленіи богатства.

Саллустій, духъ твой презираетъ
Богатство скрытое скупымъ —
Тотъ, кто умѣренность въ немъ знаетъ,
Одинъ лишъ тотъ владѣетъ имъ.
Любовью къ братіямъ извѣстный,
И нѣжный въ дружбѣ Прокулей, (1)
Восприметъ похвалы нелестны
И вѣчну славу въ жизни сей.

Кто жадность обуздать умѣетъ,
Доволенъ жребіемъ своимъ,
Тотъ большимъ щастіемъ владѣетъ,
Хотя бы Ливія за нимъ
И Кадиксъ во владѣньѣ были,

Хотя бы грады Карѳагенъ (2)
Его однѣ законы чтили,
Не будетъ больше онъ блаженъ.

Кто страждетъ водяной однажды,
Тотъ множитъ боль свою питьемъ. —
Не утолитъ свирѣпой жажды,
Доколѣ въ тѣлѣ онъ своемъ
Имѣть болѣзнь и воду будетъ,
Доколѣ ихъ не истребитъ;
Терзаемъ скорьбью онъ пребудетъ,
И облегченья не узритъ.

Кто добродѣтель почитаетъ,
Не мыслитъ какъ народъ простой;
Тотъ Фраатеса (3) не щитаетъ
Блаженнымъ средь богатствъ собой.
Хоть Кира тронъ себѣ въ наслѣдство
Сей смертный въ жизни восприялъ,
Онъ зритъ его всегдашне бѣдство,
И знаетъ сколь онъ духомъ малъ.

Кто свѣтомъ разума сіяетъ,
Не терпитъ ложныхъ тотъ имянъ,
Своимъ примѣромъ научаетъ,
Какъ чтитъ достоинства гражданъ.
Царя названье, власть высоку
И справедливый лавръ даритъ

Тому, кто чуждъ всегда пороку
Безъ зависти богатства зритъ.

ОДА III.

КЪ ДЕЛЛІЮ.

Судьбы премѣну презирая,
Всегда умѣренность храни.
Въ бѣдахъ твердъ духомъ пребывая,
Въ щастливы равномѣрно дни
Блюдись излишнее веселье,
И радость лестную вкушать, —
Хотябъ ты жилъ въ бѣдахъ, въ гоненьѣ,
Иль могъ бы время провождать
Средь роскоши, пировъ и нѣги,
И на прелестныхъ муравахъ,
Гдѣ быстрыхъ водъ шумящи бѣги
Крутясь, блистаютъ въ берегахъ.
Или подъ тѣнью древъ зеленыхъ,
Пріятство жизни ты вкушалъ;
Или въ долинахъ изпещренныхъ
Виномъ Фалернскимъ вкусъ прельщалъ
Спокойствомъ духа наслаждайся,
Доколѣ Парки и случай
Такъ жить позволятъ, утѣшайся
И суетность пренебрегай.
Вели принесть плоды и вины,
Которыхъ здѣсь пріятнѣй нѣтъ;

Подай забавы сей единый
Признакъ неложный, розу цвѣтъ.
Ахъ! Скоро розы цвѣтъ завянетъ,
Листочки скоро отпадутъ;
Тебя прельщать то перестанетъ,
Что люди въ жизни щастьемъ чтутъ.
Оставишъ ты сіи предѣлы,
Трудовъ своихъ оставишъ плодъ,
И Тибрскіе брега веселы
Съ струями быстрыхъ шумныхъ водъ.
Что ты збиралъ чрезъ многи годы,
И все, что такъ твой духъ влечетъ;
Наслѣдникъ твой не знавъ заботы,
Все безъ трудовъ преобрететъ.
Хоть въ жизни кто царемъ родится
Иль нищимъ въ свѣтъ произведенъ:
Онъ тоюжъ жертвой становится,
Равно бываетъ чувствъ лишенъ.
Всѣхъ жребій урна заключаетъ:
Лишъ только смертный свѣтъ узритъ,
Въ ладью (1) свирѣпый рокъ вмѣщаетъ,
И въ ссылку вѣчную стремитъ!

ОДА IV.

КЪ СЕПТИМІЮ.

О томъ, что онъ предпочитаетъ Тиволи, или Тускуламъ и Тарентъ всѣмъ мѣстамъ на свѣтѣ и желаетъ проводить въ оныхъ остатокъ своей жизни.

Пройдемъ Гесперію со мною,
Пройдемъ ея пространство водъ;
Или особою судьбою
Кантабрскій (1) мы узримъ народъ.

Иль Варварски пески глубоки (2)
Септимій мы съ тобой пройдемъ,
Гдѣ воды возстаютъ высоки
Въ приливѣ, ко брегамъ, своемъ;

Но я къ безсмертнымъ возсылаю
Мольбы да обрету покой,
Да въ старости моей познаю
Отрады Тиволи драгой.

Се мѣсто гдѣ я избавляюсь
Отъ всѣхъ смущеній и суетъ
Отъ шума, распрей удаляюсь,
Которыми наполненъ свѣтъ.

Когда жъ судьба не согласится,
Чтобъ я тамъ кончилъ дни свои. —

Туда Горацій удалится,
Галессусъ (3) гдѣ влечетъ струи;

Гдѣ воды кажутъ видъ кристалла,
Гдѣ гордыхъ нѣту согражданъ,
И ссылка гдѣ существовала
Въ дни древнихъ Лакедемонянъ.

Сей малый уголокъ вселенной,
Милѣе мнѣ, чѣмъ цѣлый свѣтъ —
Тамъ воздухъ зрится несравненной,
Кой смертнымъ здравіе даетъ.

Гиметскій медъ (4) не превосходитъ,
Какой имѣть возможно тамъ.
Въ оливахъ всякъ тотъ вкусъ находитъ,
Венаврски (5) чѣмъ извѣстны намъ;

Тамъ долго пользуясь весною,
Вкушать возможно тьмы отрадъ,
Тамъ холодъ не жестокъ зимою,
Тамъ рѣдки зной, Бореи, градъ.

Гора Олонъ (6) гдѣ пребываетъ
Не рѣдко Бахусъ веселясь,
Плоды Фалерны презираетъ
Обиліемъ своимъ гордясь.

Вотъ гдѣ хочу я быть съ тобою:
На тѣхъ смѣющихся брегахъ,
Ты тамо оросишъ слезою
Любимаго Поэта прахъ.

ОДА V.

КЪ ПОМПЕЮ ВАРУСУ.

Проздравляетъ его съ возвращеніемъ въ Римъ.

О ты! Съ которымъ приближался
Къ послѣднимъ жизни я часамъ,
Какъ, Марса славою плѣнялся
И Брутъ начальникомъ былъ намъ,
Какой блаженною судьбою,
Я зрю желанный твой возвратъ?
Возлюбленной Помпей! — Съ тобою
Дѣлилъ я грусть и тьму отрадъ.
Въ день Филиппинскаго (1) сраженья,
Воспомни, какъ я былъ съ тобой,
И гдѣ исполнь геройска рвенья
Повергнулъ мечь и щитъ я свой. (*)
О день ужасный! День жестокій!
Въ кой смерть стремясь во всѣхъ полкахъ,
Лила обильны крови токи,
Героевъ повергая въ прахъ!
Меня трепещуща средь бою,
Меркурій щедрый сохранилъ;
Покрывъ густою темнотою,
Отъ лютой смерти удалилъ;
А ты, ревущими волнами,
Бывъ въ бурно море увлеченъ,
Сражался паки со врагами,

(*) Здѣсь Горацій смѣется надъ своею трусостію. — Смотри опытъ жизни его.

Сколъ ни былъ битвой утомленъ. —
И такъ за жизни сохраненье,
За отвращенье многихъ бѣдъ;
Воздай Богамъ благодаренье,
Сверши Зевесу свой обѣтъ.
Отъ службы трудной удалися,
Да усладится жизнь твоя;
Подъ лавры опочить склонися
Толь храбра воина какъ я.
Вкуси за бѣдствія отрады,
Наполни кубокъ сей виномъ:
Да воскурятся Ароматы,
Да свѣжей Гедеры вѣнцомъ
Чело твое покрыто зрится,
Среди усердна торжества, —
Забота, грусть да удалится. —
Царемъ кто будетъ пиршества?
Тотъ знай, я пить расположися,
И какъ Ѳракіянинъ напьюсь. (3)
Мой духъ къ забавамъ устремился;
Я пѣньемъ, пляской взвеселюсь.
Коль кто, чрезъ толь велико время
Могъ друга въ домъ свой возвратить,
О немъ заботъ отвергнувъ бремя,
Себя пріятно позабыть!

ОДА VI.

КЪ ВАГЛІЮ.

Увѣщеваетъ его, чтобъ онъ небезпрестанно плакалъ о потерѣ своего сына.

Не всегда дожди стремятся,
На поля изъ облаковъ;
Вихри не всегда ярятся,
И бунтуютъ средь валовъ.

Не всегда покрыта снѣгомъ
Зрится на лугахъ трава;
Аквилонъ бурливымъ бѣгомъ,
Не всегда разитъ древа.

Не всегда зримъ тучи темны,
Кроющи верхи лѣсовъ,
И лишь въ дни опредѣленны
Вѣтьви зрятся безъ листовъ.

Ты лишь Ваглій (1) безконечно
Льешъ о сынѣ токи слезъ,
Коего въ жилищѣ вѣчно,
Строгій рокъ отъ насъ унесъ.

Появится ли надъ нами
Блескъ вечернія звѣзды,
Или свѣтлыми лучами
Ѳебъ велитъ начать труды. —.

За всегда передъ тобою
Видъ печали, скорьби сей!

Ты не вѣдаешь покою,
Льются слезы изъ очей!

Старецъ зрѣвшій лютость рока,
Кой три вѣка въ Мірѣ жилъ (2);
О потерѣ Антилока
Не во всю онъ жизнь тужилъ. —

И младый Троилъ врагами
Пораженный предъ стѣной,
Орошенъ пребывъ слезами,
Возвратилъ сестрамъ покой.

Утомясь и ты тоскою,
Духъ печали утоли:
Со друзьями и со мною,
Славѣ Кесаря внемли!

Воспоемъ Тріумфы новы!
Побѣжденъ уже Ефратъ!
На Гелонахъ (3) зримъ оковы,
Звуки радостны гремятъ.

ОДА VII.

КЪ ЛИЦИНІЮ.

Всегда надлежитъ сохранять умѣренность и равнодушіе.

Блаженъ тотъ смертный, кто въ покоѣ
Свои Лициній, дни ведетъ;
Кто видя волнъ свирѣпство злое,
Далече въ море не плыветъ. —
Или ужасныхъ бурь страшася,
Блюдется пагубныхъ бреговъ;
Умѣреностью веселяся,
Не зритъ коварства онъ враговъ.

Премудръ. — Онъ въ хижинѣ убогой
Не будетъ вѣчно обитать;
Чертоговъ златомъ, славой многой
Не будетъ зависть привлекать.
Сильнѣе вѣтры колебаютъ,
Вершины гордыя древесъ;
На горы чаще ударяютъ
Ужасны громы отъ небесъ!

Когда падетъ огромно зданье,
Его далече слышенъ громъ; —
Но въ комъ умѣренно желанье,
Кто мыслитъ въ жизни лишъ о томъ,

Чтобъ щастіемъ не ослѣплятися,
Въ нещастіи, чтобъ твердымъ быть;
Не можетъ тотъ ничѣмъ смущаться.
Что можетъ духъ его разить?

Юпитеръ небо помрачаетъ,
На землю шлетъ суровый хладъ;
Но онъ же зиму прогоняетъ,
Являя множество отрадъ.
Коль днесь мы чувствуемъ напасти,
И о тягчаютъ насъ бѣды;
То завтре будемъ въ лучшей части
Блаженства собирать плоды.

Всегда ли Ѳебъ блистаетъ лукомъ,
Звучитъ упругой тетивой;
Всегдаль съ пріятной Лиры звукомъ,
Соединяетъ голосъ свой? —
И такъ, средь бурей и ненастья,
Имѣй не колебимый духъ;
Храни умѣренность въ дни щастья,
Тщетою не смущая слухъ.

ОДА VIII.

КЪ К. ГИРПИНУ.

Совѣтуетъ ему, удаляясь заботъ, наслаждаться жизнію.

Почто стараться познавать
Что намъ Кантабры устрояютъ? —
Иль Скиѳовъ замыслъ проникать? —
Отъ насъ моря ихъ отдѣляютъ.
Почто веселіе мрачить души своей,
И мыслить много столь о жизни краткой сей?

Ужъ наши бѣлые власы
Любовь и резвость удаляютъ,
Забавъ дражайшіе часы,
И сонъ пріятной нарушаютъ.
Не завсегда цвѣты сіяютъ на лугахъ,
Не одинаковъ блескъ луны на небесахъ.

Почто намъ разумъ отягчать,
Намѣреніемъ многотруднымъ?
Надежду въ даль распространять,
Подобно смертнымъ безразсуднымъ?
Не лучшели заботъ и скуки удалясь,
Возлечь подъ древомъ гдѣ ручей течетъ віясь?

Главы покрыты сѣдиной,
Цвѣтами днесь мы увѣнчаемъ. —
Веселье Бахусъ и покой
Даетъ, его да призываемъ!
Подайте лучшаго Ѳалернскаго вина,
Пусть грусть веселіемъ пребудетъ сражена.

ОДА IX.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

О томъ, что муза его не можетъ пѣть о великихъ предметахъ.

Сбыкша къ нѣжнымъ пѣснямъ Лира,
Не можетъ пѣть великихъ дѣлъ,
Не можетъ пѣть кровавыхъ боевъ,
Чѣмъ славенъ сдѣлался Нумансъ.

Ни силу страшну Аннибала,
Ни тѣ сраженья на водахъ,
Которы кровью Карѳагенцовъ
Багровили валы морей.

Не въ силахъ я воспѣть Лапидовъ, (2)
Ни ихъ кровавыхъ браней шумъ,
Ни буйства лютаго Гилена, (3)
Ни дерзновенія его.

Ни руку ту, что усмирила,
Чудообразныхъ чадъ земли,
Возмогшихъ древняго Сатурна
Небесный колебать чертогъ.

Ты намъ о Меценатъ опишешъ
Повѣствовательной чертой,
Сраженья Кесаря преславны,
Влекомыхъ въ торжествѣ царей.

А я, удобнѣе представить
Могу Лициніи красы, (*)
Исполненны пріятства взоры,
Дающи множество отрадъ,

А паче сердце не сравненно,
Гдѣ добродѣтель зритъ свой тронъ;
И чуждую пороковъ душу,
Достойную любви твоей.

Съ какимъ она пріятствомъ зрится,
Средь хоровъ славы и красотъ? —
Когда въ восторгѣ предается,
Забавамъ сердца и ума?

(*) Упоминаетъ о супругѣ Меценатовой.

Сколь нѣжно руку простираетъ,
Къ младымъ Римлянкамъ въ тѣ часы,
Когда божественнымъ плясаньемъ,
Діанѣ жертву воздаетъ?

Главы ея единымъ власомъ,
Пожертвовать неможешъ ты;
За всѣ богатства Ашеменовъ, (5)
За злато Аравійскихъ странъ.

ОДА X.

Противъ дерева, коего паденіе едва его не задавило.

О! Древо, пагубой ужасно!
Когда ты, кѣмъ и въ день какой? —
Къ бѣдѣ потомства, не напрасно
Злодѣйской саждено рукой?
Не тѣнь прохладъ, отдохновенье;
Но видъ дурной и поношенье
Являло ты въ моихъ поляхъ,
Готовясь на главу владыки
Упасть, и жалостныя крики
Дать слышать всѣмъ на сихъ брегахъ!

Злой смертный кѣмъ ты насажденно,
Отцеубивствомъ омраченъ! —
Иль бывъ конечно, непремѣнно

Злодѣйствомъ нѣкоимъ влеченъ,
Ночной сокрывшись темнотою,
Властителя кровь злой рукою
При свѣтѣ лунномъ изліялъ;
Иль всѣми ядами Колхиды, (1)
И разными злодѣйства виды,
Свои онъ руки осквернялъ.

Узнать гдѣ гибель сокровенна,
Не силенъ слабый смертныхъ взоръ.
Отважный кормщикъ Карфагена
Трепещетъ, шумный зря Босфоръ! (2)
Но гдѣ рокъ смерть его скрываетъ,
Онъ тѣ мѣста пренебрегаетъ.
Пароянскихъ стрѣлъ, своихъ враговъ,
Страшится Римлянинъ въ день брани;
Пароянинъ сильной Римской длани
И ихъ трепещетъ онъ оковъ.

Но смерть народы похищаетъ,
И вѣчно будетъ похищать
Въ часы когда никто нечаетъ,
И удаленъ кончины ждать.
Сколь мало мнѣ не доставало
Узрѣть, страны гдѣ не сіяло
Горяще солнце никогда,
Владѣнье мрачно Прозерпины,
И Елисейскія долины,
Правдивость Адскаго суда!

Мгновенье лишь потребно было,
Чтобъ слышать Сафы мнѣ напѣвъ,
Ея роптаніе уныло,
На твердость всѣхъ Лезбіискихъ дѣвъ,
Плачевной голосъ Лиры нѣжной,
Въ ея печали не утѣшной? —
Внимать парящій какъ Алцей
Войны и бури воспѣваетъ,
Жестокость ссылокъ представляетъ
На Лирѣ громкой онъ своей.

Они въ восторгъ приводятъ тѣней,
Внимающихъ съ молчаньемъ имъ;
Но ежели средь Адскихъ сѣней
Возникнувъ голосомъ своимъ,
Начнетъ Алцей вѣщать паденье
Тирановъ гордыхъ пораженье,
Престолы обращенны въ прахъ
Толпа огромнѣй становится,
И тьма чудовищей тѣснится:
Всѣ чувствуютъ священный страхъ!

Спѣшатъ отвсюду смертныхъ души
И чуды страшны о сто главъ
Свои склоняютъ черны уши,
Его напѣва стройность внявъ. —
Улыбку кажутъ строги виды,
И съ ними вмѣстѣ Евмениды

Пріятство нѣжности дѣлятъ;
Шумящи змѣи межъ власами,
Его поражены струнами
Не вьются болѣ; — и молчатъ,

Его внимая стройны звуки
Танталъ, и жалкій Прометей,
Свои позабываютъ муки;
Судьбѣ противяся своей
Стоитъ, не движимъ пребываетъ;
И о звѣряхъ не помышляетъ
Быстротекущій Оріонъ;
Хоть львовъ и рысей бѣги зрятся,
Его къ нимъ мысли не стремятся,
И зрится что спокоенъ онъ.

ОДА XI.

КЪ ПОСТУМУ.

О необходимости смерти.

Дни жизни нашей пролетаютъ
Постумъ, съ великой быстротой;
Ниже молитвы сохраняютъ,
Цвѣтъ юности твоей драгой,
Ни святость жизни не возможетъ
Лѣтъ дряхлыхъ скуку отвратить,
Ничто конечно не поможетъ,
Пріятство дней твоихъ продлить.
Ничто тебѣ не оборона:
Хоть жертвою трехъ сотъ воловъ,
Ты всякой день почти Плутона,
Не внемлетъ онъ молитвы словъ.
Титана (1) страшна онъ смиряетъ,
Тебя сильнѣйшаго стократъ;
Съ нимъ Геріона (2) заключаетъ
Ужасной силой адскихъ вратъ!
Тамъ Стикса воды протекаютъ,
Никто не можетъ ихъ избыть;
Всѣ, кои плодъ земли вкушаютъ
Должны ихъ будутъ разъ преплыть.
Вотще ты будешъ удаляться,
Кровавыхъ Марсовыхъ слѣдовъ;
Напрасно будешъ опасаться
Адріатическихъ валовъ.
Вотще для тѣла вредна хладу

Боишся здравіе любя,
Трудовъ и тщанія въ награду;
Вотъ участь, коя ждетъ тебя:
Ты долженъ ѣхать непремѣнно,
Поверхъ Коцита мрачныхъ водъ,
И будешъ видѣть повседневно
Даная въ мукѣ злобный родъ. (3)
Увидишь страхомъ пораженный,
Какъ страждетъ тамъ Эоловъ сынъ (4)
Къ работѣ тяжкой осужденный,
Не зритъ премѣны онъ судбинъ.
Съ любезною тебѣ женою,
И съ домомъ вѣчно ты простись!
Возмешъ ты въ мрачной путь съ собою
Одинъ надгробный кипарисъ.
Наслѣдникъ твой гордясь богатствомъ,
Плоды трудовъ твоихъ пожнетъ;
Любуясь жизни сей пріятствомъ,
Онъ дни въ веселье проведетъ.
Вино драгое что хранится
За множествомъ замковъ тобой,
Въ избыткѣ онымъ окропится
Твоихъ чертоговъ полъ драгой.

ОДА XII.

На Роскошь своего вѣка.

Огромны зданія, что славятъ
Изобрѣтенія умовъ;
Ужъ скоро мѣста не оставятъ,
Для землѣдѣльческихъ плуговъ.

Пруды велики появятся,
Озеръ пространнѣй много кратъ.
Гдѣ нынѣ винограды зрятся,
Луга тамъ будутъ для прохладъ.

Мы узримъ водометы ясны,
Прелестны рощи возрастутъ;
Фіалокъ цвѣтники прекрасны,
Вездѣ свой ароматъ прольютъ.

Лѣса изъ миртъ, трудовъ въ награду,
И лавры будутъ возрастать;
Широки листья ихъ прохладу
Въ дни знойны будутъ намъ давать.

На мѣсто плодоносной нивы,
Гульбища станемъ мы садить. —
Не будутъ скучныя оливы,
Своихъ владѣльцовъ богатить.

Не тако прежніе Римляне,
Не тако помышлялъ Катонъ,

Ромулъ и древніе граждане,
Что градъ намъ дали и законъ.

При нихъ у гражданъ не бывало
Сихъ переходовъ на столпахъ;
Сребро и злато не блистало
Внутри убранства на стѣнахъ.

Для отдыха не презирали
Они лѣса, иль чистой лугъ. —
Своихъ овецъ тамъ созѣрцали
Природою прельщали духъ.

Законы ихъ сребро хранили,
Не на тщету пустыхъ отрадъ:
Боговъ имъ храмы возводили,
Начальный украшая градъ.

ОДА XIII.

КЪ ГРОСПУ.

Чтобъ быть благополучну должно умѣрять свои страсти.

Въ часы бурливой, темной ночи,
Застигнутый пловецъ въ волнахъ,
Когда его не видятъ очи,
Луны и звѣздъ на небесахъ
Тогда свое спасенье строя,
Онъ проситъ отъ боговъ покоя.

Ѳракіянъ, Мидянинъ (1) военный
Оружье зря своихъ враговъ,
Пернатымъ шлемомъ покровенны,
Его же просятъ у Боговъ;
Но златомъ пурпуромъ не ложно
Покой приобрѣсти не можно.

Богатства роскошъ намъ дающи,
Заботъ собой не истребятъ. —
Ни Ликторы въ передъ идущи,
Отъ Консуловъ не отвратятъ
Тоски, что души ихъ снѣдаетъ,
Она въ чертогахъ ихъ летаетъ.

Тотъ, кто доволенъ малой долей
Наслѣдія своихъ отцовъ;

Чьей злато не владѣетъ волей,
Не зритъ завистныхъ тотъ враговъ:
Страхъ, скупость, что другихъ терзаютъ,
Его покой не нарушаютъ.

Почтожъ въ предѣлахъ жизни тѣсныхъ,
Мы предпріятій тьмы творимъ? —
Почто въ моряхъ, въ странахъ безвѣстныхъ
Толь дерзскіе пути стремимъ?
Спѣша съ отечествомъ проститься,
Себя возможноль удалиться?

Быстрѣе скачущихъ еленей
И вихрей вьющихъ прахъ земли
Толпа заботъ, и попеченій
Летятъ за нами въ корабли:
Въ морскихъ путяхъ не оставляютъ,
И всадникамъ во слѣдъ дерзаютъ.

Доволенъ смертный будь не многимъ,
Заботой мысли не смущай;
Грядущимъ рокомъ жизни строгимъ
Веселіе не помрачай.
Не льзя желать намъ непремѣнно,
Чтобъ быть щастливымъ совершенно.

Ахиллесъ Славой знаменитый,
Во цвѣтѣ лѣтъ своихъ увялъ;
Титонъ сѣдинами покрытый,
Жизнь дряхлу въ скукѣ провождалъ.

Быть можетъ Парки мнѣ окажутъ
То, въ чемъ другимъ онѣ откажутъ,

Тебѣ въ Сициліи пасутся
Стада, для роскоши твоей;
Отъ ржанія луга трясутся,
И топоту твоихъ коней;
Твои одежды драгоцѣнны,
Три краты въ пурпуръ омоченны; (2)

А мнѣ судьба опредѣлила,
Пространство малое земель
Піитства даромъ наградила,
Чѣмъ Греки славились досель,
Презрѣніемъ къ молвѣ народной,
И глупыхъ къ зависти безплодной.

ОДА XXIV.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Утѣшаетъ его въ болѣзни.

Моя подпора и блаженство,
О ты! Любезный Меценатъ,
Крѣпящій щастья совершенство,
И множество моихъ отрадъ;
Почто въ отчаяньѣ вергаешъ
Ты жалобой своихъ друзей? —
Почто симъ духъ мой сокрушаешъ
И множишъ стонъ тоски моей?
Нѣтъ, жизнь твоя не прекратится,
Ты прежде не умрешъ меня:
Въ томъ власть Боговъ еще не зрится,
Нѣтъ воли ихъ, ни моея.
Увы! Когда бы то случилось,
Чтобъ рокъ въ свирѣпости своей
Сразилъ тебя, и прекратилось
Драгихъ твоихъ теченье дней;
Когдабъ толь важну и драгую
Себя часть могъ я потерять
Возможноль долю остальную,
Возможно ь былобъ поддержать?
Клянусь о Меценатъ! Собою,
Клянуся всемъ на свѣтѣ я,
Съ тобой единою судьбою
Прервется жизни нить моя!

Мы вмѣстѣ въ путь пойдемъ подзем-
ный,
Вездѣ я буду спутникъ твой:
Пещеры ада страшны, темны
Не разлучатъ меня съ тобой.
Пускай Химеры пламень можетъ
Еще Гіаса въ свѣтъ родить,
Гигантъ сторучный не возможетъ
Меня съ тобою разлучить.
Се, истинны опредѣленье,
Се Парки строгія законъ.
Вѣсы ли при твоемъ рожденье
Явились, или Скорпіонъ?
Иль ракъ, которой надмеваетъ
Валы Гесперіи горой? —
Судьба предивно представляетъ
Звѣздъ нашихъ сходство межъ собой.
Тебя Зевесово храненье
Спасло отъ лютыхъ оныхъ дней,
Когда Сатурна устремленье
Лило блескъ гибельныхъ лучей,
Услышаны молитвы стали,
И смерти отвращенъ полетъ:
Народъ, граждене восплескали
Твоихъ о продолженьи лѣтъ.
Меня бы древо задавило;
Но Фавнъ, Сей Богъ любящій Музъ,
Его раченье отвратило
Мой рокъ, спасло отъ смертныхъ узъ.
Прерви ты стоны, мысли вольно,

И дай обѣтъ воздвигнуть храмъ,
Овѣчки для меня довольно
На посвященіе Богамъ.

ОДА XV.

Похваляетъ свою умѣренность.

Мое жилище не блистаетъ
Драгихъ собраніемъ вещей,
Не злато взоры ослѣпляетъ,
Не марморъ бѣлизной своей
Прельщаетъ роскошью плѣненныхъ. —
Тѣхъ древъ невидно драгоцѣнныхъ,
Чемъ славится гора Гиметъ,
Не видно тѣхъ столповъ великихъ,
Изсѣченныхъ въ пустыняхъ дикихъ,
Что Африканскій брегъ даетъ,

Не мнѣ судьбина предписала
Наслѣдникомъ безвѣстнымъ стать,
Кой домомъ овладѣлъ, Аталла,
И всемъ, что чтился онъ сбирать;
Не въ силахъ дать женамъ покрова,
Дала которымъ часть сурова
Съ убогой жизнью, знатный родъ;
Не мнѣ работу посвящая,

Лаконскій Пурпуръ собирая
Рука ихъ, тщательно прядетъ.

Но я богатъ разсудкомъ здравымъ,
И вѣрностью къ своимъ друзьямъ. —
Я бѣденъ; но всегда бывъ правымъ,
Не докучаю богачамъ,
И непрошу Боговъ всесильныхъ,
Сокровищей, даровъ обильныхъ,
Богатства, сладкой нѣги съ нимъ. —
Я взысканъ отъ людей достойныхъ,
Доволенъ въ мысляхъ я спокойныхъ
Сабинскимъ домикомъ моимъ. (2)

Кончаясь день, другой раждаетъ;
По мракѣ, наступаетъ свѣтъ:
Луна растетъ, и убываетъ;
А нашимъ днямъ возврату нѣтъ.
Сокроетъ насъ земли утроба:
Но ты при самыхъ дверяхъ гроба
Не помня о концѣ своемъ,
Чертоги пышны украшаешъ,
Свое богатство умножаешъ,
И мыслишъ только лишъ о семъ.

Ты ищешъ расширять предѣлы,
Неправдой, силой и враждой, —
И зданья возводя веселы,
Питать забавой разумъ свой.

Тебѣ земель владѣнье тѣсно: —
Кому, кому то не извѣстно,
Что стѣны Байскія (3) тобой
Возведены въ морской пучинѣ,
Шумятъ въ стѣнахъ валы гдѣ нынѣ
Біясь о новый брегъ крутой?

Сказать ли то, что безпрестанно
Свою ты умножаешъ власть? —
Что сердцу правому возбранно,
Сосѣднюю отъемлешъ часть;
И тѣ къ тебѣ что прибѣгали,
Твоей корысти жертвой стали;
Ты ихъ наслѣдія лишилъ. —
Я зрѣлъ сиротъ и вдовъ нещастныхъ,
Супруговъ, злобѣ не причастныхъ,
Которыхъ родъ ты раззорилъ.

Ты притѣснилъ, ограбилъ нища:
Достойныхъ жди себѣ наградъ.
Не льстись блистаніемъ жилища,
Твое возмѣздье будетъ адъ.
Земля равно всѣхъ принимаетъ,
Щастливыхъ съ бѣдными равняетъ;
А старецъ грозный безъ премѣнъ, (4)
Ни всѣхъ сокровищей богатствомъ,
Ни Прометеевымъ коварствомъ
Во вѣкъ не будетъ обольщенъ.

Не склонишъ златомъ, ни дарами,
Чтобъ онъ поверхъ Стигійскихъ водъ,
Боряся съ мрачными волнами
Превезъ Танталовъ паки родъ,
Корысти, злобѣ не радѣя,
Не внемлетъ прозьбамъ онъ злодѣя;
Но сколь его ни страшенъ видъ,
О скорби бѣдныхъ сострадаетъ,
Оковы жизни расторгаетъ,
И имъ на помощь онъ спѣшитъ.

ОДА XVI.

ДИѲИРАМБЪ КЪ БАХУСУ.

Я зрѣлъ,
Повѣрте будущіе роды.

Я зрѣлъ
Вершины горъ, шумящи воды
Утесы скрыты въ облакахъ.
Я зрѣлъ на страшныхъ сихъ верхахъ
Сѣдяща Бахуса въ весельѣ,
Въ душевномъ восхищеньѣ.

Я зрѣлъ,
Онъ пѣсни пѣлъ.
Тѣснились Нимѳы и внимали,
Сатиры уши преклоняли.

О Богъ! Еще въ душѣ моей,
Я страхъ и радость ощущаю!
Играетъ сердце изъ очей
Въ восторгѣ слезы проливаю!

О Богъ! Хранящій виноградъ!
О Богъ! Источникъ тьмы отрадъ!
О Богъ! Прости меня, да не смятусь напрасно.
О Богъ! Котораго копье
Толь остро и ужасно,
Ты дерзновеніе мнѣ отпусти мое!

Дано мнѣ право, власть имѣю
Тіадовъ (1) пьянство я воспѣть,
И Лирою моею,
Въ веселіи греметь!

Я воспою вина потоки,
Древа развѣсисты, высоки,
Гдѣ медоточная рѣка
Течетъ и нѣжный струй млека!

Я воспою средь звѣздъ блестящій,
Супруги твоея вѣнецъ,
Пентею (2) бѣдствія грозящи,
Ѳивійскаго царя прежалостный конецъ.

Страны Индійскія веселы,
Морей, восточныхъ странъ предѣлы
Своей рукой ты покорилъ!
Тобой Бакханки змѣй вплетаютъ
Межъ косъ, и змѣи не являютъ
Для нихъ ужасна яда силъ!

Когда земля вдругъ потряслася,
Воздвиглись горы на горахъ!
Толпа чудовищъ вверхъ неслася;
И зрѣлась въ горнихъ облакахъ!

Когда Гиганты колебали
Сатурновыхъ твердыню стѣнъ!
Стремглавъ отъ молніи упали
Ротей, и лютый Полиѳемъ!

Ротей, низринутый на горы,
Ужасна льва горящи взоры
И силу страшную позналъ!
Но видъ сей на себя пріялъ
Ты самъ, О Богъ! Непобѣдимый,
Отъ смертныхъ и безсмертныхъ чтимый!

Тебѣ забавы лишъ однѣ,
Доселѣ съ пляской присвояли;
Но послѣ всѣ узнали,
Что превосходишъ всѣхъ ты въ мирѣ и въ войнѣ!

Церберъ, узрѣвъ тебя съ твоимъ блестящимъ рогомъ,
Не смѣлъ тебѣ препонъ являть;
Но преклонясь, въ почтеньѣ многомъ
Простеръ троякій зевъ, стопы твои лобзать!

ОДА XVII.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Обѣщаетъ себѣ безсмертіе.

Досель на крыльяхъ неизвѣстныхъ
Въ странѣ рожденья моего
Летя въ пространностяхъ небесныхъ,
Жилища удалюсь сего;
Разставшись съ завистію злою,
Свое безсмертіе открою.

Гордиться родомъ хоть не смѣю, (1)
Но Парки вѣкъ мой не затмятъ,
Когда участіе имѣю
Въ твоей я славѣ Меценатъ.
Я не умру, — и Стикса воды
Не пресѣкутъ моей свободы.

Ужъ пухъ на тѣлѣ выростаетъ,
Я буду перьями покрытъ,
Глава моя уже являетъ

Собою бѣлой птицы видъ.
Дедалова безстрашнѣй сына (2),
Увижу я брега Евксина.

Колхидяне и Даки смѣлы,
И Сѣверъ покровенный мглой,
Гелонъ, Иберіи предѣлы
Услышатъ въ пѣсняхъ голосъ мой;
И тѣ пріятность ихъ познаютъ,
Что Ренски бреги населяютъ.

Оставтежъ плачь и воздыханья,
Не прекратится жизнь моя;
Не тмите славы тѣмъ сіянья
И знайте, что безсмертенъ я.
Не воздвигайте Мавзолея,
Не тратте сцоновъ, сожалѣя.

Конецъ второй книги.

ОДЫ

ГОРАЦІЯ

КНИГА ТРЕТІЯ.

ОДЫ ГОРАЦІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ОДА I.

Блаженство смертныхъ зависитъ отъ ихъ добродѣтели.

Пусть зависть разверзаетъ зѣвы
Невѣждъ, я отвращаю видъ;
Внемлите юноши и дѣвы,
Что чистыхъ Музъ пѣвецъ гласитъ:
Цари возвышены въ народѣ;
Но свыше ихъ, въ небесномъ сводѣ
Надъ ними держитъ власть Зевесъ,
Гигантовъ гордыхъ побѣдитель,
Молніеносный вседержитель,
Трясущій громомъ твердь небесъ!

Пускай обширной обладаетъ
Иной, предъ прочими землей;
Гдѣ онъ въ гульбищахъ насаждаетъ
Древа, по прихоти своей.
Иной породою гордится,
Иной, дни свято весть стремится,

Иной, войну и славу чтетъ,
Иной, богатство собираетъ,
Иной тщеславьемъ духъ прельщаетъ
И гордо въ роскоши живетъ.

Но жребій смертныхъ безъ разбора
Вмѣщенъ во урнѣ роковой
Отъ бѣдныхъ и щастливыхъ взора
Сокрытъ всесильною рукой.
Судьба сей урной потрясаетъ,
Никто во вѣки не познаетъ,
Какъ въ ней сокрыты имяна
Вращаются и возникаютъ,
И въ мрачность смерти упадаютъ,
Она извѣстна лишъ одна!

Кому мечь строгій повседневно
Являетъ совѣсть въ казнь грѣховъ,
Тому ни явство драгоцѣнно,
Ни тѣнь древесъ, ни шумъ ручьевъ,
Ни свисты птичекъ велегласны,
Ни мусикійскій звукъ согласный
Не придадутъ спокойства сна;
Но сонъ и въ хижинѣ убогой,
Того мечтой не мучитъ строгой,
Кѣмъ правда властвуетъ одна.

Кто малымъ быть доволенъ чтится,
Ни бурныхъ моря тотъ валовъ,
Ни звѣздъ летящихъ не страшится,
Ни лѣтня зноя, ни снѣговъ,

Ни молніи, ни вихрь, ни грады,
Ни въ небѣ грозныхъ тучь громады
Покой его не возмутятъ.
Ни вѣтви древъ плодовъ лишенны,
Поля Бореемъ раззоренны
Тоской въ немъ духъ не сокрушатъ.

Валы въ брегахъ морскихъ стонаютъ,
И тягость чувствуютъ громадъ.
Уже и рыбы ощущаютъ,
Что ихъ въ жилищѣ водъ тѣснятъ.
Каменья, горы повергаетъ,
Предѣлы моря убавляетъ
Богачь, въ неистовствѣ своемъ;
Но скука, зависть, попеченье,
Его забота, огорченье
Смущаютъ ночью, мучатъ днемъ.

Когда же зданія прекрасны,
Фригійскій мраморъ и порфиръ, (1)
Каменья, перловъ блески ясны,
Согласный звукъ пріятныхъ лиръ,
Сосуды пышные, златые,
Фалернски вина дорогія,
Лаконскій пурпуръ для одеждъ,
Избранныя Персидски масти
Отрады не даютъ въ напасти,
И въ вѣкъ не умудрятъ невѣждъ:

По что же мнѣ искать богатства,
Чертоги пышны созидать?

Не видя въ нихъ душѣ пріятства,
Столпы огромны возвышать?
И за премѣной вкуса гнаться,
Развратомъ нравовъ величаться,
Чтить роскошь славой, не стыдомъ,
На суетность обширна зданья,
Мѣнять умѣренность желанья,
И съ онымъ мой Сабинскій домъ!

ОДА II.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Возбуждаетъ ихъ къ храбрости, добродѣтели и къ храненію тайнъ.

Граждане юныя мужайтесь,
И обыкая съ нѣжныхъ лѣтъ,
Трудамъ военнымъ предавайтесь,
Убожества сносите вредъ.

Копье вращающу дѣсницу
Готовте вы разить Пареянъ.
Вы свѣта цѣлаго столицу
Должны блюсти, блюсти Римлянъ.

Пусть воинъ нашъ пренебрегаетъ,
Пески, и зной, и снѣгъ и ледъ;
Враговъ царица, да познаетъ
Его со стѣнъ, и такъ рѣчетъ:

„О! Боги, да не прикоснется
„Младый супругъ мой льва сего!
„Кой яко вихрь съ мечемъ несется,
„По всюду кровь окрестъ его.

Пріятно, славно, кто желаетъ
За отчество животъ скончать!
Смерть слабу юность достигаетъ,
И тщится робкихъ поражать.

Доброта истинна яснѣетъ
Не померцающимъ лучемъ,
И оборотовъ не имѣетъ,
Что стыдъ влекутъ въ пути своемъ.

Непостояннаго народа
Волненія спокойно зритъ,
И путь среди небесна свода,
Непреткновенъ себѣ творитъ.

Сіяя славой мѣжъ звѣздами,
Глядитъ съ презрѣніемъ съ высотъ
На смертныхъ, подъ ея ногами
Лишенныхъ чести и добротъ.

Сему подобную награду
Имѣетъ вѣрность навсегда,
Да на единъ я не возсяду
Корабль съ злодѣемъ никогда.

Иль зрится гдѣ презритель вѣры
Потщусь предѣловъ тѣхъ бѣжать,
Гдѣ хищникъ таинства Цереры
Гонимый можетъ обитать.

Зевесъ во гнѣвѣ небесами
Трясетъ, смущаетъ громомъ слухъ!
Разитъ не рѣдко онъ стрѣлами
Невиннаго съ виновнымъ вдругъ.

Хоть намъ искуство представляетъ
Бѣду съ изломленной ногой;
Однакожъ злобныхъ достигаетъ
Она бывъ дряхлой и храмой.

ОДА III.

Отвращаетъ Августа отъ намѣренія перенести столицу Имперіи въ Трою.

Кому правдивы чувства сродны,
Кто въ постоянствѣ утвержденъ,
Того ни мятежи народны,
Ни взоръ тирана раздраженъ,
Ни бури брегъ морской трясущи,
Ни самъ Юпитеръ громъ несущій
Не сильны въ вѣкъ поколебать.
Хоть міръ падетъ и сокрушится,
Хоть самъ онъ въ безднѣ погрузится,
Конца безстрашно будетъ ждать.

Такую твердость всѣмъ явили
Поллуксъ и храбрый Геркулесъ,
Безсмертья ею путь открыли,
Взнеслись до выспреннихъ небесъ;
Гдѣ Августъ окруженъ лучами
Пьетъ въ славѣ Нектаръ межъ Богами;
Ей Вакхъ могъ тигровъ злость пресѣчь,
Ромулъ достигъ безсмертна трона,
Какъ мирную рѣкла Юнона
Сію Боговъ во сонмѣ рѣчь:

Погибъ ужасною войною,
Погибъ на вѣки Илліонъ,
Погибъ невѣрною женою,

Погибъ судьей не правымъ онъ. (1)
Давно Лаомедонъ (2) кичливый
Забылъ обѣты справедливы,
Давно градъ вѣроломный сей
Съ царемъ, что толь собой гордился,
Давно достоинъ сотворился
Минервы мести и моей.

Уже Парисъ не возмущаетъ
Собою Гречески полки,
Ужъ Гекторъ славой не блистаетъ,
Изчезла мочь его руки;
И брань кровава прекратилась,
Отъ нашихъ ссоръ, что возродилась.
Ужъ сынъ тотъ Марсу возвращенъ,
Причастенъ съ нами здѣсь покою,
Хоть нетерпимъ за то былъ мною,
Что отъ Троянки въ свѣтъ рожденъ, (3)

Да собесѣдуетъ онъ съ нами,
Да вкуситъ сладостный Нектаръ,
Да будетъ онъ любимъ Богами,
Безсмертія да приметъ даръ;
Но съ тѣмъ, чтобы моря и рѣки
Отъ Илліона Римъ на вѣки
Дѣлили множествомъ преградъ,
Чтобъ стѣны Трои не взносились,
Чтобъ звѣри тамъ однѣ плодились
Въ развалинахъ скрывая чадъ.

Пусть Капитолія сіяетъ,
Пускай во славѣ Римъ цвѣтетъ,
Пускай законъ его познаетъ
Пароянинъ, Дакъ и цѣлый свѣтъ;
Пусть Африка предъ нимъ смирится,
И Нилъ обильный покорится;
Но Римъ да будетъ всѣмъ являть,
Въ землѣ что злато скрыто тмою
Не должно дерзскою рукою
Къ вреду народовъ похищать. (4)

А естьли кто вооружится
Противъ величія Римлянъ,
Пусть мечь туда ихъ устремится
Гдѣ вѣчный снѣгъ, гдѣ мразъ, туманъ;
Или гдѣ солнца лучь пылаетъ,
И степи знойны опаляетъ.
Я все согласна утвердить;
Но чтобы счастьемъ ослѣпленный,
Не смѣлъ никто противны стѣны
Еще къ бѣдамъ возобновить.

Когда же кто воздвигнетъ Трою
Моимъ законамъ вопреки,
Сама, сама своей рукою
Сберу я Гречески полки,
Разрушу градъ въ его рожденьѣ,
И паки узрятъ запустенье.
Хотябъ желѣзною стѣной,
Свое могущество являя,

Самъ Фебъ трикратно ограждая
Возмнилъ защитить городъ свой.

Трикратно Греки разъяренны
Повергнутъ тверды стѣны въ прахъ;
Трикратно жены тамъ плѣненны
Восплачутъ о своихъ сынахъ;
Но толь предметы славны міра,
Моя воспѣть не сильна Лира,
Оставь О Муза! Рѣчь Боговъ,
Оставь велѣнья силу строга,
Оставь и слабостію слога
Не унижай безсмертныхъ словъ.

ОДА IV.

КЪ КАЛЛІОПѢ.

Человѣкъ любимый Музами ничего не страшится.

Сойди съ небесъ О! Каліопа
Царица пѣнья моего
И стихъ безсмертія достойный
Съ восторгами внуши ты мнѣ!
Прими свирѣль, иль лиру Феба,
Иль дай твой гласъ услышать стройный.

Вы слышитель сей гласъ прелестный?...
Какое буйство нынѣ мной
И сердце чувствами владѣетъ?
Я слышу звукъ, я зрю лѣса
Играютъ гдѣ резвясь Зефиры,
И гдѣ журчатъ струи сребристы.

Гуляя нѣкогда въ дни юны
И утомяся отъ забавъ,
Заснулъ я на горѣ Вултурѣ;
Дѣлитъ Аппулію она
Отъ мѣстъ драгихъ гдѣ я родился.
О! Чудо смертнымъ непонятно!

Отколь двѣ горлицы явились,
Зелено листіе неся;

Меня покрыли онымъ спяща,
Сіе видѣніе чудесъ,
Въ стѣнахъ живущихъ Ацеранса (1)
И Бентіумцовъ (2) удивило,

Вѣщали жители Ференца (3)
И съ ними всѣ кто зрѣлъ сіе:
„Младѣнецъ спитъ покрытый лавромъ,
„Медвѣдей не страшась, ни змѣй;
„Никто, никто какъ развѣ Боги
„Родить сію въ немъ смѣлость могутъ.

Да буду я въ горахъ Сабинскихъ,
Или Пренесты (4) на холмахъ,
Иль въ рощахъ Тиволи прохладныхъ,
Или у Байскихъ береговъ;
Всегда, всегда я ощущаю,
Что все отъ васъ имѣю Музы!

Въ возмѣздіе моей любови
Священныхъ горъ, ручьевъ, лѣсовъ
Спасенъ въ бою я Филиппинскомъ,
Паденьемъ древа не сраженъ,
Корабль мой не разбила буря
О Палинурскіе (5) утесы.

Пребудте только вы со мною,
Безъ страха преплыву Босфоръ,
И Сирискіе пески глубоки
Я безпрепятственно прейду;

Узрю Британскіе народы,
Что лютость странникамъ являютъ.

Увижу Конкангимовъ (6) страшныхъ,
Піющихъ кровь своихъ коней;
Гелоновъ, они напрягаютъ
Твердѣйшихъ луковъ тетивы;
Брега рѣки сея великой
Въ степяхъ гдѣ обитаютъ Скиѳы. (7)

Какъ Кесарь возвращаетъ въ грады
Послѣ войны, свои полки,
Иль утомясь когда трудами
Пріять желаетъ онъ покой;
Тогда плѣняется свободно
Въ пещерѣ Пинда вами Музы.

Ему даете вы отраду,
И множество драгихъ забавъ,
Вливая чувства кротки, тихи
Въ его неутомимый духъ,
Вы зрите оныхъ плодъ съ возсторгомъ,
Надъ сердцемъ гордыхъ силу власти.

Всякъ знаетъ повѣсть какъ Титаны,
Сія ужасная толпа
Чудовищей звѣрообразныхъ,
Летѣла внизъ съ высотъ стремглавъ,
Поражена ударомъ Бога,
Кой небо громомъ потрясаетъ,

Кой не преложными правами
Владѣетъ небомъ и землей,
Морями правитъ, мрачнымъ адомъ,
Богами всѣми и людьми;
Его дѣсница мещетъ пламень,
И всѣ Міры его трепещутъ.

Та юность, коя устрашала
Своею силою весь свѣтъ,
Въ себѣ имѣя всю надежду;
Смутился ею самъ Зевесъ;
Какъ Пеліонъ (8) они возмнили
Поставить на Олимпъ высокій.

Но что возмогъ Тиѳей съ Мимасомъ,
И страшный всѣмъ Порфиріонъ? —
Роѳей и Енцеладъ ужасный,
Которой дубы изторгалъ
Своею сильною рукою,
И въ верхъ металъ ихъ яко стрѣлы?

Противъ Палладиной Егиды,
Что ихъ возмогъ ужасный сонмъ?
Сама великая Юнона
На нихъ возстала и Вулканъ,
И тотъ которой украшаетъ
Колчаномъ рамена и лирой,

Въ Кастальскихъ кой струяхъ прозрачныхъ
Свой свѣтлый омываетъ зракъ,

Владѣетъ рощами Лицеи, (9)
Мѣстами въ коихъ я рожденъ;
Богъ чтимый жертвою вседневной
Въ поляхъ Патары (10) и Делоса.

Ужасна сила безразсудна
Падетъ собой всегда сама;
Но естьли чтитъ она премудрость,
Всѣ Боги помогаютъ ей;
Но тѣ же ей отмщаютъ Боги,
Преступитъ коль она законы.

Да будетъ Исполинъ сторучный
Примѣромъ сихъ правдивыхъ словъ,
И тотъ пронзенный отъ Діаны
Кой могъ Богиню оскорбить. — (11)
Земля въ развалинахъ глубокихъ
Чудовищъ погребла ужасныхъ.

Тѣла ихъ въ пропастяхъ сокрыла
Восплакавъ о сынахъ своихъ,
Которыхъ молнія небесна
Низвергла съ горъ крутыхъ во адъ. —
Все пожирающее пламя
Не истребитъ собою Этны.

Она скрываетъ Энцелада,
Вотще онъ движется подъ ней,
Терзающа Тифея птица
Не оставляетъ никогда.

И не престанутъ Пиритоя (12)
Отягощать ужасны цѣпи,

ОДА V.

Похваляетъ Августа, что онъ единымъ страхомъ своего оружія покорилъ народы Британскіе и Парѳянъ.

Юпитеръ то являетъ громомъ,
Что онъ единый царь небесъ. —
Парѳянъ, Британцовъ покореньемъ
Мы зримъ, что Августъ Богъ земли!

Марсъ, (1) воинъ Крассовъ, Апулянинъ
Сталъ мужемъ варварской жены!
Страна отеческа!.. О. Нравы!...
Забылъ священные щиты! —

Забылъ одежды Римлянъ, имя
Великой Весты храмъ, олтарь
И не стыдяся согласился
Онъ чуждому царю служить!

Соединенъ родства союзомъ
Враговъ въ наслѣдственныхъ странахъ,
Межъ тѣмъ какъ цѣлъ храмъ Капитольскій
И существуетъ еще Римъ.

Премудрый то предвидѣлъ Регулъ,
Искалъ отвергнуть Римлянъ стыдъ. —
Онъ зналъ, что безъ того потомству
Примѣръ его могъ вреденъ быть.

Хотѣлъ, хотѣлъ онъ да погибнетъ
Въ оковахъ юность навсегда,
Не стоющая сожалѣнья,
И посрамляющая Римъ,

„Я зрѣлъ, вѣщалъ онъ съ лютымъ взо-
ромъ;
„Я храмы Карѳагенски зрѣлъ,
„Висѣли въ нихъ знамена Римски,
„Я тамо нашихъ зрѣлъ гражданъ.

„Я ихъ лишенныхъ зрѣлъ оружья,
„Ни капли крови не проливъ,
„Ихъ верьвями скрѣпленны руки,
„Я видѣлъ въ ужасѣ моемъ.

„Врата градовъ не затворялись,
„Въ надеждѣ силы у враговъ,
„Влачили земледѣльцы плуги
„Безъ страха битвы на поляхъ.

„Не будетъ искупленный златомъ
„Храбрѣе воинъ нѣжель былъ,
„Мы симъ прибавимъ къ посрамленью
„Утрату нашего сребра.

„Окрашенна однажды волна
„Не возвратитъ ужъ бѣлизны,
„И не возникнетъ добродѣтель
„Въ униженной душѣ во вѣкъ.

„Животное привыкши къ стойлу,
„Въ себѣ своихъ не ищетъ силъ
„Для разрушенія преграды,
„Чтобъ вольность обрести свою.

„Такъ точно заключать надлежитъ
„О Воинѣ, свою кой жизнь
„Рукамъ враговъ своихъ повѣрилъ,
„И въ нихъ спасенія искалъ.

„Въ бою кто ужасаясь смерти
„Далъ узы возложить себѣ,
„Не опровергнетъ въ новой битвѣ
„Сей Карѳагенскіе полки,

„Не зная способовъ къ спасенью,
„Вѣщалъ тогда о мирѣ онъ,
„Какъ вкругъ его мечи гремели,
„И развѣвались знамена!

„О Стыдъ! О Горда Карѳагена! —
„Кто покровители твои?
„Кто стѣнъ на разрушеньи Римскихъ
„Твои щастливы дни крѣпитъ?

Вѣщаютъ, что души въ волненьѣ
Питалъ презрѣнье онъ къ себѣ,

И что въ объятіяхъ послѣднихъ
Своей супругѣ отказалъ.

Потупя въ землю взоръ суровый,
Онъ удаляетъ чадъ своихъ;
Доколь Сенатъ не согласился
На предложеніе его.

О! Предложеніе ужасно!
Примѣровъ нѣтъ сему нигдѣ!
Сенатъ колеблется, склонился. —
Явилъ спокойство строгій взоръ,

И се грядетъ онъ въ ссылку славы,
Оставя домъ, жену, дѣтей,
Пренебрегаетъ всѣ мученья,
Что въ Карѳагенахъ ждутъ его.

Межъ ближними и межъ народа
Онъ отверзаетъ путь себѣ. —
Вотще Римъ въ слѣдъ ему стремится,
Героя тщася возвратить,

Идетъ отъ нихъ съ веселымъ видомъ,
Какъ бы окончивъ долгій трудъ;
Спѣшилъ покой вкусить въ Венаврѣ,
Иль на Тарентскихъ (2) берегахъ.

ОДА VI.

КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Забвеніе Боговъ причиною ихъ бѣдъ.

Безвинно Римлянинъ постраждетъ
За беззаконія отцовъ;
Когда къ закону не возжаждетъ,
И жертвой не почтитъ Боговъ;
Когда онъ храмы запущенны
И дымомъ мрачнымъ очерненны,
Грозящіе паденьемъ намъ
Своимъ радѣньемъ не возставитъ,
Моленья, жертвы, трудъ оставитъ,
Противенъ будетъ онъ Богамъ.

Свое начало и владѣнье
Имѣешъ Римъ въ своихъ Богахъ,
Страшись! Да къ онымъ за презрѣнье
Не будешъ пораженъ въ грѣхахъ.
Всегдашній грѣхъ передъ тобою,
Есть нынѣ бѣдъ твоихъ виною. —
Послали Боги много зла
Гесперіи печальной нынѣ;
Блюдись, чтобъ въ суетной гордынѣ
Казнь золъ твоихъ не возрасла.

Двукратно Парояне съ Пакоромъ
Успѣли Римлянъ поразить
И новымъ персъ свою уборомъ
Побѣды въ знакъ обогатить. —
Занятый собственной войною,
Едва кровавою рукою
Сей градъ не срылъ свирѣпый Дакъ,
Съ нимъ Еѳіопянинъ жестокій. —
Народны небо зря пороки,
Намъ ихъ послало казни въ знакъ.

На бурномъ сей ужасенъ морѣ,
И силой страшенъ кораблей;
Другой кровавой брани въ спорѣ
Грозящій множествомъ мечей,
Стрѣлами паче страшенъ зрится. —
Ахъ! Чѣмъ грѣхъ Римлянъ не казнится?
Чѣмъ Боги не караютъ зло?
Пороки нравы заразили,
Домы и ложѣ осквернили,
На всѣхъ нещастье изтекло,

Дѣвица нѣжная, младая,
Прельщаетъ мысль свою мечтой,
Забавъ любовныхъ лишъ желая,
На нихъ стремитъ разсудокъ свой;
Въ томъ славы только ожидаетъ,
Что стройность стана приучаетъ
Осанку членовъ, быстрость ногъ,

Къ Іоническимъ движеньямъ страстнымъ
Являя взоромъ любострастнымъ
Какъ ей любви владѣетъ Богъ,

И наконецъ при самомъ бракѣ
Когда веселый пиръ гремитъ,
Въ воспламяненномъ страстью зракѣ
Непостоянства огнь горитъ. —
Когда же ночь предстанетъ взору,
Для ней въ забавахъ нѣтъ разбору,
Лишъ толькобъ случай восхотѣлъ:
Любовь различья не имѣетъ,
Коль часто явно ей владѣетъ
Воздатель щедрый гнусныхъ дѣлъ.

Не отъ такой любви рожденный
Блисталъ побѣдами народъ;
Не ихъ оружьемъ пораженный,
Низверженъ Карѳагенскій родъ. —
Не ими слава Аннибала,
И гордость Антіоха пала,
Не ими Пирръ былъ побѣжденъ;
Но тѣми коихъ родъ военной
Стремясь отъ роскоши презрѣнной,
Въ трудахъ полезныхъ былъ рожденъ.

Не развратясь страстей недугомъ,
Которыхъ строгіе отцы
Работая Сабинскимъ плугомъ

Въ земны прославились концы. —
Супругамъ матери внимая,
Учили страхъ пренебрегая
Младыхъ дѣтей въ лѣса ходить,
Какъ сонце станетъ внизъ спускаться
Домой не прежде возвращаться,
Тяжелы ноши дровъ носить.

Но какъ дни вѣка премѣнились?
Все власть времянъ ничтожитъ злыхъ. —
Отъ добрыхъ дѣдовъ породились
Отцы, которы хуже ихъ;
Отцовъ порочнѣй дѣти зрятся,
Не можемъ съ ними мы равнятся,
Гдѣ доблесть, что имѣлъ нашъ родъ? —
Когдажъ мы нравы заражаемъ,
Еще природу развращаемъ,
Какой отъ насъ быть долженъ плодъ?

ОДА VII.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Призываетъ его къ себѣ на праздникъ.

Зеленой жертвенникъ украшенъ зря цвѣтами,
На немъ сосудъ стоящъ блистающій лучами,
И ладанъ чистый воскуренъ
У холостаго человѣка. —
Въ моемъ быту, ни кто отъ вѣка
Не праздновалъ такихъ времянъ (1)
День первой Марта всякой знаетъ,
Не мнѣ его торжествовать,
И коль тебя то удивляетъ,
Такъ должно мнѣ о томъ сказать.

Ты знаешъ Меценатъ языки оба свѣта, (1)
А то не могъ познать, почто сія надѣта
Одежда на моихъ слугахъ,
Почто зришъ видъ торжествованья?
Исполнь усерднаго признанья,
На сихъ прекраснѣйшихъ лугахъ
Я Бахусу козла въ знакъ дара
Принесъ и пиръ въ долинѣ сей,
Когда избавился удара
Отъ древа по главѣ моей.

За сто щастливыхъ дней теперь я торжествую.
Сыщу О! Меценатъ, бутылку я такую
Которая съ Тулловыхъ времянъ,
Во тмѣ со тщаніемъ хранится. —
Сто рюмокъ выпей, другъ твой зрится
Отъ всѣхъ напастей удаленъ.
Пускай свѣтильники пылаютъ,
Доколь не возвратится свѣтъ —
И радость нашу освѣщаютъ, —
Прочь ссоры, шумъ и тучи бѣдъ.

Заботы отъ тебя и трудъ да удалятся;
Уже Британскіе полки въ разстройствѣ зрятся,
Уже оружіе Пароянъ
Собой въ землѣ ихъ устрашаетъ,
Кантабръ оковы ощущаетъ
Гисперскихъ древній житель странъ. —
Ужъ Скиѳы луки распустили,
И удаляются отъ насъ;
Мы плодъ трудовъ твоихъ вкусили,
И зримъ ихъ пользу всякой часъ.

Ты почестей снискать и славы не желаешъ,
Сіянье тщетное богатствъ пренебрегаешъ,
Почтожъ твой духъ тебя стремитъ
Всегда къ трудамъ и попеченью?
Предай ты ихъ теперь забвенью,

Да радость душу усладитъ. —
Пускай забавы хоть на время
Твои заботы истребятъ,
Трудовъ отвергни тяжко бремя
И сами Боги то велятъ.

ОДА VIII.

КЪ МЕРКУРІЮ.

О томъ сколь жестоко свирѣпство наказывается по смерти.

Меркурій! Амфіонъ тобою
Искуство чудное позналъ,
Онъ стройною своей игрою
Древа и камни привлекалъ! —
И ты, О! Семиструнна Лира!
Безгласной бывъ и безъ пріятствъ,
Творишъ теперь отраду міра,
Дороже въ свѣтѣ всѣхъ богатствъ.
Внуши мнѣ стихъ достойной Лиды
Привлечь чувствительность и слухъ: —
Черезъ тебя, сокрыты виды
Воображаетъ ясно духъ,

Ты лютость тигровъ укрощаешъ,
Влечешъ и горы, и лѣса,
Теченье рѣкъ остановляешъ,
Тебѣ внимаютъ небеса!
Стрегущій адскіе заклепы,
Треглавый песъ ужасный сей,
Главы котораго свирѣпы
Покрыты тысящими змѣй;
Кой ядъ смертельный отрыгаетъ,
И воздухъ вкругъ себя мрачитъ;
Свое свирѣпство оставляетъ,
Когда онъ звукъ твой ощутитъ.
Въ часы когда его внимали
Тиѳей и жалкій Иксіонъ,
Веселы взоры обращали;
Забывъ труды, болѣзни, стонъ
Престали воду Данаиды
Въ сосудъ бездонный наливать;
Раскаянья смущенны виды
Спокойство начали являть.
Внемли О! Лида муки строги,
И то, за что страдать имъ такъ
Судили вѣчно гнѣвны Боги,
И въ тмѣ скрывать смущенный зракъ. —
Тѣ казни, кои ожидаютъ
Преступниковъ по смерти ихъ,
Какія бѣдства ихъ терзаютъ,
И цѣпь ихъ въ мірѣ дней презлыхъ.

*

Никто толика злодѣянья,
Никто изъ смертныхъ невидалъ. —
Безъ жалости, безъ состраданья
Ища въ жестокости похвалъ
Сіи безчеловѣчны дщери,
Не знавъ раскаянья вреда,
Отверзли мрачна ада двѣри
Своимъ супругамъ навсегда.
Одна изъ нихъ, одна рѣшилась (1)
Отъ злобы воздержаться сей,
Одна достойна сотворилась
Гимена радостныхъ свѣщей.
„Возстань: рѣкла она вздыхая;
„Супругъ мой, удались сихъ странъ,
„Законъ гдѣ варварству внимая,
„Повергли множествами ранъ
„Мои сестры супруговъ спящихъ,
„Свершая волю тѣмъ отца,
„Спасись отъ бѣдъ тебѣ грозящихъ,
„И дней безвремянна конца.
„Нѣтъ силъ во мнѣ быть тако злобной,
„Ни въ сихъ мѣстахъ тебя сокрыть;
„Я не хочу судьбой подобной
„Себя на вѣки погубить.
„Пусть мнѣ мученія суровы
„Воздастъ родитель за тебя,
Пусть заключитъ меня въ оковы
„Пріятство дней моихъ губя;

„Пусть стражду я въ странѣ нещастной,
„Пусть за моря меня вселитъ,
„Пусть средь Нумидіи (2) ужасной
„Онъ ссылку мнѣ опредѣлитъ.
„Бѣги, отъ мѣстъ сихъ удаляйся,
„Любовь и нощь покровомъ чти,
„Благодѣянью ихъ предайся,
„Да сохранятъ тебя въ пути. —
„Подъ щедрымъ предзнаменованьемъ
„Себя отъ бѣдства устрани,
„Своимъ надгробнымъ начертаньемъ,
„Ты повѣсть страшну сохрани.

ОДА IX.

КЪ ИСТОЧНИКУ БЛАНДУЗІЙСКОМУ. (1)

Источникъ водъ прозрачный,
Текущій межъ кустовъ;
Поящъ долины злачны,
И множество цвѣтовъ,

Колика украшенья
Полна тобой страна? —
Достоинъ приношенья
Ты чистаго вина.

Среди веселья нова,
Воспѣвъ твою красу,
Я козлища младова
На жертву принесу.

Струи твои сребристы,
Что съ нѣжностью журчатъ
Младыя жертвы чисты,
За утро обагрятъ.

Тебя не досягаетъ
Палящій солнца зной,
Потокъ твой представляетъ
Сихъ мѣстъ стадамъ покой.

Утесы каменисты
Отколь твой ключь течетъ,
Лѣса и рощи чисты
Мой гласъ превознесетъ.

Да будешъ ты стихами
Моими знаменитъ,
Межъ славными ключами
Да свѣтъ тебя почтитъ.

ОДА X.

КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Похвалы Августу.

Римляне! Се герой вселенной,
Кой по Иракловымъ слѣдамъ,
Пожавши лавръ побѣдъ зеленой
Въ Тріумфѣ возвратился къ намъ!
Се Кесарь Рима покровитель,
Бреговъ Гишпанскихъ побѣдитель!

Да Августѣйшая супруга,
Блаженная своей четой
Зря въ немъ царя земнаго круга
И жертвы принося съ мольбой,
Богамъ воздастъ благодаренье
За дней драгихъ его храненье,

Сестра его съ женами воевъ
Украсясь лентіемъ въ день сей,
Да поспѣшатъ почтить героевъ,
Въ весельѣ, въ радости своей. —
Зря шлемы лаврами покрыты,
Предстаньте дщери знамениты!

А вы, супружницы младыя,
Лишившіясь мужей своихъ,
Прервите плачь, стенанья злыя,
И сокрушенія объ нихъ
Въ сей день въ сердцахъ своихъ скрывайте
И звуку славы не мѣшайте.

Да будетъ день сей, день блаженной
Всегда днемъ славы и утѣхъ! —
Доколѣ Августъ царь вселенной
Владѣя свѣтомъ, и отъ всѣхъ
Отцемъ народовъ будетъ чтиться,
Кто станетъ бѣдъ изъ насъ страшиться?

Вѣнцы изъ розъ и миртъ сплѣтите,
Персидски масти дайте мнѣ;
Вина бутылки принесите
Современныя той войнѣ,
Какъ звѣрства Марсовъ здѣсь кипѣли,
Колъ отъ Спартака (1) уцѣлели.

Поди къ Нереѣ сладкогласной,
Да заплететъ она власы,

И возложа уборъ прекрасной,
Спѣши ко мнѣ въ сіи часы;
А если вратникъ будетъ спорить,
Брегися съ нимъ меня поссорить. —

Но поскорѣе возвратися,
Ужъ я не тотъ, кой прежде былъ;
Будь скроменъ съ нимъ и не бранися,
Съ сѣдой главой, кто будетъ милъ?
Пріятство старость уменшаетъ,
И гнѣвъ во мнѣ не столь пылаетъ.

Во время Планкуса правленья,
Когда во младости я цвѣлъ,
Подобнаго пренебреженья
Ни какъ конечнобъ не стерпѣлъ;
А нынѣ изъ себя не выду,
И снесть могу сію обиду.

ОДА XI.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Злато все можетъ; но съ нимъ часто бываемъ мы нещастливы. — Умѣренность составляетъ истинное наше благополучіе.

Изъ мѣди башня сотворенна,
Хранима стражею была;
Акрисіемъ (1) гдѣ заключенна
Даная въ скукѣ жизнь вела.

Вратъ твердость сталью укрѣпленныхъ,
Лай псовъ въ нощи совсѣхъ сторонъ,
Для всѣхъ красой ея плѣненныхъ
Являли множество препонъ.

Предъ Богомъ въ злато превращеннымъ,
Ничто неможетъ устоять;
Съ его сіяньемъ драгоцѣннымъ,
Все можно въ свѣтѣ предпріять.

Межъ стражей злато путь являетъ,
Ему подвластенъ свѣтъ давно;
Сильнѣй перуна раздробляетъ
Твердѣйши мраморы оно.

Любовью къ злату ослѣпленный,
Разрушенъ Амфіара (2) домъ. —

Филиппъ (3) бывъ златомъ подкрѣпленный
Со славой несъ оружья громъ.

Онъ имъ прошелъ ужасны горы,
Народы многи покорилъ,
И тяжки вратъ градскихъ затворы
Онъ блескомъ злата отворилъ.

Сіяньемъ злата опровергнулъ
Онъ власть царей, своихъ враговъ,
Не укротимѣйшихъ подвергнулъ
Плѣненью, тягости оковъ.

Но больше тотъ къ нему стремится,
Кто въ жизни здѣлался богатъ;
И для того имъ ослѣпиться
Брегуся я, О! Меценатъ.

Боговъ щедротой наслаждаясь,
Умѣренъ въ жизни я моей;
Завистныхъ, гордыхъ удаляясь
Не лестныхъ зрю себѣ друзей.

Полезнѣе всегда щитаю
Богатства блескъ пренебрегать,
Чѣмъ грознаго страшись случаю
Среди сокровищей вздыхать.

Хотябъ Апулянъ жатвы многи
Я въ житницахъ моихъ вмѣстилъ,

Конечнобъ тѣмъ смущенья строги
Я отъ себя не удалилъ.

Властитель Африки не знаетъ,
Что я богатѣе его
Ручьемъ, которой протекаетъ
Среди владѣнья моего. —

Ліющимъ воды чисты, здравы;
Лѣскомъ исполненнымъ прохладъ,
Питающимъ мои забавы,
Дающимъ множество отрадъ,

И не большимъ земли удѣломъ,
Всегда за трудъ платящимъ мой;
Я въ семъ довольствіи веселомъ
Вкушаю щастье и покой.

Хотя въ Калабріи не спѣетъ
Мнѣ сотъ отъ пчелъ въ ея лѣсахъ,
Хотя Фалерна не старѣетъ
Въ моихъ глубокихъ погребахъ;

Хоть не мои стада питаютъ
Луга Галлійски средь прохладъ,
Не мнѣ тамъ волну собираютъ,
И не меня ей богатятъ.

Но я спокойствомъ наслаждаюсь,
Доволенъ щастіемъ моимъ;

И духомъ въ вѣкъ не унижаюсь,
Нѣтъ зависти во мнѣ къ другимъ.

Я знаю, естьли бы стремленье
Мое къ богатству возрасло,
Исполнить въ томъ мое хотѣнье,
Ничтобъ тебя не отвлекло.

Почтожъ коль малымъ обладая,
Свободнѣй легку дань плачу,
Какъ нежель жадностью пылая,
Страны велики получу.

Блаженъ, кто въ простотѣ щастливой
Далекъ убожества живетъ,
Не ищетъ жизни прихотливой,
Законъ умѣренности чтетъ,

ОДА XII.

КЪ ЛАМІЮ.

Почтенный Эліусъ вѣщаютъ,
Что ты и древніи Ламіи тотъ
Васъ памятники тѣ вмѣщаютъ
Гражданъ гдѣ видѣнъ славныхъ родъ.

Твой предокъ Ламіи въ древни годы,
Форміиско (1) царство основалъ,
Влечетъ гдѣ Лирисъ тихи воды,
Онъ тамъ народомъ управлялъ.

Когда предвѣстникъ страшной бури
Меня не обманулъ здѣсь вранъ
Покроютъ тучами лазури
Съ восточнымъ завтра вѣтры странъ.

Брега устелются травою,
Исторгнутой со дна морей
И листъ древесъ такъ какъ зимою,
Спадетъ отъ вихрей и дождей,

Покуда есть еще возможность,
Ее отнюдь не пропускай,
И должную предосторожность
Въ семъ случаѣ не забывай.

Пребывъ съ домашними въ покоѣ,
Ты жертвой Генія почти,

Отвергнувъ скуки бремя злое
Виномъ семейство угости.

ОДА XIII.

КЪ ФАВНУ.

О! Ты любящій Нимфъ преслѣдовать въ лѣсахъ
Богъ Фавнъ! — Коль будешъ ты когда въ моихъ поляхъ;
Будь милостивъ ко мнѣ, да стадъ моихъ юницы
Не ощутятъ твой гнѣвъ, печальны, хищны пшицы
Пронзительный свой крикъ не будутъ возносить;
Козленка каждый годъ я буду приносить
На жертву Фавнъ тебѣ, да все въ покоѣ зрится.
Украшенъ твой олтарь, и Ѳиміанъ курится:
Сплѣтеннымъ изъ плодовъ почту тебя венцомъ,
Широкой въ честь твою наполненъ кубъ виномъ.
Когда придетъ Декабрь, въ долины поспѣшаютъ

Стада съ прохладныхъ горъ, волы трудъ оставляютъ
Украся хижину ликуетъ селянинъ,
Не зря ужъ болѣе заботъ своихъ причинъ.
Съ тобой опасности пастухъ въ лугахъ не знаетъ,
Тебѣ древесный листъ путь мягкій настилаетъ
И виноградарь снявъ природы щедрой даръ,
Подъ пѣснь веселую троитъ ноги ударъ
О землю въ радости, надъ коей онъ трудился,
Въ восторгѣ зря, что трудъ успѣхомъ наградился.

ОДА XIV.

КЪ ТЕЛЕФУ.

Ты расказывать пустился
Намъ о славныхъ тѣхъ царяхъ,
Коихъ свѣтъ всегда страшился,
Кто былъ Кордъ, кто былъ Инахъ. (1)

Родъ Эака намъ толкуешъ,
Чѣмъ извѣстенъ въ жизни онъ;
О сраженьяхъ повѣствуешъ,
Чѣмъ прославленъ Иллiонъ.

Но о томъ, что бочки стоитъ
Намъ Сiоскаго вина,
Кто намъ баню приготовитъ
И не ждетъ ли насъ она? —

Иль давно она готова;
Скороль мы въ нее пойдемъ?
Ты молчишъ, о томъ ни слова
Въ разговорѣ нѣтъ твоемъ.

Дайте намъ вина отмѣнна,
Новолунныхъ въ честь ночей,
А за здравiе Мурена (2)
Мнѣ слуга еще налей.

Въ три иль въ девять разъ скончаетъ
Кубокъ всякъ пускай изъ насъ,
Тотъ, кто Музъ любить желаетъ,
Трижды три пить долженъ разъ,

Стихотворецъ къ восхищенью
Долженъ помнить Музъ число,
Пить подъ Лирою въ веселью
Увѣнчавъ свое чело.

Хоть одна изъ Граціи нѣжныхъ,
Ищетъ Музъ не оставлять;
Но боясь ссоръ мятежныхъ,
Запрещаетъ прибавлять.

Гдѣ Богини Берецинды (3)
Трубы скрыты, дайте ихъ;
Пусть веселья разны виды
Умножаются отъ нихъ.

Съ лирой кто свирѣль злотою
Здѣсь повѣсилъ, скрытъ ихъ звукъ. —
Дайте мнѣ, я ихъ на строю,
Ненавижу праздныхъ рукъ.

Пусть сосѣдъ скупой познаетъ,
Съ престарѣлою женой
Нашу резвость и вздыхаетъ,
Недоволенъ бывъ собой.

ОДА XV.

КЪ БУТЫЛКѢ.

О! Ты бутылка дорогая,
И сверстная моимъ лѣтамъ;
Съ правленья Манлія щитая
Хранишъ ты сокъ пріятный намъ.

Скажи, скажи, что ты вмѣщаешъ? —
Любовь ли, смѣхи, или стонъ,
Иль слезы, ссоры заключаешъ,
Иль наконецъ пріятный сонъ?

Хотя ни кто того не знаетъ,
Что въ голову вселитъ намъ рокъ. —
Приди, Корвій (1) повелѣваетъ,
Пролей твой драгоцѣнный сокъ.

Хотя ученіе питаетъ
Его Сократа съ юныхъ лѣтъ,
Однакожъ онъ не презираетъ,
Что намъ стекло твое блюдетъ.

Катона строга добродѣтель
Виномъ смягчалась иногда,
Хоть Римъ всегдашній былъ свидѣтель
Его усердья и труда.

*

Ты легкой мукою смягчаешъ
Сердца свирѣпыя людей,
И тайны мысли извлекаешъ
Почтенныхъ мудростью своей.

Ты робкимъ придаешъ отважность,
Убогій мнитъ, что онъ богатъ;
Твою піюща сладку влажность
Цари во гнѣвѣ не страшатъ.

Предстань. — Но да сопровождаютъ
Тебя Венера, вольность, смѣхъ,
Да ссоры мѣстъ сихъ убѣгаютъ,
Да зримъ съ тобою сонмъ утѣхъ,

Да всѣ пріятства къ намъ явятся,
Предстань желаній всѣхъ предметъ,
Пусть здѣсъ свѣщи возженны зрятся,
Доколь не возвратится свѣтъ.

ОДА XVI.

КЪ ДІЯНѢ.

О! Дѣва, Царица
Пространныхъ лѣсовъ,
Ты коей десница
Страшитъ люпыхъ львовъ;
Младымъ помогаешъ
Женамъ плодъ пріять,
Отъ смерти спасаешъ
Младенца и мать. (1)
Въ трикратномъ взываньѣ
Богиня трехъ царствъ,
Свершаешъ желанье,
И тучностью паствъ
Безбѣдно питаешъ,
На холмахъ стада,
Звѣрей удаляешъ,
Блюдешъ отъ вреда.
Тебѣ посвящаю
Я сосну сію.
Храни, заклинаю
Границу мою,
Въ годъ всякъ не забуду,
Взойдетъ какъ заря,
И жертвовать буду
Младаго вепря,
Кой ищетъ отмщенья
Движеньемъ клыковъ. —

Прими приношенья
Царица лѣсовъ!

ОДА XVII.

КЪ ФИДИЛУ.

Когда въ день каждый новолунный
Ты къ небу руки устремишъ,
И естьли ты Богамъ домашнимъ
Вино и ладанъ посвятишъ,

Или плоды на жертву зрѣлы
Представишъ отъ твоихъ садовъ,
О! Ты Фидилъ трудолюбивый. —
Довольно будетъ сихъ даровъ.

Не пострадаютъ винограды
Отъ бурей, зноя и дождей,
Н насѣкомыя пшеницы
Не будутъ пожирать твоей, —

Ниже стада твои познаютъ
Для нихъ тяжелы времяна. —
Велики жертвы, что являетъ
Альбійска славная страна, (1)

Или, что зримъ межъ древнихъ дубовъ
Горы Алгиды въ лунны дни,
Первосвященника секиру,
Лишь должны обагрять они.

А ты, которой розмариномъ
И миртою своихъ Боговъ
Вѣнчаешь, нужды нѣтъ конечно
Имъ, многихъ закалать воловъ.

Лишъ только бы рука невинна
Могла имъ жертвы воздавать,
Горсть чистой соли и ячменя
Щедроты можетъ привлекать.

ОДА XVIII.

ПРОТИВЪ СКУПОСТИ.

Хотябъ богатство превышало
Твое всю Африку собой,
Хотябы въ Индіи не стало
Сокровищъ, домъ наполнить твой.

Пускай предѣлы занимаютъ
Твои, пространство друхъ морей,
Италію что омываютъ,
Пусть будетъ все въ казнѣ твоей.

Но ужасъ смерти поселится,
Въ душѣ пребудетъ навсегда
Притомъ убожества страшиться
Ты не престанешъ никогда.

Съ спокойствомъ большимъ обитаетъ
Въ степяхъ пространныхъ бѣдный Скиѳъ;
Хоть съ мѣста въ мѣсто преселяетъ
Свой домъ, онъ болѣе щастливъ. (1)

Блаженнѣй Гетты (2) дики зрятся,
Живущіе среди полей,
Земель пространствомъ недѣлятся,
Довольны участью своей. —

Тамъ тѣже самы земледѣльцы
Трудятся въ полѣ каждый годъ,

И новые потомъ владѣльцы
Наслѣдуютъ имъ безъ хлопотъ.

Тамъ мачиха несправедлива
Не злится на другихъ дѣтей;
Супруга гордая, кичлива
Тамъ вредныхъ не стремитъ затѣй.

Не обладаетъ мужа волей.
Не чтитъ любовника совѣтъ;
Но бывъ своей щастлива долей,
Вѣрна, и въ чистотѣ живетъ.

Ее приданое, пріятство,
Любовь къ супругу навсегда;
И въ томъ лишъ все ея богатство,
Не знать измѣны никогда.

Невѣрность, грѣхъ для ней ужасной,
И смерть возмѣздіе его. —
Нѣтъ зависти мѣжъ ихъ напрасной
И роскоши, вреднѣй всего.

Коль кто изъ смертныхъ пожелаетъ,
Противникомъ убійствамъ быть;
Любовью къ ближнимъ воспылаетъ
Предприметъ брани погасить;

Захочетъ устремить вниманье
Междоусобія прервать,
Отца отечества названье
Захочетъ въ мірѣ воспріять. —

Чтобъ истуканъ его Сіянья
Стремилъ не ложно въ цѣлый свѣтъ;
Да обуздаетъ тотъ желанья,
Предѣловъ коимъ въ свѣтѣ нѣтъ.

Онъ съ симъ премудрымъ начинаньемъ
Легко возприметъ тяжкій трудъ
Хвалой и славы восклицаньемъ
Ево потомки вознесутъ.

Но мы, все въ ложномъ цвѣтѣ видимъ,
На все завистный мещемъ глазъ
И добродѣтель ненавидимъ
Сіяющую между насъ. —

Тогда ее лишъ превозносимъ,
Какъ скроетъ въ тмѣ свое чело. —
Почто же жалобы приносимъ,
Когда не изтребляемъ зло?

Почто писать тогда законы,
Когда правдивыхъ нравовъ нѣтъ? —
Коль ищущимъ богатствъ, препоны
Не поставляетъ цѣлый свѣтъ?

Коль степи знойны и безплодны,
Моря ревущія и громъ,
И царства Сѣвера холодны,
Препятства не являютъ въ томъ?

Коль бѣдность чтимая порокомъ,
На все насъ можетъ устремлять,
Велитъ намъ въ рвеніи жестокомъ
Правдивый путь позабывать?

Ахъ! Нѣтъ, повергнемъ лучше въ море
Причину нашихъ лютыхъ бѣдъ. —
Сокровища раждаютъ горе,
Давно отъ злата страждетъ свѣтъ. —

Иль въ Капитоліи оставимъ
Свои богатства навсегда,
Мы вѣчно тѣмъ себя прославимъ,
Избѣгнемъ гибели, вреда.

Коль совѣсть мы еще имѣемъ,
Чего намъ болѣ ожидать?
Потомъ прилѣжно да радѣемъ
Мы гражданъ юныхъ воспитать.

Отвергнувъ мысли прихотливы,
Примѣрами ихъ укрѣпимъ;
Они пребудутъ въ вѣкъ щастливы,
Коль симъ наслѣдствомъ ихъ снабдимъ.

Нѣтъ, наши юноши страшатся
На бодраго коня возсѣсть,
Трудовъ охотничьихъ боятся
И любятъ праздность, роскошъ, лесть.

Играть кружкомъ желѣзнымъ знаютъ,
Всѣ игры, всѣ извѣстны имъ,
Законы кои запрещаютъ,
Тѣ льстятъ богатствомъ имъ своимъ.

Отцы обманами, порокомъ
Имѣнье тщатся умножать;
Дабы въ убожествѣ жестокомъ
Не стали дѣти обитать.

Друзей и ближнихъ раззоряютъ,
Хотѣли бы ограбитъ всѣхъ;
Но сколько злата ни сбираютъ,
Не полонъ чтутъ свой въ томъ успѣхъ.

ОДА XIX.

КЪ БАХУСУ.

Восхитясь его духомъ, сплетаетъ похвалы Августу.

Твоимъ наполнясь божествомъ,
Куда О! Бахусъ я взлетаю?
Гдѣ я и духомъ и умомъ?
Какіе виды созерцаю?

Въ какихъ пріятнѣйшихъ лѣсахъ,
Въ восторгѣ новомъ заблуждаюсь? —
Въ какихъ пещерахъ и горахъ,
При шумѣ водномъ обретаюсь?

Какія холмы и скалы
Въ веселье многомъ повторяютъ,
Монарха громкія хвалы
Что струны имъ мои вселяютъ?

Куда еще я полечу
Поя, среди веселья многа
Монарха коего вмѣщу
Межь звѣздъ; въ совѣтѣ вышня Бога.

Наполненъ духъ его похвалъ
Никто подобнаго согласья,
Никто изъ смертныхъ не внушалъ,
Никто не зрѣлъ толика щастья!

Бакханка возбудясь отъ сна,
Во удивленый цѣпенѣетъ,
Зря, что снѣгами вся страна
И Гебръ (2) отъ инея бѣлѣетъ. —

Или Родопы (2) верьхъ крутой
Увидя, очи устремляетъ,
Что пляской варваровъ простой
Извѣстенъ свѣту пребываетъ.

О! Богъ Бакханокъ и Наядъ!
Я также пораженъ смущеньемъ
Зря страшны виды, тьмы отрадъ,
Пою въ возсторгѣ съ удивленьемъ!

Не буду ничего вмѣщать
Земнаго въ пѣсняхъ я небесныхъ,
Вездѣ твой будетъ духъ сіять,
Среди похвалъ моихъ не лестныхъ

Сладка опасность, страха нѣтъ,
Коль Богъ всесильный охраняетъ,
Сей Богъ, кой щастье всѣмъ ліетъ
И Гедерой себя вѣнчаетъ.

ОДА XX.

КЪ ВЕНЕРѢ.

Отрицается ея забавъ.

Побѣдъ искать я устремлялся,
Въ забавахъ, въ пляскахъ и играхъ
И лавромъ славы увѣнчался
Пріятствъ и роскоши въ поляхъ;
А нынѣ подвиги кончаю,
Венерѣ лиру возвращаю.

Ее во храмъ къ ней отнесите
И все оружіе мое, —
Тудажъ сѣкиру положите
И пламенникъ, и копіе,
Пусть храмъ Венеры то вмѣщаетъ
Что вратъ твердыню устрашаетъ.

Любящая страны прелестны,
Брега исполненны утѣхъ,
Киприъ славный, въ коемъ не извѣстны
Бореи, стужа, градъ и снѣгъ,
Весны гдѣ время зримъ драгое,
Коснись еще Богиня Хлое!

ОДА XXI.

КЪ ГАЛАТЕѢ.

Да нечестивыхъ путь всегда сопровождадаютъ
Ужасны крики птицъ, что бѣдства предвѣщаютъ
Путь сукащенная, ихъ встрѣтитъ для вреда,
Иль свободившаясь лисица отъ плода:
Съ холмовъ Лапувскихъ (2) имъ, во слѣдъ да устремится
Волчица рыжая, змѣя да восклубится
И бросится въ среду изпуганныхъ коней.
Но естьли, я страшусь бѣды моихъ друзей,
О! Будущихъ времянъ гаданья справедливы!
Мольбами привлеку признаки имъ щастливы
Съ востока черныи вранъ въ знакъ дружбы прилетитъ
Межъ тѣмъ какъ птица бурь, путь къ блатамъ устремитъ,
Будь щастливая вездѣ гдѣ будешъ Галатея
И вспоминай о мнѣ, которой сожалѣя
Успѣшнаго пути не престаетъ желать,
Чтобъ не могло ничто тебѣ въ немъ помѣшать.
Но ты не вѣдаешъ ужасной бури стона
Ревущей завсегда, при видѣ Оріона
Адріатическихъ я знаю лютость волнъ,

Аппульскій страшный вѣтръ, кой бѣдствіями полнъ.
Пускай лишъ только родъ враговъ твоихъ познаетъ,
Являясь Козерогъ, какъ бури воздымаетъ;
Пусть жены, дѣти ихъ зрятъ ужасъ тѣхъ валовъ,
Что тяжки камни рвутъ съ навислыхъ береговъ.
Европа на хребетъ быка когда возсѣла,
Отъ дерзости своей, мгновенно побледнѣла;
Обманъ его и волнъ во кругъ свирѣпство зря,
И тьмы чудовищей, что кроютъ внутрь моря.
Она пришла сбирать цвѣты въ лугахъ зеленыхъ;
Но вскорѣ при лунѣ, отъ взоровъ изумленныхъ
Сокрылися забавъ пріятные труды,
Не зритъ ужъ ничего, какъ неба и воды.
Увидя островъ Критъ, кой славенъ сто градами,
„Увы! — Родитель мой! — Вскричала со слезами:
„Гдѣ имя дѣвы то, что я пренебрегла?
„Гдѣ я? — Что я? И Ахъ! — Откуда я пришла?
„Не сонъ ли, мнѣ мечты раскаянья явлетъ
„Или невинна я, иль то меня смущаетъ,

„Слоновой кости вратъ, что кажетъ тщетный путь? (3)
„Увы! — Кто могъ меня толь люто обмануть?
„Веселью, собирать цвѣты въ лугахъ прекрасныхъ,
„Моглаль я предпочесть, путь средь морей ужасныхъ? —
„Играя съ Нимфами, резвяся мѣжъ кустовъ,
„Ждалаль услышать я свирѣпый шумъ валовъ?
„Ахъ! — Естлибъ предалъ кто отмщенью неизбѣжно
„Вѣка, котораго я столь ласкала нѣжно!...
„Не устыдилась я домъ отчій позабыть,
„И не стыжусь еще на свѣтѣ я семъ жить!...
„О! Боги! — Естьли кто изъ васъ меня внимаетъ,
„Повергните меня звѣрямъ, мой духъ желаетъ:
„Пусть буду пищей львовъ доколь въ тоскѣ моей
„Я не лишусь красы въ странѣ противной сей!
Европа бѣдная, отецъ съ тобой въ разлукѣ
Терзаемъ злобою, при нестерпимой мукѣ
Угрозы тяжкія стремитъ тебѣ во слѣдъ! —
Что медлишъ умереть? — Спасись отъ лютыхъ бѣдъ. —
Есть средство, древо есть и поясъ твой остался,

Окончи ими жизнь, чтобъ духъ твой не
терзался,
Иль естьли предпочтешъ ты видъ сея скалы,
Спѣши повергнутся въ надмѣнные валы. —
Дщерь царская, иль ты захочешъ быть ра-
бою
Совмѣстницы твоей, гордящейся собою? —
И прясть въ дому ея, изъ мягкой волны
нить,
Сколь горько для тебя, въ толь ниской долѣ
жить?
Венера и любовь держа лукъ опущенной
Смѣялись, внемля плачь Европы огорченной. —
Умѣришъ ты свой гнѣвъ, они сказали ей, —
Когда представитъ быкъ, въ послушности
своей
Рога свои самимъ собою сокрушенны,
Спокойся и познай, что дни твой блажен-
ны:
Зевесъ отецъ Боговъ супругъ сталъ нынѣ
твой
Умѣй довольна быть толь щастливой судь-
бой
И въ славѣ средь боговъ съ величіемъ казаться,
Часть свѣта именемъ твоимъ пребудетъ
зваться.

ОДА XXII.

КЪ ЛИДѢ.

Въ день Нептуну посвященный,
Учинить что лучше мнѣ,
Какъ склонить тебя къ веселью? —
Выпей добраго вина,
Сдѣлай, здѣлай принужденье
Добродѣтели своей,
Зри ужъ день кончаетъ солнце,
А ты, мѣдлишъ приказать;
Прикажи подать сосуды,
Что съ Бибулія времянъ
Заключаетъ погребъ мрачный,
Знай летятъ, не ждутъ часы.
Перемѣнно мы на лирахъ
Веселяся будемъ пѣть,
Ты прекрасную Латону,
И Діяны лукъ златой;
Славить буду я Нептуна,
И прелестныхъ Нереидъ;
Кончимъ тою, что въ Цикладѣ
Зритъ веселы олтари, —
И что Пафосъ посѣщаетъ
На сребристыхъ лебедяхъ. —
Ночь, и ты равно услышишъ
Должныя тебѣ хвалы.

ОДА XXIII.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Приглашаетъ его къ простому своему обѣду.

О! Вѣтвь отродья знаменита,
Любезный свѣту Меценатъ! —
Мое блаженство и защита
Ужъ розы для твоихъ прохладъ
Готовы, и вина сосуды
Стоятъ наполнены повсюды,
Благоуханій Фиміянъ,
Ужъ въ честь твою вездѣ курится,
Оставь мѣста, гдѣ роскошъ зрится
И пышны зданія Римлянъ;

Украдься отъ всего, что сильно
Тебя въ пути остановить;
Оставь мѣста, гдѣ зломъ обильно
Богатство радость можетъ тмить. —
Эзула холмы знамениты, (1)
И Тибръ ладьями гдѣ покрытый
Украшенъ зримъ со всѣхъ сторонъ;
Гдѣ храмы видны возвышаясь,
Гдѣ жилъ злодѣйствіемъ терзаясь
Отцеубійца Телегонъ. (2)

Обильность, матерь отвращенья
Гдѣ свой законъ въ почтеньѣ зритъ;

Оставь ты пышность утѣшенья,
Что души гордыхъ веселить. —
Не рѣдко нравятся премѣны
Тѣмъ, кои славой окруженны,
И часто бѣднаго обѣдъ,
Безъ Пурпуровъ изшвенныхъ златомъ,
Въ дому усердьемъ лишъ богатомъ
Отраду въ сердце ихъ ліетъ.

Огни Цефея (3) ужъ блистаютъ,
Уже и Левъ, и Проціонъ (4)
Свои сіянья изливаютъ,
И жаръ стремятъ со всѣхъ сторонъ.
Пастухъ отъ зноя утомленный,
И овцы жаждой изнуренны
Прохладныхъ ищутъ водъ, лѣсовъ,
Гдѣ отдыхатъ Фавнъ, Сатиры,
Непостоянные Зефиры
Не резвятся между кустовъ.

Но ты, трудясь надъ пользой Рима,
О благѣ мыслишъ согражданъ;
Вездѣ твоя усердность зрима. —
Тамъ всюду замыслъ Бактріянъ (5)
Открыть и прекратить стремишся,
Познать пути ихъ, силу тщишся!
Тамъ Церовъ (6) отвратить набѣгъ
Премудро, храбро помышляешъ,
Тамъ Скиѳовъ удалить желаешъ,
Забавъ не ищешъ, ни утѣхъ.

Но въ мракѣ нѣкій Богъ скрываетъ
Судьбы грядущія отъ насъ. —
Кто прозорливость устремляетъ
На будущіе дни всякъ часъ,
И только лишь о томъ печется,
Сей Богъ трудамъ его смѣется. —
Судьбы возможно ли открыть?
Премудро правъ лишь настоящимъ. —
Равняясь съ рокомъ предстоящимъ
Намъ Тибръ примѣромъ можетъ быть. —

Онъ часто тихими струями
Течетъ въ объятія морей,
Наполнясь иногда водами
Реветъ въ угрюмости своей,
Валы сѣдыя воздымаетъ
И камни съ береговъ срываетъ;
Влечетъ съ корнями древеса,
Стада, сады, ограды, домы,
Подобно какъ изъ тучи громы
Сугубятъ шумъ его лѣса.

Кто суетность пренебрегая,
Спокойно тщится обитать,
Кто каждой день окончевая,
Я жилъ, возможетъ всѣмъ сказать. —
Блаженъ тотъ смертный не сомнѣнно!
Хоть завтра небо омраченно
Юпитеръ солнцемъ озаритъ,
Хотя умножа тучи темны,

Перуны устремитъ разженны
Прошедшаго не премѣнитъ.

Непостоянствомъ утѣшаясь,
Законъ премѣнъ всегда блюдетъ,
Резва и смертнымъ насмѣхаясь
Фортуна ложный блескъ ліетъ. —
Пріятна мнѣ, потомъ другому;
Непостоянству таковому
Себя кто можетъ поручать?
Я веселъ, коль она мной зрится,
Когдажъ она и удалится
Не буду плакать и вздыхать.

Но добродѣтелью плѣняясь,
Жизнь скудну честно проведу,
И завистію не терзаясь
Всегда друзей себѣ найду,
Коль бурей мой корабль влекомый,
Возстонетъ, внемля вѣтръ и громы,
Боговъ не буду я молить,
Чтобъ Кипрскія мои товары
Не поглотили волны яры,
Судя въ убожествѣ мнѣ жить.

Нѣтъ, нѣтъ не буду сокрушаться,
Богатства Тирскія (7) мои,
Въ пучинахъ водъ не погрузятся
Лучи нескроютъ тамъ свои

Гдѣ множество уже хранится. —
Пусть море плещешъ и мутится,
Пусть волны возстаютъ горой,
Сыны прекрасной Леды ясны
Сквозь бури страшны и опасны,
Челнокъ поставятъ въ пристань мой.

ОДА XXIV.

Слава его стиховъ безсмертна.

Я памятникъ себѣ поставилъ
Превыше Нильскихъ пирамидъ,
Я имя тѣмъ свое прославилъ,
Его великолѣпный видъ
Которой тверже мѣди зрится,
Временъ грызенья не страшится.

Ни ѣдка древность, ни Бореи,
Ни дождь, ни бурный Аквилонъ,
Ни лютость браней, ни злодѣи,
Ни громъ небесъ, ни вихрей стонъ,
Ни за брега текущи рѣки
Его не сокрушатъ во вѣки.

Умру, но строга смерть, не сыта
Меня не можетъ истребить,

Ни имя блескомъ дѣлъ покрыто,
Я съ нимъ въ потомствѣ буду жить. —
Разруша смертные уставы,
Расти при звукѣ буду славы!

Доколѣ будетъ жрецъ священный
Въ Капитолійскій храмъ вступать,
Доколь Весталокъ сонмъ почтенный
Въ немъ будетъ жертвы возжигать,
Хвалы о мнѣ не прекратятся,
И въ тѣ мѣста онѣ промчатся,

Ауфидъ (1) гдѣ съ шумомъ протекаетъ,
Гдѣ Давнъ (2) народами владѣлъ
Меня тамъ поздный родъ узнаетъ,
И скажетъ: первой онъ гремелъ
Латинской лирой Аполлона,
По строю Эолиска тона.

Мольбамъ О! Муза вознесеннымъ
Моимъ къ тебѣ теперь внимай,
Делоическимъ вѣнцемъ зеленымъ
Мое чело ты увѣнчай! —
Во вѣки лавръ мой зеленъ будетъ,
Меня потомство не забудетъ.

Конецъ третьей книги.

ОДЫ

ГОРАЦІЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОДЫ ГОРАЦІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОДА I.

КЪ ЮЛІЮ АНТОНІЮ.

Кто Пиндару во слѣдъ дерзаетъ,
Иль мнитъ сравнится съ нимъ въ стихахъ;
Тотъ вмѣстѣ съ Икаромъ желаетъ
Летѣть на восковыхъ крылахъ,
Которой въ суетной гордынѣ,
Собою имя далъ пучинѣ.

Какъ съ горъ великихъ ударяетъ
Дождемъ наполненна рѣка,
За бреги волны устремляетъ,
Шумитъ въ лѣсахъ издалека;
Такъ Пиндаръ, слога красотою
Гремитъ, возвысясь похвалою.

Всегда великіе примѣры
Витіиства и красотъ явитъ
Хоть въ Диѳирамвахъ онъ безъ мѣры
И правилъ путь свой устремитъ;
Всегда великъ въ согласьѣ тона,
Достоинъ лавровъ Аполлона!

Хотябъ боговъ или Героевъ
Онъ пѣлъ и лютость той войны;
Когда среди кровавыхъ боевъ
Кентавры ими сражены;
Когда чудовищей побили,
Химеры пламень погасили, (1)

Хотябъ въ играхъ Эллидскихъ славныхъ
Онъ побѣдителя воспѣлъ,
Иль бѣгъ коней въ долинахъ равныхъ
Прославить лирой захотѣлъ;
Спасетъ временъ отъ крыльевъ строгихъ
Надежнѣй истукановъ многихъ.

Хотябъ оплакивалъ супруга
Отторгнута своей четы;
Хотя бы славилъ вѣрность друга,
Его доброту, правоты
И духъ исполненный геройства,
Оставитъ въ памяти потомства.

Дирцейской лебедь (2) возлетаетъ
Паря превыше облаковъ,

Ему вѣтръ сильный помогаетъ
Не страшенъ трескъ и звукъ громовъ!
А я пчеламъ лишъ подражаю,
И въ потѣ медъ съ цвѣтовъ збираю.

Въ долинахъ Тиволи прохладныхъ,
Вблизи шумящихъ Тирбскихъ водъ;
Или въ лѣсахъ густыхъ, пріятныхъ
Среди природы всѣхъ красотъ
Въ заботахъ провождая лѣты,
Пою не важные предметы.

Твоя Антоній звучна лира
Тогда достойно возгремитъ,
Какъ Кесарь, обладатель Міра
Сикамбровъ (3) въ узахъ намъ явитъ;
И въ Капитоліи Трофеи
Поставитъ, свергнувъ злыхъ затѣи.

Великъ Монархъ въ своихъ побѣдахъ!
Противъ его кто можетъ стать?
Безсмертные въ благихъ совѣтахъ
Не могутъ лучшаго намъ дать;
Хотябъ толико щедры стали,
Чтобъ паки вѣкъ златой послали.

Прославишъ дни сіи веселы
И обще торжество Римлянъ,
Какъ Августъ дальніе предѣлы

Оставить къ щастію гражданъ;
Какъ онъ во славѣ здѣсь явится,
Мой гласъ съ твоимъ соединится.

Когда съ божественнымъ восходомъ
Твоимъ мнѣ можно возлетать,
Тогда въ восторгѣ я съ народомъ
Стократно буду восклицать:
О торжество! О утѣшенье! —
И вмѣстѣ жертвъ возжемъ куренье.

Ты многими явишъ волами
Богамъ обѣтъ, дождавъ конца;
А я, съ усердными мольбами
Младаго въ жертву дамъ тѣльца;
Что для того въ лугахъ тѣнистыхъ
Растетъ при шумѣ токовъ чистыхъ.

Рога его изображаютъ
Собой луны трехдневной видъ,
И бодрость юную являютъ,
Онъ бурой шерстью весь покрытъ;
Во лбу его звѣзда сіяетъ
И тѣмъ отъ прочихъ отличаетъ.

ОДА II.

КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ.

Кого ты взглядомъ Мельпомена
Почтила при началѣ дней,
Того пространная вселенна
Прославитъ не за громъ мечей;

Не на Истмическихъ военныхъ
Играхъ онъ будетъ вознесенъ (1)
И не за быстрый бѣгъ отмѣнныхъ
Коней, пребудетъ здѣсь почтенъ.

Ему не подвиги кровавы
Вѣнецъ Делфическій дадутъ,
Не звуки трубъ военной славы
Въ Капитолійскій храмъ введутъ

Но Эоллійскими стихами, (2)
Тиволи нѣжныя мѣста
Воспѣты съ быстрыми струями,
И рощей чистыхъ красота.

Я зрю, что Римъ меня включаетъ
Въ число любимыхъ имъ творцовъ,
Возстановителемъ щитаетъ
Эллидскихъ сладостныхъ стиховъ.

Немучусь завистію злою,
Спокоенъ въ мысляхъ я моихъ,
О Мельпомена я тобою
Блаженствъ моихъ на верьхъ достигъ.

О ты! Которая радѣешъ
Сей лиры строй хранить моей,
Нѣмымъ ты рыбамъ дать умѣешъ,
Пріятный голосъ лебедей,

Тобою жизнь я ощущаю,
Тобой я въ славѣ знаменитъ,
И лестну степень занимаю
Среди Лирическихъ Піитъ.

ОДА III.

Воспѣваетъ побѣду Друза.

Орелъ царь птицъ молніеносный,
Зевесовыхъ хранителъ тайнъ,
Ему отецъ Боговъ всесильный
За вѣрность скиптръ препоручилъ,
Когда похитивъ Ганимеда,
Въ небесное унесъ жилище;
Еще безопытенъ и юнъ
Является, когда весенни
Дожди изъ тучей лить престали,
Ему вспомоществуетъ вѣтръ,

Врожденну силу ощущая,
Онъ крѣпость испытуетъ крылъ;
Но вскорѣ страшный неприятель,
Стремится быстро на стада,
И жаждущъ къ добычамъ и битвамъ;
Подобно какъ стрѣла изъ лука,
Отъ облакъ упадаетъ внизъ
Противъ ужаснѣйшихъ Драконовъ,
Ему ничто тогда не страшно,
И только ищетъ лишъ побѣдъ.

Или какъ левъ разгоряченный
Является передъ тѣльцомъ,
Пасущимся въ лугахъ пріятныхъ;

Онъ жертва первая его:
Такъ зрѣлся Венделиціянамъ, (1)
Воюя при горахъ Альпійскихъ,
Герой, непобѣдимый Друзъ!
Сіи строптивые народы,
Побѣдами разспространили
Наслѣдный, древній свой предѣлъ;

Но имъ премудро отраженны,
Увѣдали, кто сей Герой;
Познали, что есть прозорливость,
Что истинный природный даръ
Устроенный въ чертогахъ Бога;
Любовь познали и раченье,
Что Августъ завсегда питалъ
Къ младому воину Нерону,
Онъ зналъ его Геройски свойства,
Предвидѣлъ, чѣмъ онъ долженъ быть.

Великіе на свѣтѣ люди,
Отъ славныхъ родъ ведутъ мужей,
Мы зримъ примѣръ въ быкахъ и въ коняхъ,
Раждалъ ли голубя орелъ?
Однакожъ трудъ и наставленья
Дары природы укрѣпляютъ.
Кто̀ воспитанья не имѣлъ,
Родятся скоро въ томъ пороки,
И обратятъ то въ поношенье,
Чѣмъ долженъ быть прославленъ онъ.

Чѣмъ Римъ не одолженъ Неронамъ?
Спросите, знаетъ Аздрубалъ,
Спросите вы рѣку Метавру, (2)
Спросите тотъ щастливый день,
Въ которой слава и побѣда
Взоръ первый, кроткій обратила,
На воевъ Римскихъ и вождей.
Съ тѣхъ поръ, какъ пламяни подобно,
Кой лѣсъ сухой собой объемлетъ,
И мещетъ искры до небесъ;

Или какъ вихорь возмущаетъ,
Ярясь Сицильскіе валы:
Такъ поградамъ Италіанскимъ
Свирѣпый ужасъ, Аннибалъ
Вездѣ съ жестокимъ войскомъ сѣялъ;
Но съ дня сего всегда побѣда
Вѣнчала щастливыхъ Римлянъ.
Отъ Карѳагянъ опустошенны
Узрѣли храмы нашихъ предковъ,
За нихъ отмщающихъ Боговъ.

Какъ на еленей боязливыхъ
Опредѣленныхъ въ снѣдь волкамъ,
Такъ мы на Римлянъ нападаемъ,
Вѣщалъ невѣрный Аннибалъ,
Хотя и то поставить можно
Въ числѣ побѣдъ надъ симъ народомъ,
Чтобъ ихъ погони избѣжать;
Сей родъ изшедъ изъ пепла Трои,

Носимый бурями морскими,
Присталъ къ Авзонскимъ берегамъ. (3)

Какъ дубъ сѣкирой пораженный
Алгиды на крутыхъ верьхахъ,
Младыя вѣтви извлекаетъ,
И силу новую изъ ранъ.
Лишеньемъ Гидра главъ ужасныхъ
Толь страшна не была Ираклу,
Кой трепеталъ быть побѣжденъ;
Колхида и стовратны Ѳивы
Чудесъ подобныхъ не являли;
Ничто не соравнится имъ,

Повергни ихъ съ высотъ въ стремнины,
Въ сіяньѣ новомъ излетятъ,
Рази и нападай съ стремленьемъ,
Они къ ногамъ попрутъ враговъ.
Даютъ сраженія велики,
О коихъ слава не умолкнетъ,
И будетъ вѣчно всѣмъ гласить:
Уже прошли тѣ дни веселы,
Какъ я съ побѣдой въ Карѳагены
Гонцовъ летящихъ посылалъ.

Сокрылась слава и надежда,
Не вижу прежнихъ я побѣдъ,
И все изчезло съ Аздрубаломъ.
Ничто не можетъ устоять

Противъ усилія Нероновъ:
Юпитеръ самъ ихъ защищаетъ,
Онъ самъ побѣды ихъ вершитъ;
Ихъ бодрственная прозорливость
Опасны случаи предвидитъ,
И отвращать умѣетъ ихъ.

ОДА IV.

КЪ АВГУСТУ.

Призываетъ его въ Римъ.

О щедрый даръ Боговъ небесныхъ!
Защитникъ храбрый Римскихъ чадъ,
Источникъ намъ отрадъ не лестныхъ
Приди, утѣшъ собою градъ!
Уже давно тебя лишаясь,
Мы въ скукѣ горькой погружаясь,
Всякъ часъ нетерпѣливо ждемъ
Того что обѣщалъ Сенату;
Явись намъ радостей къ возврату,
Блесни въ отечествѣ своемъ!

Когда мы зракъ твой созерцаемъ,
Веснѣ подобный тихій видъ;
Пріятнѣй дневный свѣтъ встрѣчаемъ,
Яснѣе солнца лучь горитъ.

Какъ нѣжна мать лишася сына, (1)
Что вѣтромъ строгая судьбина
Отъ отческихъ отгнавъ бреговъ,
Пространствомъ моря разлучаетъ
Очей слезящихъ не спускаетъ
Она съ бунтующихъ валовъ. —

Тебя такъ Кесарь, съ воздыханьемъ
Мы нынѣ жаждемъ зрѣть любя;
Горимъ усерднѣйшимъ желаньемъ,
Нѣтъ въ Римѣ щастья безъ тебя.
Твоимъ присудствомъ въ дни щастливы
Церера одаряетъ нивы,
Въ лугахъ пріятнѣйшихъ стада
Обильной паствой насыщаетъ. —
Пороки правда прогоняетъ,
Бѣгутъ коварство и вражда.

Безбѣдно въ путь купецъ стремится,
Не зная страху на валахъ
И нѣжна матерь веселится,
Зря бодрый духъ въ своихъ сынахъ.
Законы, истинна яснѣютъ,
Порокъ, невѣжество бледнѣютъ,
И воинъ лаврами вѣнчанъ,
Покой отечеству даруетъ,
Безстрашно съ Скиѳами воюетъ,
Пренебрегаетъ злость Пареянъ.

Кто можетъ при тебѣ бояться
Германскихъ варварскихъ полковъ?

Войны кто будетъ опасаться,
Отъ Иберійскихъ (2) береговъ?
Здѣсь виноградарь веселяся,
На холмѣ цѣлый день трудяся
Спокойно въ тихій домъ идетъ,
Тамъ свѣжее вино вкушаетъ,
Притомъ съ восторгомъ вспоминаетъ
Тебя, и яко Бога чтетъ.

Мольбы усердныя возноситъ,
Въ тебѣ спокойство зря свое;
Вино Богамъ онъ въ даръ приноситъ,
И съ ними имя чтетъ твое.
Такъ Греки жертвы возжигали
И вмѣстѣ громко прославляли
Кастора имя до Небесъ;
Любуясь щастливой судьбою,
Воспоминали, что виною
Ихъ блага, славы Геркулесъ!

Продли О Небо! Благоденство
И здравіе твое храни,
Дай видѣть щастья совершенство:
Се наши есть мольбы одни,
Которы Богъ небесъ внимаетъ,
Тогда какъ солнце начинаетъ
Свой путь и въ міръ приводитъ день;
Какъ нощи тмой свѣтъ дневный тмится,
Какъ лунный блескъ съ небесъ стремится,
И озаряетъ мрачну тѣнь.

ОДА V.

ГИМНЪ.

АПОЛЛОНУ и ДІАНѢ.

Внемли великій Богъ моленье!
Тебя въ возсторгѣ я пою! —
Тобой Ніобы дерзновенье (1)
Пріяло люту казнь свою.

Тиѳей сраженъ твоей рукою,
Равно и Греческой Герой;
Хоть потрясалъ уже онъ Трою,
Почувствовалъ гнѣвъ строгій твой.

Хоть отъ Богини въ свѣтъ родился,
Хоть онъ въ десницѣ съ копіемъ
Какъ вихрь противъ враговъ стремился,
Неуязвимъ не бывъ ни кѣмъ.

Какъ дубъ сѣкирою сраженный,
Иль Аквилономъ кипарисъ;
Тобою палъ онъ чувствъ лишенный,
Троянски храмы потряслись!

Въ конѣ Минервѣ посвященномъ
Съ дружиной не былъ запертъ онъ,
Что бы коварствомъ ухищреннымъ
Напасть на спящій Илліонъ.

Приличнымъ подвигомъ герою
Онъ могъ бы Трою покорить,
И сильною своей рукою
Все въ прахъ и пепелъ обратить.

Онъ въ колыбеляхъ сокровенныхъ
Младенцовъ могъ пожечь огнемъ,
И въ свѣтъ еще не порожденныхъ
Сразить безжалостно мечемъ,

Когдабъ отецъ Боговъ смягченный
Венеры просьбой и твоей,
Не захотѣлъ чтобъ новы стѣны
На сихъ брегахъ воздвигъ Эней,

И въ сей священнѣйшей оградѣ
Хранилъ во вѣкъ родъ славный свой,
О Богъ! Ведущій насъ къ отрадѣ,
Ты наставляешъ Музъ собой;

Ты гласъ ихъ нѣжный устрояешъ,
И русые свои власы,
Въ потокахъ Ксанта (2) омываешъ,
Внемли меня въ сіи часы!

Внемли сердецъ и душъ забаву,
И мнѣ щедроты покажи;
Моей Латинской лиры славу
Въ вѣкахъ дальнѣйшихъ поддержи!

Фебъ! Фебъ меня воспламеняетъ!
Фебъ лиры строй хранитъ моей!
Піита титломъ украшаетъ,
И многимъ щастьемъ жизни сей!

Римлянки юны и Римляне,
Трояновъ сильныхъ храбрый родъ;
Цвѣтущи славою граждане,
Мужей великихъ въ свѣтѣ плодъ,

Богини вы щедроты зрите
Звѣрей разящей средь лѣсовъ;
Внемлите тщательно, внемлите
Согласію моихъ стиховъ!

Когда на лирахъ пѣть начнете
Латоны сына при струяхъ,
Или съ восторгомъ вознесете,
Діану въ громкихъ похвалахъ,

Ту, коя жатвы награждаетъ,
Намъ свѣтъ въ нощи даетъ собой,
Кругъ лунный быстро обращаетъ,
Приводитъ тихость и покой.

И какъ Гименъ въ своемъ уставѣ
Союзъ положитъ вѣрный вамъ,
Скажите: пѣли мы въ забавѣ
Стихи пріятные Богамъ.

Мы стройны гласы возвышали;
Ища потомственныхъ похвалъ;
И мѣру вѣрно сохраняли
Горацій кою предписалъ.

ОДА VI.

КЪ ТОРКВАТУ.

Бореи наглы удалились,
Протекъ зимы суровой хладъ,
Листками вѣтви древъ покрылись,
Весна явилась съ тьмой отрадъ.
Цвѣты средь зелени блистаютъ,
И полны рѣки протекаютъ
Подъемлясь выше береговъ;
Нагія Граціи прекрасны,
И Нимфъ хоръ нѣжныхъ велегласный
Поютъ красу долинъ, луговъ,

Являютъ то премѣны года,
Что нѣтъ безсмертья въ жизни намъ;
Весеннихъ тихихъ дней погода
Прогнавъ зиму, велитъ водамъ
Разсторгнувъ узы внизъ стремиться;
За нею лето появится,
По лѣтѣ осѣнь настаетъ. —
Пріятное проходитъ время,

Она жъ плодовъ принесши бремя
Зимѣ владѣнье отдаетъ.

Зима приноситъ хладъ съ собою,
Являя краткій, мрачный день;
За то сребристою луною
Ночную озаряетъ тѣнь.
А мы, какъ съ жизнью разлучимся,
Направимъ путь въ мѣста гдѣ скрылся
Богобоязливый Эней,
Гдѣ нынѣ Туллъ и Анкъ богатый,
Не возвратимъ своей утраты,
Простимся вѣчно съ свѣтомъ дней.

Увы! Никто того не знаетъ,
И можетъ се, послѣдній день! —
Тебя веселье днесь прельщаетъ;
А завтра будешъ прахъ и тѣнь.
Наслѣдникъ алчный появится,
Твое богатство разточится
Его роскошною рукой. —
И только жизни нить прервется,
Миносомъ тотъ часъ изрѣчется
Непремѣнимый жребій твой;

Ни святость жизни, ни геройство,
Ни краснорѣчіе, Торкватъ,
Ни кроткій нравъ, ни благородство,

Уже тебя не воскресятъ.
Тамъ будетъ тѣнь твоя сокрыта;
Сама Діана Гипполита (1)
Оттоль не можетъ свободить;
Ниже Тезей, герой вселенной,
Немогъ изъ пропасти подземной
Въ свѣтъ Пиритоя возвратить.

ОДА VII.

КЪ ЦЕНЗОРИНУ.

Когдабъ Паррасія искуствомъ,
Или Скопаса я владѣлъ,
И могъ Боговъ, героевъ славныхъ
Изъ мрамора образовать.

Иль кисти вѣрными чертами
И блескомъ красокъ дорогихъ
Потомству предавать ихъ виды,
Храня въ позднѣйши времена,

Тогдабъ друзьямъ я, въ знакъ усердья,
Драгія вазы подарилъ,
Иль древнія ваянья мѣди,
Или треноги пиршества. (1)

Сіе у Грековъ почиталось
Наградою великихъ дѣлъ;
А лучшіябъ тебѣ оставилъ
Блистательнѣйшій Цензоринъ!

Но знаешъ ты сіе конечно,
Что я лишенъ такихъ даровъ;
Къ томужъ, ты столько ихъ имѣешъ;
Что болѣе нельзя желать,

Ты чтишъ и любишъ стихотворство,
Тебѣ стихи я посвящу,
Владѣй ты пѣснями моими,
И цѣну имъ опредѣляй;

Тѣ надписи, мы кои видимъ
На памятникахъ громкихъ дѣлъ,
Что возвращая жизнь героямъ,
Безсмертіемъ вѣнчаютъ ихъ.

Побѣгъ ужасной Аннибала,
Неукоснительной возвратъ,
Разрушенная Карѳагена,
И въ узахъ Африканскій родъ

Не съ большей славою являться
Потомству будутъ въ поздный вѣкъ,
Какъ пѣсни стройны стихотворца
Въ Калабріи узрѣвша свѣтъ. (2)

Чѣмъ наградится добродѣтель,
Коль будутъ письмяна молчать?
Чѣмъ сталъ бы Марсовъ сынъ великій,
Создатель первый Римскихъ стѣнъ? —

Когдабъ нѣмая зависть смѣла
Молчанье положить словамъ,
И воспятилабъ дѣлъ сіянью
Достигнуть въ наши времена?

Любовь, искуство стихотворцовъ
И ихъ могущественный гласъ
Спасли правдиваго Эака,
Вмѣстя въ блаженныя страны.

Безсмертьемъ награждаютъ Музы
Любящихъ истину людей,
Даютъ жилище имъ небесно,
И тамъ щастливыми творятъ. —

Чрезъ нихъ герой неутомимый
Въ дѣлахъ великихъ Геркулесъ,
Небесную вкушаетъ пищу
И собесѣдуетъ Богамъ.

Чрезъ нихъ звѣзда сыновъ Тиндара
Отъ бурь спасаетъ корабли,
Лучи которой златозарны
Пловцамъ отраду подаютъ.

Чрезъ нихъ, зримъ гедерой вѣнчанна
Мы Бахуса среди забавъ,
Чрезъ нихъ онъ скуки отвращаетъ,
И всѣхъ желанія вершитъ.

ОДА VIII.

КЪ ЛОЛЛІЮ.

Времснъ дальнѣйшихъ строгость вида,
Піита гласъ не заглушитъ
Рожденна при струяхъ Ауфида,
Потомство память сохранитъ:

Стихомъ доселѣ неизвѣстнымъ
Онъ первой въ Римѣ возгремелъ,
Еллидскимъ гласомъ Музъ прелестнымъ
Боговъ и смертныхъ въ жизни пѣлъ.

Хотя Гомера знаменита
Пребудетъ Лира навсегда;
Но Муза Пиндара забыта
Небудетъ также никогда.

А съ нимъ Алцея, Стезихора,
И Симонида стройный гласъ,
Достойные Парнаска хора
Плѣнять собою будутъ насъ.

Еще Анакреонъ прельщаетъ
Забавами сердца людей,
И Сафы огнь еще пылаетъ,
Еще вздыхаетъ каждый съ ней.

Елена не одна плѣнилась
Очей блистающихъ красой,
Съ отечествомъ своимъ простилась,
Забывъ и славу и покой.

Не разъ Троянскіе предѣлы
Осадой были стѣснены. —
Тевсеръ не первой вѣрны стрѣлы
Умѣлъ мѣтать среди войны.

Одниль того достойны стали
Степенъ и съ нимъ Идоменей, (1)
Чтобъ Музы въ пѣсняхъ прославляли
Ихъ славны битвы въ жизни сей?

Дейфебъ и Гекторъ знамнеитый,
Одниль для отческой земли,
Для чадъ, супругъ своихъ защиты
Себя на жертву принесли?

Героевъ до Атрида зрѣли;
Но ихъ сіянья лучь утихъ. —
Они Піитовъ не имѣли;
Никто не вѣдаетъ о нихъ:

Коль гласъ Піитъ не прославляетъ,
Героя славу блескъ, честей;
Единъ онъ жребій получаетъ
Съ презрѣннымъ смертнымъ въ жизни сей.

Моихъ стиховъ О Лоллій! Сила
Пребудетъ дѣлъ твоихъ хвалой;
Не потерплю, чтобъ древность крыла
Твоихъ достоинствъ тмы собой.

Чтобъ время быстрыми крылами
Могло затмить геройской духъ,
Души сіянье съ красотами
Преславной множествомъ заслугъ.

Въ дѣлахъ разсудокъ просвѣщенный,
Любящій честность, правоту,
Противъ корысти ополченный,
Изрящій гордыхъ суету.

Не въ годъ одинъ ты сохраняешъ
О Лоллій! Консула степень;
Но честностью себя являешъ
Ея достойнымъ всякой день.

Всегда мечъ правды для защиты
Съ тобой, противъ ея враговъ
Имъ зришь ты путь себѣ открытый,
Промежъ толпящихся льстецовъ

Не тотъ блаженъ, кто обладаетъ
Богатствомъ многимъ въ жизни сей;
Но тотъ кто въ пользу обращаетъ
Дары Боговъ для всѣхъ людей.

Кто скудость преноситъ умѣетъ,
Кому страшнѣе, грѣхъ, чѣмъ смерть,
Кто за друзей, за ближнихъ смѣетъ
И за отечество умреть.

ОДА IX.

КЪ ЛИГУРИНУ.

Ты которой жизнь проводишъ
Въ юныхъ дняхъ еще своихъ,
И дарами превосходишъ
Афродиты (1) всѣхъ другихъ,
Не гордись своей красою,
Знай что темною брадою
Скоро щоки обрастутъ,
Нѣжны розы ей затмятся,
Вдругъ морщины появятся,
Цвѣтъ, пріятность пропадутъ.

Въ зеркалѣ когда увидишъ,
Премѣнившійся свой видъ,
Прежню мысль возненавидишъ,
Горесть духъ твой возмутитъ. —
Скажешъ: Ахъ! Почто иныя
Мысли въ дни имѣлъ младые? —

Забывалъ грядущій страхъ,
Что дни юны быстро мчатся,
И почто не возвратятся
Нѣжны розы на щекахъ?

ОДА X.

КЪ ФИЛЛИДѢ.

Ужъ бочка цѣлая готова
Девятилѣтняго вина;
Какъ ты блистаешъ красотою,
Такъ садъ мой множествомъ цвѣтовъ;
Они листочки распустили
И для вѣнковъ тебѣ готовы.

Сосуды сребряны блистаютъ,
Украшенъ зеленью олтарь. —
Тебя я только ожидаю,
Чтобъ агнца въ жертву принести. —
Мои всѣ слуги суетятся,
Готовя пиръ великолѣпной.

Подъемляся великій пламень
Вихрями гонитъ мрачный дымъ;
Но должно мнѣ сказать къ какому

Тебя зову я торжеству: —
Мы день почтимъ, кой раздѣляетъ
Венеринъ мѣсяцъ на двѣ части. (1)

Се день, поистиннѣ блаженный,
Достойнный множества торжествъ,
Его я больше почитаю,
Чѣмъ день рожденья моего. —
Се день, съ котораго любезный
Меценатъ дни свои щитаетъ.

ОДА XI.

КЪ ВИРГИЛІЮ.

Уже дыханіе Зефира
Колеблетъ тихо древеса;
Зоветъ весну къ отрадѣ міра.
И надмеваетъ паруса.

Изчезли бури, льды и снѣги,
Умолкъ межъ дебрей шумъ вѣтровъ,
Смирилисъ рѣкъ шумящи бѣги,
Не слышенъ стонъ морскихъ валовъ.

Итиса смерть воспоминая,
Цекропса лютость, вѣчный стыдъ;
Ужъ плавно воздухъ разсѣкая
Прогнея вить гнѣздо спѣшитъ.

Въ лугахъ зеленыхъ и душистыхъ,
Веселы сонмы пастуховъ,
На ихъ свирѣляхъ голосистыхъ
Поютъ красу драгихъ часовъ.

Поютъ, и Эхо повторяетъ
Различныхъ радостей соборъ. —
Богъ нѣжны пѣсни ихъ внимаетъ
Любящій тѣнь Аркадскихъ горъ.

Ты зришъ Виргилій мой любезный,
Труды что время отложитъ;
И даръ тотъ Бахуса полезный
Въ пріятной роскоши вкуситъ.

О ты! лелѣемой судьбами
Любимецъ знатныхъ всѣхъ людей!
Когда вино пить хочешъ съ нами? —
Благоуханныхъ дай мастей.

На мѣсто кубковъ тѣхъ сіянья,
Хранитъ Суплицій, что скупой;
Послужитъ намъ для наливанья
Нардискій Ониксъ небольшой, (2)

Вино мое родитъ утѣхи,
Заботы гонитъ, скорьбь души. —
Коль хочешъ радость зрѣть и смѣхи? —
На семъ условьѣ къ намъ спѣщи.

Спѣши, еще я повторяю,
И не забудь принесть мастей,
Знай даромъ я не угощаю,
Какъ водится у богачей.

Оставь высокія науки,
Труды забвенію предай:
А жить на свѣтѣ, чтобъ безъ скуки
Забавы съ мудростью мѣшай.

Хотя ученіе любезно
И сильно сердце усладить;
Но такъ же въ жизни намъ полезно
Себя на время позабыть.

ОДА XII.

КЪ ЛИЦЕѢ.

Слухъ къ моленіямъ имѣя,
Вняли Боги голосъ мой. —
Ты состарѣлась Лицея,
И казаться мнишь младой,

Ты къ играмъ еще стремишся,
Веселяся въ пиршествахъ,
Ты резвиться не стыдишся,
Забывая о лѣтахъ.

Но любовь такая птица,
Истинны сіи слова,
Никогда что не садится
На увялыя древа.

Твои выпадшіе зубы,
Сѣдины, померклый взглядъ;
Ей наносятъ страхъ сугубый,
И далеко прочь стремятъ.

Ни алмазовъ блескъ и сила
Лѣтъ твоихъ не скроютъ тѣхъ,
Кои лѣтопись вмѣстила
Въ книгѣ памяти для всѣхъ.

Что Лицея, что ты стала? —
Гдѣ румянецъ дѣлся твой?

Та Лицея, что блистала
Предо всѣми красотой, —

Та Лицея премѣнилась! —
Гдѣ пріятныя черты? —
Гдѣ улыбка, нѣжность скрылась?
О судьба! Что строишъ ты?

Послѣ милыя Цинары,
Что сердца плѣняла всѣхъ;
Та жестоки зритъ удары,
Зритъ конецъ своихъ утѣхъ.

Въ юности безъ обороны
Рокъ Цинары дни сразилъ;
Онъ же старостью вороны
Здѣсь Лицею наградилъ.

Младости на посмѣянье
Ей оставилъ свѣтъ въ очахъ,
Коя видя все терзанье,
Зритъ почти изтлѣвшій прахъ.

ОДА XIII.

КЪ АВГУСТУ,

Прославляетъ побѣду Тиверія.

Какимъ Витійства напряженьемъ? —
Какою новой похвалой?
Какимъ въ возсторгѣ звучнымъ пѣньемъ,
Тебя народъ прославитъ твой?
Какъ въ памятникахъ вознесенныхъ,
Какъ въ книгахъ истинны священныхъ
Дѣла твои провозгласятъ?
Какъ почесть воздадутъ пристойно? —
Чѣмъ могутъ вознести достойно
Тебя Римляне и Сенатъ?

Хотя отъ вѣка устремляло
Свой солнце блескъ въ златыхъ лучахъ,
Тебѣ подобна не встрѣчало
Монархъ! Великаго въ дѣлахъ.
Крѣпя дни щастія гражданамъ,
Явилъ ты Венделиціянамъ
Оружья силу и покой. —
Не разъ побѣды совершая,
Твоею ратью управляя
Прославилъ Друзъ себя войной.

Уже низверглись имъ Гелоны,
И Бренты (1) кажутъ кроткій взоръ;
Познали имъ твои законы
Верьхи Альпійскихъ страшныхъ горъ.

Се подъ твоимъ знаменованьемъ,
Исполнясь храбрости пыланьемъ
Даетъ кровавый бой Неронъ;
Превыше зависти, навѣтовъ;
Разитъ полки ужасныхъ Ретовъ (2)
И торжествуетъ въ славѣ онъ.

О сколь великъ онъ всѣмъ явился
Среди смутившихся полковъ!
Сколь храбро съ воинствомъ стремился;
Презрѣвъ усилія враговъ!
Какъ Аквилонъ, когда Плеяды
Простругъ изъ облакъ бѣдны взгляды,
Тѣснитъ собой валы морей;
Развернувъ бездны, взводитъ горы,
Мрачитъ трепещущіе взоры;
И ужасъ шлетъ природѣ всей! —

Или какъ Давновы предѣлы
Страшитъ разлитьемъ водъ Ауфидъ;
Шумитъ, влечетъ плоды созрѣлы,
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ!
Такъ сей герой неутомимый,
Подобно Марсу въ битвѣ зримый,
Желѣзныхъ войскъ летя въ среды,
Предвозвѣщая гибель страхомъ,
Разилъ руки единымъ махомъ
Сомкнуты многіе ряды!

Разилъ, и вражьи свергъ навѣты,
Щадя ущербъ своихъ полковъ. —
Но онъ имѣлъ твои совѣты,

Твоихъ героевъ и Боговъ. —
Три пятилѣтія свершились,
Когда тобою возмутились
Александріяне (3) въ день сей
Когда и пристань, и ограду
Составили побѣдъ въ награду,
Бѣжа меча руки твоей.

Еще разъ щастье пожелало
Прославить день великій тотъ,
И новымъ лавромъ увѣнчало
Твоихъ величіе добротъ.
Не укротимые Кантабры,
Парѳяне, Скиѳы и Сикамбры
Уже тебя боготворятъ! —
Индійцы, Африканцы, Церы
Безсмертныхъ видя дѣлъ примѣры,
Въ тебѣ Римляней Бога зрятъ!

Начало кроющій рожденья,
Обильемъ славящійся Нилъ; (4)
Побѣды зря, средь удивленья
Тебѣ колѣно преклонилъ.
Дунай и Тигръ быстротекущій,
Окрестъ Британіи ревущій
Неизмѣримый Океянъ,
Иберы, Галлы, Гетты дики
Твои чтя подвиги велики,
Въ тебѣ своихъ зрятъ Бога странъ.

ОДА XIV.

КЪ АВГУСТУ.

Коль благополученъ Римъ подъ его владѣніемъ.

Я пѣть хотѣлъ падущи стѣны,
Оружья блескъ среди огня;
Но Фебъ представъ разгоряченный,
Ударилъ лирою меня.

Героевъ пѣть, тебѣ ли въ спорѣ:
Онъ рѣкъ вогнѣвѣ мнѣ своемъ. —
Какъ смѣешъ ты пускаться въ море
На маломъ челнокѣ твоемъ?

Когда господствуетъ надъ нами,
Побѣдъ являя Кесарь громъ;
Поля красуются цвѣтами,
Покрыты нивы зримъ плодомъ.

Уже возвращены знамена,
Боговъ въ отечественный градъ.
О коль щастливая премѣна! —
Парѳянски храмы ихъ не зрятъ.

Миръ Януса врата къ покою
Рукой побѣды затворилъ;
Астрею возвратилъ собою,
И доблесть въ насъ возстановилъ.

Она величье составляла
Гоня коварство и порокъ,
И власть Римлянъ распространяла
Отъ странъ западныхъ на востокъ.

Доколь власть Кесаря продлится;
Междуусобіе, вражда,
Въ странахъ его невозродится,
Не узримъ зависти вреда.

И месть ужасною рукою
Кующая мечи въ градахъ,
Неможетъ насъ страшить собою
Покой и миръ во всѣхъ мѣстахъ.

Живущи на брегахъ Дуная,
И тѣ поитъ которыхъ Донъ,
Парояне, Гетты, Церы зная
Почтутъ во вѣкъ его законъ.

А мы, во дни торжествъ и славы,
И въ каждый день средь благъ такихъ;
Храня старинны предковъ нравы,
Да воспоемъ Боговъ своихъ.

Съ женами, съ чадами, съ друзьями,
Къ свирѣлямъ при общая гласъ,
Героевъ вознесемъ хвалами
Блиставшихъ славою средь насъ.

Воспѣвъ великіе ихъ бои
Анхиза сына вспомянемъ;
Вездѣ мѣшая имя Трои,
Мы дни въ блаженствѣ проведемъ.

Конецъ четвертой книги.

ЭПОДЫ

ГОРАЦІЯ

КНИГА ПЯТАЯ.

ЭПОДЫ ГОРАЦІЯ

КНИГА ПЯТАЯ.

ЭПОДА I.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Горацій хочетъ послѣдовать занимъ на войну противъ Антонія.

И такъ, Ливурну (1) воружая
Идешъ любезный Меценатъ!
Идешъ бѣды предупреждая,
Которы Кесарю грозятъ,
Идешъ сражатся съ кораблями,
Что башни кажутъ надъ кормами.

Что будетъ безъ тебя со мною?
Смягчится горесть чѣмъ моя?
Какъ мнѣ предаться здѣсь покою,
Когда тебя лишаюсь я?
Какъ снесть разлуки часъ ужасный? —
Пущусь съ тобой въ моря опасны!

Но станетъ ли довольно силы
Пренесть толикіе труды?...
Съ тобой онѣ мнѣ будутъ милы;
Нестрашны бури, ни бѣды,
Ни Океянъ, ни Альпъ вершины;
Ниже Кавказкія стремнины.

А тамъ какое вспоможенье
Дастъ спутникъ слабый каковъ я?
Нѣтъ. — Тамъ избавлюсь я смущенья;
Спокойнѣй будетъ грудь моя
Всякъ смертный болѣе страдаетъ,
Когда незря опасность, знаетъ.

Птенцовъ своихъ хранить радѣя
Крылами кроетъ птица ихъ,
Страшится приближенья змѣя;
Но возмущенія о нихъ
Ни съ чѣмъ не могутъ быть сравненны,
Отъ ней птенцы коль удаленны.

Тогда спокойствія незнаетъ,
Не въ силахъ грусть она снести;
Но можетъ ли, сколь ни страдаетъ,
Своимъ присудствомъ ихъ спасти?
Хотя не можетъ, къ нимъ стремится,
Когда близка опасность зрится.

Такъ буду я питать заботы,
Твое спасеніе любя;

Да вящи обращу щедроты,
И большу благость на себя. —
Но Ахъ! Желаній совершенство,
Умножитъ ли мое блаженство?

Нѣтъ. — Плугъ прибавленъ ниединый
Небудетъ для моихъ полей;
Стада въ Луканскія (2) долины,
До наступленья знойныхъ дней
Не буду гнать, спѣша за ранѣ,
Не узрятъ ихъ при Тускуланѣ. (3)

Не только я богатъ довольно,
Излишнѣ награжденъ тобой. —
И дожноль въ жизни своевольно
Сбирать богатства какъ скупой? —
Иль роскошію бывъ прельщенну,
Ихъ расточать какъ развращенну?

ЭПОДА II.

Похвала Сельской жизни.

Блаженъ суетъ кто удаляясь,
Живетъ въ наслѣдіи отцовъ;
За щастьемъ ложнымъ негоняясь
Покой вкушаетъ средь трудовъ.

Не слышитъ трубнаго взыванья,
Мятуща воина покой;
Морей не видитъ волнованья
Пловца страшащаго собой.

За тяжбами онъ нестремится,
Являясь съ просьбами въ судахъ,
И пресмыкающимъ не зрится
Вельможей гордыхъ при вратахъ.

Но въ мирѣ дни ведя щастливы,
Въ трудахъ находитъ тьмы отрадъ. —
Наслѣдны угобжаетъ нивы,
Иль насаждаетъ виноградъ.

Или сухія обсѣкаетъ
Древесъ онъ вѣтви иногда,
Или въ долинахъ созерцаетъ,
Пасущись тучныя стада. —

Или наливъ сосуды полны
Хранитъ отъ пчелъ избранный медъ,
Иль облегчая въ зной отъ волны
Собравъ овецъ своихъ, стрижетъ.

Когдажъ украшенна плодами
Явится осень средь полей,
Какъ онъ любуется трудами,
Награду видя ихъ отъ ней.

Спокойствіемъ питая душу,
Прельщаетъ сердце, разумъ свой. —
О Сколь! Сорвать пріятно грушу
Воздѣлану своей рукой!

Иль винограда кисти зрѣлы
Отъ гибкихъ отдѣля кустовъ,
Хранящихъ мирные предѣлы
Почтить сей жертвою боговъ.

Не рѣдко онъ въ тѣни древесной
На мягкихъ возлежитъ лугахъ,
Шумитъ источникъ гдѣ прелестной
Віясь въ излучистыхъ брегахъ.

Тамъ свисты птичекъ голосистыхъ
Въ прохладныхъ рощахъ внемлетъ онъ,
Потоковъ тамъ журчанье чистыхъ
Ему наводитъ сладкій сонъ.

Когда жъ покроется снѣгами
Земля въ унылости своей,
Тогда сопровождаемъ псами
Спѣшитъ въ лѣса искать звѣрей.

Иль сѣти скрыты разставляя,
Онъ птицъ и зайцовъ тенетитъ,
Успѣхомъ хитрость награждая,
Корысть въ своихъ забавахъ зритъ.

Среди такова упражненья,
Возможно ли когда скучать?
И можноль горды попеченья
На вѣкъ забвенью не предать?

Но естли щастье раздѣляетъ
Любезная жена въ дому,
Дѣтьми, хозяйствомъ управляетъ
Помощницею бывъ ему,

Женамъ Апулляней подобна,
Или Сабинкамъ прежнимъ симъ,
Заботлива, при томъ незлобна,
Къ трудамъ привыкша полевымъ.

Которабъ житницы смотрѣла,
И собирая волну, ленъ,
Стыда бы въ томъ себѣ не зрѣла,
Что огнь рукой ея возженъ.

Домовубъ снѣдь приготовляла,
Въ обилье собственныхъ потребъ,
Винобъ въ сосудахъ поставляла,
Млеко, плоды и свѣжій хлѣбъ.

Кто могъ бы въ сихъ судьбахъ щастливыхъ,
Еще толико заблуждать,
Чтобъ яствъ заморскихъ прихотливыхъ,
Къ отрадѣ чувствъ своихъ желать?

Ни Іонически фазаны,
Ни Африкански каплуны,
Ни вина Греческіе пряны,
Ни сласти Перскія страны,

Не столь пріятны какъ оливы
Родящіясь въ его садахъ,
Созрѣлыя простыя сливы,
Иль собранный щавель въ лугахъ.

Или ягненокъ упитанный,
Или младой козленокъ сей,
Что въ праздникъ Терминовъ закланный, (1)
Избѣгшій лютости звѣрей.

Сколь мило видитъ сонмъ прислуги
Внимать ихъ пѣсни и хвалы

Какъ опрокинутые плуги
Влекутъ въ вечерній часъ волы.

Въ ограду стадо какъ тѣснится
Снѣша съ пріятнѣйшихъ луговъ. —
Что можетъ въ свѣтѣ съ симъ сравниться,
Что есть полезнѣй сихъ трудовъ?

Уже словамъ моимъ внимая,
Сребролюбивый самъ Алфей,
Богатства блескъ пренебрегая
Свой духъ прельщаетъ жизнью сей.

Ужъ деньги всѣ свои щитаетъ,
Корысти онъ не хочетъ знать. —
Но вдругъ раздумавъ, собираетъ
И ищетъ паки въ ростъ отдать.

ЭПОДА III.

Противъ чесноку.

Когдабъ природы извергъ страшный
Сынъ, толь неблагодаренъ былъ,
Чтобъ презирая грѣхъ ужасный
Отца за деньги удавилъ;

Безбожна дѣйствія въ награду
Явить, чтобъ муку и тоску,
Пусть не даютъ лютѣйша яду;
Но пусть наѣстся чесноку.

О Вы! Пришедшіе трудиться
Жнецы съ железомъ на поля! —
Какая боль во мнѣ таится,
Всю внутренность мою паля?

Змѣиналь ядовитость сока
Смѣшалась въ яствахъ вашихъ сихъ? —
И не Канидіяль жестока (1)
Сама приготовляла ихъ.

Когда плѣнилася Медея
Язономъ Греческимъ пловцомъ,

Тогда въ бѣдахъ его жалѣя
Всего натерла чеснокомъ,

Волы, что пламенемъ дышали,
Не могши ядъ стерпѣть такой,
Содрогнулись, и побѣжали,
Побѣду одержалъ герой.

И тѣмъ же ядомъ напитала
Дары соперницы своей,
Когда драконовъ запрягала,
Чтобъ улетѣть потомъ отъ ней,

Аппульскій зной и ядъ Колхиды
Себя съ сей мукой не сравнитъ,
Ни жаръ палящія хламиды,
Погибъ великій чемъ Алкидъ.

ЭПОДА II.

Противъ Менаса, отпущенника великаго Помпея.

Природа злобу поселила
Волкамъ, навѣкъ противъ овѣцъ,
И мнѣ подобну въ коренила
Противъ душъ низскихъ и сердецъ.

О ты! рожденной для презрѣнья
Рабъ гнусный! — Коего спина,
Въ позоръ злодѣйства и хищенья
Сто кратъ плетьми изпещрена.

Не кроютъ то богатства многи,
О Извергъ Римскія страны!
Взгляни, твои сколь тяжко ноги
Оковами измозжены.

Хоть ты гордишся средь свободы
Хоть ищешъ всѣмъ свой блескъ явить;
Не знай, что щастіе природы
Не сильно въ вѣкъ перемѣнить.

Когда ты пользуясь гуляньемъ,
Богатый кажешъ свой уборъ,
Примѣтилъ ли съ негодованьемъ
Какъ всякой отвращаетъ взоръ? —

Или съ какимъ тогда презрѣньемъ,
Вражды къ тебѣ не кроя духъ,

Съ прискорьбіемъ и съ сожаленьемъ
Гласятъ прохожіе всѣ въ слухъ:

Онъ сѣченъ столько, всякой знаетъ,
Что ужь наскучилъ тѣмъ людямъ,
Которыхъ должность заставляетъ
Кричать о томъ по всѣмъ мѣстамъ.

Теперь въ Фалернѣ онъ владѣетъ,
Обширной, лучшею землей,
Въ избыткахъ многихъ не скудѣетъ,
Блистаетъ пышностью своей.

Теперь сталъ Римскимъ Кавалеромъ,
Съ Вельможами въ Ѳеатрѣ онъ
Сидитъ, и злымъ такимъ примѣромъ
Мрачитъ законъ, что далъ Оттонъ. (1)

Противъ злодѣевъ съ изждивеньемъ
Начто суда вооружать? —
Когда морскимъ симъ ополченьемъ
Разбойникъ будетъ управлять.

ЭПОДА V.

Противъ чародѣйки Канидіи. (1)

„Скажи Канидія, для имяни Боговъ,
„Что значитъ сей твой взглядъ смущенный и суровъ?
„А ты, владѣлали любовь тобой незнаю;
„Но чадами тебя твоими заклинаю,
„Симъ Пурпуромъ (2) что мнѣ напрасно возложенъ,
„Юпитеромъ, кой гнать злодѣйства устремленъ,
„И коего сама ты гнѣвъ правдивый знаешъ,
„Почто наставнику подобно ты взираешъ,
„Что въ школѣ нѣкогда прогнѣвалъ я собой,
„Иль такъ глядишъ какъ звѣрь уязвленной стрѣлой?
Едва младенецъ рекъ, терзаемый тоскою
Слова сіи, какъ въ мигъ ужасною рукою
Одежды онъ свои разтерзанными зритъ. —
Фракіянабъ смягчилъ ево невинной видъ.
Тогда Канидія съ висящими власами,
И совплетенными промежду косъ змѣями,
Волшебный взводитъ огнь, готовитъ весь составъ,
Жжетъ множество она ужасныхъ дѣйствомъ травъ,
И кипарисныя сучки съ могилъ ссѣченны
И кровью ящирицъ трикратно омоченны

Рябыя яицы, пухъ съ перьями совы,
Прибавя къ нимъ еще волшебной той травы,
Что зрятъ въ Иберіи, въ Іолкосѣ, (3) въ Колхидѣ
Потомъ въ смущеніи и полномъ страха видѣ
Кидаетъ кость въ огонь, дождавъ къ тому часа,
Изъ зева вырванну у бѣшенаго пса.
Межъ тѣмъ волшебница подобна ей другая,
Ея всѣ дѣйствія прилежно примѣчая,
Въ одеждѣ высоко подобранной своей,
Съ власами жесткими какъ иглы у ежей,
Иль вепря дикаго стоящія щетины
Когда охотникомъ онъ выгнанъ на долины.
По всюду окропя водою адской домъ,
Та Веія, смущена что быть неможетъ зломъ,
Подъ бремянемъ трудовъ въ усиліи стонаетъ,
И землю тяжкою мотыкою копаетъ,
На что течетъ съ нее ручьемъ кровавый потъ?
На то, что какъ пловецъ пускаясь въ бездну водъ
По челюсть въ ней сокрытъ является волною,
Чтобъ такъ же; но съ тоской и мукою презлою
Младенца бѣднаго въ землѣ скорѣй зарыть,
И голодомъ его безбожно уморить:

Вкуснѣйшей пищи видъ въ дали ему являя,
До тѣхъ поръ, какъ совсемъ ужъ жизнь его кончая
Гнѣвъ сердце изсушитъ и мозгъ его въ крови,
И будетъ то служить приманкою любви.
Вѣщали и о томъ всѣ знаютъ суевѣры;
Хоть превосходитъ то людей понятья мѣры,
Въ Неаполѣ одномъ не видятъ въ томъ труда (4)
Что въ ночь единую изъ дальнихъ мѣстъ туда
Явилась Фолія, летя подъ облаками. —
Та Фолія, что всѣхъ страшитъ всегда чарами,
Что множество вездѣ надѣлала чудесъ,
Что звѣзды и луну умѣетъ снять съ небесъ.
Тогда Канидія оскаля черны зубы,
Съ грызеніемъ ногтей, свои кусая губы
Вдругъ стала говорить. — Что говоритъ она?
Коликимъ ужасомъ вся рѣчь ея полна?....
О вы! Что зрите всѣ теперь мои желанья,
Богини! Коихъ власть являясь средь молмолчанья,
При тайныхъ торжествахъ страшитъ собъ насъ,
Діана, (5) Парки, Нощь, внемлите вы мой гласъ!
Да внидетъ ваша месть лишающа покою,

Въ домъ лютаго врага, гордящагось надъ
мною.
Межъ тѣмъ какъ звѣри всѣ въ лѣсахъ вку-
шаютъ сонъ,
Какъ слышенъ лишъ въ горахъ печальныхъ
тѣней стонъ,
Какъ только псы одни, всшревоженны слу-
чаемъ.
Бродягу стараго сопровождаютъ лаемъ;
Содѣлайте, чтобъ ядъ успѣхъ свой воз-
имѣлъ,
Ему подобнаго никто еще не зрѣлъ....
Что вижу я, въ моемъ страданье сожалѣя?
Почто онъ не таковъ, какъ тотъ, какимъ
Медея
Соперницѣ своей являя мѣсть и страхъ
Ея одеждою преобратила въ прахъ?
Межъ тѣмъ, мнѣ кажется я все употре-
била,
Ни корня одного, ни зелья незабыла;
Но онъ спокойно спитъ, и презираетъ ядъ!
Сильнѣйши можетъ быть чары его хранятъ!
О Варусъ! Сколько слезъ прольешъ ты средь
напасти?
Ты новой хитростью въ моей пребудешъ
власти.
Никто ея, никто свирѣпства не смягчитъ,
Никто спокойствія тебѣ не возвратитъ.
Пребудетъ гордость та въ тебѣ поработ-
щенна;

Падетъ съ небесъ луна, разрушится вселенна,
Иль будешъ ты пылать любовію ко мнѣ,
Какъ быліе сіе, горящее въ огнѣ.
Тогда младенецъ ихъ не тщась тронуть мольбами;
Но силясь изъяснить отчаянье словами,
И покоряяся мученіямъ презлымъ,
Подобно какъ Тіестъ, (6) стремитъ укоры къ нимъ:
„Какіебъ хитрости, вы не открыли новы,
„Не сохранятъ онѣ отъ мукъ, что вамъ готовы.
„Я адскимъ Фуріямъ теперь васъ предаю,
„Исполнятъ небеса сію мольбу мою.
„Отъ мѣсти жертвой вы себя не защите,
„Когда безжалостно мой вѣкъ вы прекратите,
„Я буду приходить васъ въ снѣ нощномъ смущать,
„Я буду лица вамъ ногтями раздирать,
„Какъ тѣнь ужасная, страшатся коей люди
„Возсѣдши ночью я на дышущія груди,
„Смертельнымъ ужасомъ нарушу сладкій сонъ.
„Народъ познавши страхъ вашъ томный вопль и стонъ,
„Каменьемъ будетъ гнать, въ васъ гнусныхъ зря злодѣекъ,
„И наконецъ убьетъ, какъ лютыхъ чародѣекъ;

*

„А вороны, потомъ съ волками, что васъ ждутъ,
„Кровавы члены всѣ на части разорвутъ,
„И кости по горѣ разсѣютъ Есквилинѣ: (7)
„Да родъ мой видя васъ въ ужасной сей судьбинѣ,
„Печаль свою о мнѣ, хоть мало умягчитъ,
„И симъ позорищемъ духъ скорбный услаідитъ.

ЭПОДА VI.

Противъ Кассія Севера, злословнаго Оратора.

О боязливый песъ! Страшащійся волковъ!
Почто невинности ты кажешъ ядъ зубовъ?
Почто, почто ты не дерзаешъ
Ко мнѣ угрозы обращать
Почто ты только тѣхъ кусаешъ,
Которы за себя не въ силахъ отомщать?

Какъ зримъ мы иногда Лаконскихъ сильныхъ псовъ,
Которыхъ храбрость столь нужна для пастуховъ;
Такъ я, въ горячности подобно,
Коль встрѣчу звѣря на лугахъ,
Гоню его съ отвагой злобно
Чрезъ горы и поля, невѣдая что страхъ,

А ты, наполнивъ лѣсъ весь лаяньемъ какъ трусъ,
Кидаешся всегда на первой яствы кусъ,
Которой гласъ лишъ твой увидитъ.
Брегись. Я страшенъ для врага!
Мой духъ всѣхъ злобныхъ ненавидитъ,
И всякаго готовъ я взбросить на рога.

Подобно поступалъ давно Ликамбовъ зять, (1)
И врагъ Бупалуса (2) такъ злыхъ умѣлъ карать
Недумай мыслью сей прельщаясь,
Когда меня укуситъ кто,
Что буду плакать я терзаясь,
И мщенья не явлю я скораго затс.

ЭПОДА VII.

КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Отвращаетъ ихъ отъ междоусобной брани.

Какими новыми страстями
Вашъ духъ еще готовъ пылать?
По что ужасными мечами
Еще себя вооружать?

Довольно Римлянъ кровь лилася,
Кипя на сушѣ и моряхъ,
Довольно злоба вознеслася;
Довольный смерть явила страхъ.

Не противъ гордой Карѳагены
Я мечь вашъ вижу изощренъ,
Ни твердыя низринуть стѣны
Британцовъ звѣрскихъ устремленъ.

Ни собственну хранить границу,
Но Римскихъ поражать гражданъ,
И свѣта погубить столицу
Желанью слѣдуя Парѳянъ.

Пролить кровавые здѣсь токи
Въ свирѣпости стремитесь вы!

Не могутъ столько быть жестоки,
Ни волки, ниже страшны львы.

Хоть лютость имъ дала природа,
Хоть злобою всегда кипятъ;
Но лишъ къ звѣрямъ другаго рода
Они ту не навистъ стремятъ.

Слѣпоель бѣшенство вы зрите?
Грѣхиль, бѣды ли васъ влекутъ?
Отвѣтствуйте, но вы молчите,
Сердца всѣ ужасы мятутъ!

Грозитъ не правда зломъ обильна,
И отверзаетъ бездну, ковъ!...
Ахъ! Зрю, то Рема кровь невинна (1)
Влечетъ отмщеніе Боговъ.

ЭПОДА VIII.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Прославляетъ побѣду Актіцискую.

Когда придетъ тотъ день великій,
Когда любезный Меценатъ,
Когда торжественные клики
Побѣду Августа явятъ?

Когда при радоснѣйшемъ громѣ,
Восторги будемъ мы дѣлить?
Когда въ твоемъ прекрасномъ домѣ
Вино драгое будемъ пить?

Зевесъ оставитъ горни Міры,
Чтобъ веселиться между насъ.
Свирѣли будутъ тамъ и Лиры,
И Музъ сладчайшій съ ними гласъ.

Различнымъ звукомъ тамъ согласно
Предметъ единый воспоемъ,
Мы узримъ торжество прекрасно,
Повсюду радость изліемъ.

Сей будетъ день тому подобенъ
Когда Нептуна мнимый сынъ (2)

Бѣжалъ, Фортуной бывъ озлобленъ,
Премѣны зря своихъ судьбинъ.

Какъ на повсюду обгореломъ
Онъ кораблѣ возмогъ уплыть,
Стремяся прежде въ буйствѣ смѣломъ
Оковы Риму возложить,

Оковы подлы и презрѣнны,
Оковы снятыя съ рабовъ!
Какъ родъ повѣритъ отдаленный,
Такихъ внимая ужасъ словъ:

Что воинъ Римской согласился
Чужой жены принять законъ (3)
Подъ власть Евнуховъ преклонился,
И ополчился съ ними онъ!

О полна ужаса премѣна!
Блистающій въ златыхъ лучахъ
Фебъ Римскіе узрѣлъ знамена,
И съ ними Египтянки Флагъ!

То видя Галлы устыдились,
Позоръ ихъ столько тронулъ сей,
Что къ Кесарю тогдажъ склонились
Въ бою двѣ тысящи мужей.

Враги презрѣнія не крыли,
Толикой ужасъ неснесли;

Но въ пристань нашу поспѣшили
Съ ихъ войскомъ многи корабли.

Торжественныя колесницы
Почто ты медлишъ блескъ явить,
И Бога сильныя десницы
Покровъ, въ усердіи почтить?

Не зрѣлся съ славой ты такою,
Какъ побѣжденъ былъ воинъ сей.
Которой сильною рукою
Нумидскихъ низлагалъ царей. (4)

Ни какъ представилъ побѣжденна
Героя славнаго сего,
Разрушенная Карѳагена
Что памятникъ на вѣкъ его (5)

Уже на сушѣ и на морѣ
Враги извѣдали мечь твой,
Уже свое являя горѣ,
Некроетъ пурпуръ ихъ собой.

Печальны ризы замѣняютъ
Одежды свѣтлыя врагамъ,
Уже они себя ввѣряютъ
Возставшимъ противъ нихъ вѣтрамъ.

Или въ смятеніяхъ открытыхъ,
Спасенья въ дальнихъ ждутъ странахъ,

Или бореями въ изрытыхъ
Они скитаются пескахъ,

Или вдаваясь въ яры волны,
Имъ лютость бурей нестрашна!
Подайте намъ сосуды полны
Лезбійска лучшаго вина.

А мнѣ бъ Цекубу подносили,
Прохладу оной я люблю;
Въ ней попеченія, что были
О Кесарѣ, я утоплю.

ЭПОДА IX.

Противъ Мевія.

Гдѣ Мевій помѣщенъ презрѣнный
Корабль печальный въ даль поплылъ.
О вѣтръ ужасный! Вѣтръ полденный
Тебѣ его я поручилъ,

Да ты кипящими волнами
Разрушишъ всѣ его бока,
Да весла, верьви съ парусами
Разсѣетъ Эруса рука.

Своей да явитъ ужасъ мочи
Борей бунтующій въ водахъ,
Борей мрачащій мглою очи
Во время бурей на горахъ.

Во тьмѣ которую являетъ
При захожденье Оріонъ,
Да не едина не взблистаетъ
Звѣзда съ желаемыхъ сторонъ.

Да посреди пучины стона
Узритъ онъ ужасъ тѣхъ валовъ,
Когда съ паденьемъ Илліона
Познали Греки гнѣвъ Боговъ.

Когда за то Паллада мстила
Аяксу казнь явя съ высотъ,

И всѣ свирѣпство устремила,
На святотатственный сей флотъ. (1)

Услыша бурей свисты дики,
Пловцы какъ будутъ унывать?
Какіе недостойны крики
Ты будешъ къ небу возсылать?

Когда увидишъ всѣ напасти,
Когда перунъ, громъ, вѣтровъ вой,
Сломивъ всѣ мачты, и начасти
Корабль совсемъ разрушатъ твой.

Когда твой жирной трупъ лежащій,
И на песку простертый ницъ,
Волною выброшенъ шумящей
Морскихъ пребудетъ пищей птицъ,

Тогда я чернаго барана
Тебѣ дамъ въ жертву Аквилонъ,
Или козла упряма, рьяна
И столь же гнуснаго какъ онъ.

ЭПОДА X.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Возбуждаетъ ихъ къ забавамъ.

Ужъ время скучно возвратилось,
День мраченъ, нѣтъ въ лугахъ отрадъ;
А небо будто превратилось
Въ дожди, туманы, снѣгъ и градъ.

Моря, лѣса и всѣ предметы,
Смущаютъ шумомъ бурей слухъ,
Но мы, доколь позволятъ лѣты,
Питать весельемъ будемъ духъ.

Возмемъ широкой кубокъ въ руку,
Наполнемъ мы его виномъ,
И мрачную прогонимъ скуку
Съ ея наморщеннымъ челомъ.

Торквата съ времяни храненна,
Исверстнаго моимъ лѣтамъ
Вина подайте драгоцѣнна,
Оно теперь полезно намъ.

Мы веселяся межъ собою,
Своихъ умножимъ крѣпость силъ,
Таковъ совѣтъ Кентавръ герою, (1)
Питомцу славному открылъ.

„О смертный! ты побѣды многи
„Свершишъ великіе свои,
„Тебя Троянски ждутъ чертоги,
„Скамандра быстрыя струи.

„Но тамъ твой жребій совершится.
„Се власть и Парки, и судьбинъ,
„Уже назадъ не возвратится
„Отколь Фетиды храбрый сынъ.

„Хоть мать твоя о томъ страдаетъ,
„Хоть твой печальный жребій зритъ,
„Хотя морями обладаетъ,
„Тебя къ себѣ не возвратитъ.

„Но помни ты мои науки.
„Въ тоскѣ отнюдь не утопай
„Гони виномъ печаль и скуки,
„Съ друзьями пой, гуляй, играй.

ЭПОДА XI.

Должно оставить Римъ всегда терзаемый междо-усобіями.

Уже междоусобны брани
Средь насъ, въ другой простерлись вѣкъ;
Уже отъ собственныя силы
Падетъ не побѣдимый Римъ
Римъ, кой не опровергли Марсы, (1)
Ни войска страшныя Порсены, (2)
Ни въ звѣрствѣ яростный Спартакъ,
Ни полна роскоши Капуя, (3)
Ниже мятежны Аллоброги, (4)
Не терпятъ кои перемѣны.

Римъ, коего Германцовъ силы
Не возмогли смирить во вѣкъ;
Ни сей страшившій нашихъ предковъ
Въ войнѣ ужасный Аннибалъ. —
Отъ рода мщенія достойна,
Отъ рукъ злодѣйскихъ, нечестивыхъ
Погибнетъ ли великій Римъ?
Пребудутъ ли священны стѣны,
Въ своемъ ужасномъ запустенье
Жилищемъ только для звѣрей?

Ахъ! Будетъ ли гордяся странникъ
Съ презрѣньемъ попирать ихъ прахъ?

Возстонутъ ли верьхи упадши
Подъ колесницею его? —
И дерзновенный побѣдитель
Своей неистовой рукою,
Разрушитъ ли, являя месть
Великолепныя Трофеи;
Разсѣетъ ли въ гробахъ хранимый
Отцовъ народа Римска прахъ?

Сомнѣнья нѣтъ, что всѣ граждане,
Или большая оныхъ часть
Желаетъ отвратить нещастье
И сохранить себя отъ бѣдъ.
Се лутчее спасенью средство:
Бѣгитѣ по суху Римляне
Куда васъ понесутъ стопы,
Иль по морямъ летите бурнымъ,
Пренебрегая всю опасность,
Куда васъ вѣтры устремятъ. —

Послѣдуйте вы Фосеянамъ, (5)
Заклявъ которое свой градъ,
Оставили поля и домы
Въ жилище дикое звѣрямъ.
Вы въ томъ согласны ли со мною,
Иль дастъ кто лучшія совѣты?
Что медлимъ сѣсть мы на суда,
И подъ благимъ знаменованьемъ
Оставивъ древнее жилище,
Отъ плыть къ далекимъ берегамъ?

Но клятвой обяжитесь прежде,
До толь не возвращатся въ Римъ,
До коль не узримъ тяжки горы
Плывущими по верхъ морей. —
Доколѣ Падуса (6) потоки
Не оросятъ верьхи Матински,
И Апенинскіе хребты (7)
Низвергнутся въ пространно морѣ,
Иль дѣйствіемъ чудѣсна жара
Природѣ измѣнитъ любовь. —

Какъ съединитъ съ еленемъ тигра
И нѣжну горлицу съ орломъ,
Когда пастись стада безъ страха
Со львами будутъ налугахъ;
Когда въ лѣсахъ узрятъ дельфиновъ
И серна будетъ жить въ пучинѣ.
Спѣшите всѣ оставить градъ;
Но положите заклинанья
Еще сильнѣйшій мной рѣченныхъ,
Чтобъ заградить возвратный путь.

Или хотя покрайней мѣрѣ,
Спасись часть лучшая гражданъ,
Оставь народъ неукротимый,
Невидитъ пользы кой своей,
Оставь сей родъ женоподобный
Привязанымъ къ своимъ жилищамъ;
Но вы имѣющіе духъ,
Покиньте жалобы и стоны,

Покиньте плачь и сокрушенья
Приличныя однимъ женамъ. —

Летите за моря Тоскански. —
Васъ ждетъ простанный Океанъ;
Пойдемъ, пойдемъ въ поля обильны;
Пойдемъ въ щастливы острова,
Земля безъ всякой гдѣ работы
Обильную приноситъ жатву,
Гдѣ лучшей въ свѣтѣ виноградъ
Нетребуя очистки злака,
Свои возноситъ гибки лозы
Обогащенныя плодомъ.

Гдѣ маслины всегда надежно
Владѣльцамъ шлютъ своимъ дары,
Незнаютъ фиги гдѣ прививковъ;
Но зрѣютъ въ рощахъ безъ труда. —
Гдѣ изтекаетъ медъ изъ дубовъ,
Гдѣ изъ вершинъ высокихъ горныхъ
Шумятъ прозрачныя струи,
И здравье смертнымъ проливаютъ. —
Тамъ сами представляютъ овцы
Сосцы наполненны млекомъ.

Тамъ никогда между стадами
Не зрятъ опасныхъ тѣхъ заразъ,
Созвѣздья пагубныя тамо
Палящихъ нестремятъ лучей. —
Неслышно страшныхъ тамъ медвѣдей

Ревущихъ около загоновъ,
И змѣи несмущаютъ прахъ;
Восточны бурей полны вѣтры
Не пустошатъ полей дождями,
И зной не изсушаетъ жатвъ.

Властитель тамъ Боговъ и смертныхъ
Умѣрилъ хладъ, умѣрилъ жаръ. —
Не приставали Аргоновты,
Къ щастливымъ онымъ берегамъ;
Ниже преступная Медея
Не зрѣлась тамъ въ своемъ нещастьѣ,
Улисса спутники на нихъ
Свои неприносили бѣдства,
Лишъ добродѣтельнымъ въ награду
Сіи хранятся острова.

Юпитеръ отдѣлилъ отъ свѣта
Сіи блаженныя страны,
Какъ чистоту златаго вѣка,
Умалилъ мѣдный вѣкъ собой,
И какъ насталъ потомъ железной. —
Сокройтесь отъ его свирѣпства.
Вѣщаю имянемъ Боговъ,
Блаженство ваше не разлучно
Съ единено съ побѣгомъ вашимъ,
Желѣзной вѣкъ оставте здѣсь.

ЭПОДА XII.

КЪ КАНИДІИ.

Проситъ у нее прощеніе въ томъ, что писалъ противъ ее.

Тебѣ покорствуя, съ моленьемъ прибѣгаю,
Діанною тебя и адомъ заклинаю,
Твоими книгами, волшебны гдѣ стихи
Луну и звѣзды совлекаютъ;
Конидія! Прости, прости мои грѣхи
Священныя слова меня да нетерзаютъ.

Престань и укроти свою науку дивну;
Да обратится кругъ волшебствъ въ страну противну.
Телефа просьбами Нерея славный внукъ (1)
Тронулся бывъ имъ убѣжденнымъ. --
Хотя онъ напрягалъ въ бою упругой лукъ,
Хоть стрѣлы на него метать былъ принужденнымъ. —

И Гекторъ птицамъ въ снѣдь поверженный врагами,
Потомъ былъ умащенъ Троянскими женами,
Какъ престарѣлый царь, почтенный тотъ Пріамъ,

Вотще моля о томъ Зевеса,
Изшелъ изъ стѣнъ своихъ, повергнулся къ ногамъ
Не утомимаго, жестока Ахилесса.

Улиссовы пловцы, исполненны терпѣнья,
Цирцеи лютыя познавъ опредѣленья,
Избавились роговъ, избавились щетинъ
И паки видъ людей пріяли,
Когда пронырливый царя Лаерта сынъ
Представилъ Нимфѣ сей жестокость всю печали.

О ты! Къ которой всѣхъ щастливый рокъ привязанъ!
Довольноль я, или не лишнели наказанъ?
Внемли жестокая! Внемли моимъ мольбамъ!
Моя вся младость пролетѣла,
Осталась кожа лишъ присохшая къ костямъ,
Изчезъ румянецъ мой, пропала стройность тѣла.
Волшебство всѣ власы покрыло бѣлизною,
Въ болезняхъ ни на часъ незрю себѣ покою,
Въ день нощи жду; а въ нощъ пришелъ, чтобъ день скорѣи,
И немогу вздохнуть ни разу,
Чтобъ помощи не дать къ тому груди моей
Лютейша яда въ ней я чувствую заразу.

Увы! Теперь я зрю, волшебницы что знаютъ!
Ихъ пѣнія стиховъ насъ разума лишаютъ.
Что хочешъ ты еще? — Чемъ мѣсть твоя грозитъ? —
Сильнѣй твой пламень Этны вида,
И жесточее огнь во мнѣ того горитъ,
Которой истребилъ великаго Алкида.

Доколѣ будешъ ты жестокая трудится. —
Доколь терзать меня и мучить будешъ тщится?
Иль ждешъ того, чтобъ я во прахъ былъ обращенъ
И вѣтровъ сдѣлался игрою? —
Какой бѣдамъ моимъ конецъ предположенъ?
Вѣщай! — Я все готовъ исполнить предъ тобою.

Я въ жертву сто воловъ готовъ тебѣ представить,
Или сплетая лесть, готовъ на лирѣ славить
Доброты всѣ души великія твоей,
И вознести тебя хвалами:
Ты украшеніемъ вселенной служишъ всей,
Достойна въ почестяхъ являтся межъ звѣздами.

Піитъ, что оскорбилъ стихомъ своимъ Елену,
Кастора съ братомъ мѣсть познавши воспаленну,

Былъ зрѣнія за то отъ нихъ тогда лишенъ.—
Но гнѣвъ они свой укротили.
Преступокъ дерзской сей содѣлался прощеннъ,
И зрѣнье бѣдному Пішту возвратили (2).

Отдай же разумъ мой, куда не зрима сила,
Куда въ свирѣпости своей его сокрыла?...
Такъ, негнушаешся породой ты своей,
Твои невинны, чисты нравы,
Какъ вѣдьма старая неходишъ средь ночей
Подревнимъ кладбищамъ збирать волшебны травы.

Полезны всѣмъ твои великіе науки,
И сквернамъ никакимъ неприкасались руки;
Ты вредныхъ никогда не произношъ словъ,
Вь тебѣ зримъ сердце мы негнѣвно,
Неходишъ доставать ты нищихъ изъ гробовъ
Тѣла, зарытыя въ землѣ девяти дневно.

ЭПОДА XIII.

Канидія отвѣчаетъ, что онъ незаслуживаетъ прощенія.

Вотще къ невнемлющей стремишся ты съ мольбами,
Утесы скалъ морскихъ біемыя волнами
Не болѣе меня, въ жестокости своей
Внимаютъ гибнущихъ среди морскихъ зыбей.
Смѣяся таинствамъ Коциты (4) и Эрота, (2)
Ужели думаешъ, что сталъ ты ихъ жрецомъ?
Какая дерзская стремитъ тебя охота
Извѣдать нашъ законъ, и сдѣлать басни о томъ?

На прасно будешъ ты отрадъ искать въ волшебствѣ,
Вотще лютѣйшій ядъ ты будешъ пить въ свирѣпствѣ;
Не ускоришъ свой путь ко гробу ни нашагъ,
Для повседневныхъ мукъ, ты будешъ жить въ бѣдахъ.
Пелопса злой отецъ томимый страшнымъ гладомъ, (3)
Терзаемый орломъ нещастный Прометей
Хотѣли бы мечемъ, или смертельнымъ ядомъ
Окончить жизнь свою и муки всѣ скорѣй.

Взнесть камень на гору вотще Сизипъ трудится,
Зевеса власть тому всегда противна зрится.
Напрасно будешъ ты искать упасть съ высотъ,
Веревкой, иль ножемъ окончить свой животъ;
Хоть будешъ ненависть являть ты къ жизни злую,
Пребудетъ смерть твоя всегда удалена. —
Тогда я надъ тобой, тогда восторжествую,
И радость ту мою познаетъ вся страна.

Я виды движуща въ воску изображенны —
(Ты вѣдаешъ сіе во мракѣ погруженный.)
Я простирающа своимъ искуствомъ страхъ,
Я оживляюща людей умершихъ прахъ,
Я совлекающа небесныя свѣтила,
Я колдовствомъ въ любовь могущая склонить;
Не ужель толь слаба моей науки сила,
Чтобъ немогла тебѣ за дерзость отомстить.

XIV.

ПОЭМА

НА НОВОЕ СТОЛѢТІЕ,

или

ГИМНЪ АПОЛЛОНУ и ДІЯННѢ.

Юношество Римское раздѣленное на два хора поютъ оной попеременно.

ОБА ХОРА ВМѢСТѢ.

О Фебъ! — И ты въ нощи блистающа лучами
Діанна, въ тишинѣ владѣюща лѣсами;
Свѣтила красотой служащи небесамъ
Внемлите вы въ сей день мольбамъ взносимымъ къ вамъ!
Въ сей день, священный день, великій и веселый,
Въ кой дѣвы, юноши Оракулъ внявъ Цибеллы
И покаряяся небесныхъ волѣ словъ,
Поютъ хвалы Богамъ своихъ семи холмовъ (1)
Воззрите съ кротостью на Римскую державу
И утвердите намъ наслѣдну предковъ славу.

МЛАДЫЯ РИМЛЯНКИ.

О ты которая любви готовишъ плодъ
Иллитія! (2) Внемли, внемли нашъ гласъ съ высотъ!

Благими помогать спѣшащая судьбами
Женамъ, которы ждутъ назвается матерями. —
Богиня! Сохраняй во вѣки родъ Римлянъ,
Благословляй Гименъ дающей намъ гражданъ;
Когдажъ взываніе подъ имянемъ Лицины
Пріятнѣе тебѣ? — Воззри въ сіи долины!

ВМѢСТѢ.

Да вѣки новыя средь щастья и отрадъ
Священно торжество сіе возобновятъ,
Что нынѣ праздуемъ трипощно и триденно,
О Парки! Коихъ власть вершится непремѣнно,
Прибавте новыя еще Тріумфы намъ,
И славу многую къ прошедшимъ времянамъ! —
Да изобиліе явится въ полной мѣрѣ,
Да соплетемъ вѣнцы Помонѣ и Церерѣ,
Да неба чистота и токи здравыхъ водъ
Питаютъ и живятъ собою всякой плодъ.

МЛАДЫЯ РИМЛЯНЕ.

О Фебъ! Вложи въ колчанъ свои блестящи стрѣлы!
О Фебъ! Услышъ младыхъ Римлянъ во дни веселы!

М. РИМЛЯНКИ.

Діана щедрая, Богиня чистоты,
Услышъ взыванія младыхъ Римлянокъ ты! —

ВМѢСТѢ.

Коль созданъ вами Римъ, коль ваша оборона
Могла спасти гражданъ печальна Илліона,
Коль повелели вы симъ Римляновъ отцамъ
Пристать въ бѣдахъ своихъ Гетрурія къ брегамъ (5).
Когда отечества Эней узря кончину,
Средь Трои пламяни, предчувствуя судьбину
Путь дальній предпріялъ, пренебрегая страхъ;
Чтобъ царство новое устроить въ сихъ странахъ.
Явите юность вы межъ насъ трудолюбивой,
Путь къ добродѣтели откройтѣ ей щастливой;
Да старость въ тишинѣ увидитъ лучь отрадъ
И роду Ромула пошлите храбрыхъ чадъ.
Создайте благости своей во всемъ примѣры,
Да Августейша кровь Анхиза и Венеры, (4)
Что жертвы пышныя приноситъ нынѣ вамъ,
Отмстить завистливымъ и дерзостнымъ врагамъ;
Покорнымъ же проститъ ея священной волѣ.
Ужасна на водахъ, ужасна брани въ полѣ
Уже дѣсница ихъ страшитъ въ бою Парѳянъ,
Единымъ зрѣніемъ оружія Римлянъ.

Индійцы гордыя и Скиѳы удаленны,
Уже навѣкъ ея законамъ покоренны;
Ужъ вѣра, доблесть, миръ, времянъ дальнѣйшихъ честь
Являются вездѣ, прогнавъ порокъ и лесть;
Уже обиліе, богатство и блаженство
Щастливыхъ дней средь насъ являютъ совершенство.

М. РИМЛЯНЕ.

О Богъ гадателей! Носящій свѣтлый лукъ,
Отрада чистыхъ Музъ, источникъ тѣхъ наукъ, (5)
Что избавляютъ насъ страданія и стона;
На царство Римское воззри съ пресвѣтла трона,
Яви щедротъ лучи Италіи странамъ,
И вѣки новыя пошли во славѣ намъ.

М. РИМЛЯНКИ.

Любяща горъ верьхи, дыханія Зефировъ,
Да преклонитъ свой слухъ къ мольбамъ киндецимвировъ (6)
И съ Авентинскихъ горъ, иль отъ Алгидскихъ странъ
Услышитъ гласъ младыхъ отечества гражданъ.

ВМѢСТѢ.

Мы вѣримъ что Зевесъ и Боги всѣ предвѣчны
Желланья наши внявъ сіи чистосердечны
Благоволятъ свершить, намъ жребій свой благой,
И утѣшаяся надеждою такой
Въ жилища отнесемъ, ту радость несказанну,
Воспѣвъ въ восторгѣ здѣсь и Феба и Діанну.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ

НА ОДЫ ГОРАЦІЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ОДА I.

(1) *Меценатъ* (C. Cilnus Maecenas) произшелъ отъ древнихъ царей Этруріи. — Былъ искреннимъ другомъ Императора Августа и имѣлъ на себѣ бремя государственнаго правленія, нежелая себѣ другаго достоинства кромѣ Кавалера Римскаго, которое принадлежало ему по праву рожденія. Его совѣтамъ обязанъ былъ Августъ заблагополучное свое царствованіе. Онъ имѣлъ такое уваженіе къ благоразумію Мецената что когда онъ и порицалъ его въ чемъ, Императоръ симъ неогорчался. Онъ былъ покровителемъ наукъ и другомъ ученыхъ людей, чемъ болѣе всего здѣлался извѣстенъ. Виргилій посвятилъ ему свои Георгики, а Горацій Оды Передъ смертію своей сказалъ онъ Августу, незабывайте Горація такъ какъ и мѣня. — Сей великій покровитель учаныхъ самъ сославою упраж-

нялся въ словесныхъ наукахъ. — До насъ достигли нѣкоторыя отрывки его стихотворства.

(2) *Въ играхъ всѣхъ прочихъ обскакать.* Гораціи разумѣетъ здѣсь о играхъ Олимпическихъ и конскихъ ристаніяхъ бывшихъ въ употребленіи въ Римѣ. — Оные были утверждены постановленіями Сената, пріобщены къ священнымъ празднованіямъ и отправлялись всегда прижертвоприношеніяхъ.

(3) *Ливія.* Нынѣ называется *Барка*, область Араканская, лежащая въ западной сторонѣ Триполя, во владѣніи Турецкомъ.

(4) *Атталъ* былъ царь Пергамскій, что въ малой Азіи, славенъ своимъ богатствомъ, наслѣдовалъ Евмену. — Побѣдя Галатовъ и распространя завоеваніи свои до горы Тавра принялъ достоинство царя коего предки его неимѣли. Онъ спомоществовалъ Римлянамъ противъ Филиппа съ многими успѣхами. Умеръ въ 198 году до рожден. І. Х. царствовалъ 44 года, Атталъ употреблялъ богатство свое съ великою пользою для ближнихъ, за что былъ любимъ и уважаемъ своими сосѣдами, родственниками, друзьями и подданными.

(5) *Икариское* или *Икарское море.* Такъ называлась часть Егейскаго моря, или Архипелага.

(6) *Кипрской корабль.* Островъ Кипръ славился въ древности своими судами и торговлей, да и нынѣ еще симъ довольно знаменитъ и имѣетъ множество богатыхъ произведеній. — Оной составлялъ часть Греціи былъ покоренъ Венеціянами; а напослѣдокъ Турками въ 1570 году.

(7) *Лезбійская Лира.* Такъ называетъ Горацій потому, что Сафо и Альцей которымъ онъ подражалъ были родомъ изъ острова Лесбоса.

ОДА II.

(1) *Столица свѣта* Такъ назывался Римъ потому, что во время Августа Римляне владѣли почти всѣмъ извѣстнымъ тогда свѣтомъ.

(2) *Пирра.* Супруга Девкаліонова, въ ея время послѣдовалъ потопъ, которой Греки и Римляне называютъ всемірнымъ, и которой соотвѣтствуетъ Ноеву потопу Св. писанія.

(3) *Нума Помпиліи.* Второй царь Римскій, первой учредилъ порядокъ богослуженія и далъ законы Римлянамъ.

(4) Упоминаетъ о Калипурніи супругѣ Юлія Кесаря которая имѣла домъ на правомъ берегу Тибра.

*

(5) Говоритъ о междоусобныхъ браняхъ, когда Диктаторы домогались самодержавной власти.

(6) *Пароянe* Пароянія, нынѣ Саблестанъ, область находящаяся въ Азіи и составляющая часть Персіи. Оная граничитъ съ хорасаномъ и простирается до рѣки Инда.

(7) Говоритъ о Весталкахъ, жрицахъ богини Весты.

(8) *Аполлонъ*, Фебъ, Солнце, богъ свѣта, Музъ, краснорѣчіе, и предвозвѣщаніевъ или Оракуловъ.

(9) Марсъ богъ войны, его почитали Римляне отцомъ Ромула и Рема основавшихъ Римъ.

(10) Говоритъ о Императорѣ Августѣ.

ОДА III.

(1) *Виргилій.* Стихотворецъ и Кавалеръ Римскій, другъ Гораціевъ, написалъ Георгики, Буколики и Энеиду.

(2) *Кипрійская Богиня.* Такъ называлась Венера потому, что имѣла знаменитой храмъ на островѣ Кипрѣ.

(3) *Елена.* Супруга Греческаго царя Менелая, была похищена Парисомъ, сыномъ Пріяма царя Троянскаго, отъ чего произошла сія славная война воспѣтая Гомеромъ

въ поемѣ его Илліадѣ. Братья ея близнецы Касторъ и Полуксъ, по смерти превращены были въ звѣзды и составляютъ знакъ близнецовъ, явленіе котораго всегда предвѣщаетъ благополучную погоду.

(4) *Апулскій вѣтръ*, попутный кораблямъ идущимъ изъ Италіи въ Грецію.

(5) *Аттика*. Часть Греціи въ которой находился городъ Аѳины.

(6) *Вѣтръ Африканскій*. Юловосточной, противуположной Аквилону.

(7) *Плеяды*, были дочери Атланта и Плеоны, ихъ было числомъ семъ, а имянно: Маіа, Электра, Таигета, Астропа, Меропа, Алциноя и Гелено. Діодоръ говоритъ, что они всѣ были любимы богами, превращены въ звѣзды и составляютъ особое созвѣздіе въ знакѣ быка. Овидій же повѣтствуетъ, что одна изъ нихъ имянно Электра, вышла за Дардана царя Троянскаго и скрылась потомъ въ небѣ предъ начатіемъ Троянской войны, дабы небыть свидѣтельницей нещастія своего рода. Одинъ древней стихотворецъ присовокупляетъ, что Электра по временамъ показывалась; но всегда въ видѣ кометы. — Оная изчезла совсѣмъ въ сторонѣ Арктическаго Полюса въ 1193 году до Р. Х. Созвѣздія Плеядъ появляется всегда весною и вѣроятно, что получило наимянованіе свое отъ Греческаго слова

Плео, то есть: *плаваю*. — Но совсемъ тѣмъ видно оное и вовремяна осѣнняго равноденствія всегда сопровождаемаго бурями. — Какъ бы то нибыло, все доказываетъ, что Атлантъ упражнялся въ Астрономическихъ наблюденіяхъ и далъ имяна дочерей своихъ звѣздамъ имъ открытымъ.

(8) *Епирскія скалы*, назывались также *Акрокеравныя*, то есть, горы всегда поражаемыя перуномъ; нынѣ извѣстны подъ названіемъ горъ Химеры.

(9) *Японетовъ сынъ*. Промешей, или Промеѳей.

(10) Говоритъ о Девкаліоновомъ потопѣ.

(11) *Дедалъ*. Сынъ Геметіона, славной художникъ и Архитекторъ, изобрелъ многія махины, между прочими паруса для судовъ и построилъ славной Лабиринтъ Критскій. Убѣгая гоненія Миноса за то, что онъ помогъ супругѣ его Пазифае въ противуестественной любви ея къ быку, сдѣлалъ себѣ искуственныя крылья и перелетѣлъ на оныхъ чрезъ Егейское море. Павзаній думаетъ, что изобрѣтеніе парусовъ произвело сію мысль.

ОДА IV.

(1) *Граціи.* Богини красоты, по общему мнѣнію были дщери Бахуса и Венеры ихъ было числомъ три: Аглая Талія и Ефрозина.

(2) Говоритъ о приготовляющемся громѣ чрезъ весеннюю теплоту.

(3) Подъ имянемъ посвѣщенія козла Бахусу, Фавну и другимъ божествамъ, не всегда древніе разумѣли о семъ животномъ; но часто означало сіе кожу наполненную виномъ, какъ сіе и понынѣ въ Азіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи употребляется и служитъ въ мѣсто бочки. Трагедія произсходитъ отъ слова *Траго; козелъ.* — При Тесписѣ стихотворцы за сіи сочиненія получали въ въ награду козла, или можетъ быть кожу его наполненную виномъ.

(4) Римляне избирали во время своихъ пиршествъ одного изъ собесѣдниковъ царемъ, которой долженъ былъ располагать сколько каждому изъ гостей выпить. Сіи цари выбирались по жребію.

ОДА V.

(1) *Варій.* Римскій стихотворецъ. Смот. опытъ жизни Горація стр. 13.

(2) *Агриппа*, Полководецъ Римскій, см. опытъ жиз. Гор. стр. 23

(3) *Пелопсъ*, сынъ Тантала царя Лидійскаго. Овидій говоритъ, что онъ угощая боговъ своимъ столомъ и желая испытать ихъ могущество, велелъ убить и приготовить въ пищу юнаго своего сына Пелопса; но Юпитеръ узнавъ сіе, возвратилъ ему жизнь а Тантала низринулъ во адъ.

(4) *Меріонъ*, сынъ Молуса и Мельфисы, отличилъ себя храбростію при осадѣ Трои. Гомеръ уподобляетъ его убивственному Марсу въ сраженіяхъ. Онъ управлялъ во время боя колесницею царя Идомеея.

(5) *Діомидъ*, сынъ Тидея царя Калидонскаго, послѣ Ахиллеса и Аякса славнѣйшій изъ Греческихъ героевъ бывшихъ при осадѣ Трои. — Онъ былъ покровительствуемъ Минервой и во время сраженія ранилъ Марса и Венеру защищавшихъ Троянъ.

ОДА VI.

(1) *Планкусъ Мунатій*, Сенаторъ Римскій, смот. опытъ жизни Горація стр. 23.

(2) *Делосъ*, островъ въ средиземномъ море, былъ посвященъ Венерѣ. — Оной извѣстенъ и нынѣ подъ симъ же имянемъ.

(3) *Эфесъ*, знаменитой городъ въ Азіи, былъ славенъ храмомъ Діанны. — Нынѣ бѣдная деревня во владѣніи Турецкомъ и называется *Оніалукъ*.

(4) *Митилена*. — Островъ и городъ тогожъ имяни въ Архипелагѣ. Нынѣ называется *Метелина*; а въ глубокой древности извѣстенъ былъ подъ имянемъ острова *Лезбоса* — На ономъ отправлялись славныя игры въ честь Аполлона.

(5) *Коринфъ*, былъ знаменитейшій городъ въ Аргипелагѣ, въ коемъ находился славной храмъ Минервы, нынѣ вовладѣніи Турокъ и ничто иное какъ деревня извѣстная подъ имянемъ *Коранты* или *Жеремы*.

(6) *Ѳивы*, славной городъ въ Беоціи, основанный Кадмомъ; а стѣны онаго построены были звукомъ Лиры Анфіона. — Нынѣ область сія называется *Ливадія* во владѣніи Турецкомъ, городъ же совсемъ раззоренъ.

(7) *Делосъ*, нынѣ называется *Здиль*, островъ въ Архипелагѣ, былъ славенъ храмомъ Аполлоновымъ, теперь же по причинѣ морскихъ разбойниковъ во все не обитаемъ.

(8) *Ѳесалія*, часть Македоніи на берегу Архипелагскомъ, славна была храмомъ

Музъ, нынѣ во владѣніи Турецкомъ извѣстно подъ именемъ Янна.

(9) *Аргосъ*, городъ Морейской, что въ *Сакканіи* былъ весьма славенъ въ древности нынѣ же малое селеніе и называется *Арго*.

(10) *Миссена*, или Мессина, славной городъ и область въ Сициліи.

(11) *Лакедемонъ*, или Спарта, славной въ древности городъ составлявшей особую Республику, находится въ Мореѣ и нынѣ довольно многолюденъ и богатъ называется же *Мизитра*.

(12) *Алценъ*, рѣчка въ Тиволи.

(13) *Аніо*, или *Тиверонъ* рѣка въ Папскомъ владѣніи, протекающая чрезъ Тиволи и впадающая въ Тибръ неподалеку отъ Рима.

(14) *Тиволи*, или *Тибуръ*, древней и знаменитой городъ въ Италіи, въ Кампаніи Римской, нынѣ еще видны многія великолѣпныя остатки онаго и славной водопадъ составляемый рѣкою Тевероной.

(15) *Соламина* островъ и городъ въ средиземномъ морѣ.

(16) *Тевсеръ*, сынъ Теламона и Гезіоны, выгнанъ былъ отцемъ его изъ Соламины за то, что онъ невоспрепятствовалъ брату его Аяксу убить самого себя, прибылъ на-

конецъ на островъ Кипръ и построилъ новой городъ, которой назвалъ *Соламиной*.

ОДА VII.

(1) *Масло борцовъ*. Борцы, или Гладіаторы боролись въ древности нагіе и намазывали тѣло свое масломъ, чтобъ нельзя было плотно ухватится.

(2) *Кружокъ* желѣзной, оной бросаемъ былъ съ особливымъ искусствомъ. — Игра сія была весьма употребительна въ Римѣ.

(3) *Фетиды сынъ*. Ахиллесъ, когда онъ былъ у царя Ликодема на островѣ Скиросѣ въ женской одеждѣ.

(4) Подъ имянемъ *Лиціянъ*, разумѣетъ Горацій *Троянъ*.

ОДА VIII.

(1) *Соракта*, гора при рѣкѣ Тибрѣ недалеко отъ Рима нынѣ называется оная горою Св. Сильверста.

ОДА IX.

(1) *Атридами* называетъ Гомеръ Агамемнона и Менелая, сыновъ Аргоскаго царя Атрея.

ОДА X.

(1) Вавилоняне больше другихъ народовъ упражнялись въ Астрологіи и прочихъ гадательныхъ наукахъ.

ОДА XI.

(1) *Гемусъ*, гора во Ѳракіи посвященная Музамъ. Ѳракія называется нынѣ *Румелія*, а горы оной *Балканами*.

(2) *Сыны Леды*. Касторъ и Поллюксъ.

(3) *Скавросы*, боги Римлянъ оказавшія великіе благодѣянія народу.

ОДА XII.

(1) *Понтъ*, провинція малой Азіи, лѣса оной почитались наилучшими для корабельнаго строенія.

(2) Говорить о позолоченыхъ изображеніяхъ которые обыкновенно вырезываются на кормахъ и носахъ корабельныхъ уподобляя ихъ вельможамъ не имѣющимъ достоинствъ.

(3) *Циклады*, острова Егейскаго моря.

ОДА XIII.

(1) Нѣкоторые думаютъ, что сія Ода содержитъ иносказательной смыслъ, и что Горацій подъ имянами Париса и Елены представляетъ Антонія и Клеопатру.

(2) *Нерей*, морской богъ почитаемый больше Нептуна, по словамъ Гезіода онъ былъ сынъ Океана и Фетиды.

(3) *Лаертовъ сынъ.* — Улиссъ царь Итаки.

(4) *Стеленъ* спутникъ Діомидовъ управлявшей его колесницей.

ОДА XIV.

(1) Говоритъ о Аполлонѣ и Дельфскомъ его прорицалищѣ, въ которомъ жрицы приходя въ иступленіе или бѣшенство давали отвѣты на предлагаемыя вопросы.

(2) *Корибанты*, жрецы Цибеллы, отправлявшіе празднованіе ея съ ужаснымъ воплемъ, барабаннымъ стукомъ и біеніемъ копей по мѣднымъ щитамъ, оплакивая смерть Адониса.

(3) Славянское слово раззорять, кажется мнѣ происходящимъ отъ слова разъ орать, или распахать. Древніе какъ наши такъ и другихъ народовъ побѣдители раз-

руша непріятельской городъ, вспахивали то мѣсто на коемъ находились стѣны онаго и сѣяли пшеницу.

ОДА XV.

(1) *Лукретилла*, гора въ землѣ Сабинской неподалеку отъ владѣнія Гораціева.

(2) *Островъ Лесбосъ.* смот. VI Оды 4 примѣчаніе. Сей островъ доставлялъ весьма пріятное вино.

ОДА XVI.

(1) Первой замокъ въ Тиволи построенъ былъ двумя братьями Тибуромъ и Катилой.

(2) Оргіями назывались празднества отправляемыя въ честь Бахусу, котораго отъ оныхъ называли иногда Оргіемъ.

ОДА XVII.

(1) Дача Гораціева была въ землѣ Сабинской.

(2) *Греческія сосуды*, или кувшины здѣланныя изъ глины почитались лучшими для храненія вина.

(3) *Цекуба* и *Кале*, такъ назывались лучшія вина въ Римѣ

(4) *Формія* или *Маѳ*, небольшой городъ въ Королевствѣ Неапольскомъ недалеко отъ *Гаеты*, славился хорошимъ виномъ.

(5) *Фалерна*, такъ называлось лучшее вино въ кампаніи и въ особенности собиралось на горѣ *Массико* близь *Тіано* Масиканское вино и нынѣ почитается однимъ изъ лучшихъ.

ОДА XVIII.

(1) *Алгида*, *Еремантъ*, *Каргъ* горы въ Италіи и Аркадія посвященные Діаннѣ.

ОДА XIX.

(1) *Ливія*. См. 1 Оды примѣчаніе 2.

(2) *Кавказъ*, горы лежащіе между чернымъ и Каспійскимъ моремъ.

(3) *Апулія*, нынѣ *Пуиллѣ* область Неапольская.

(4) *Царство Юбы*, въ Мавританіи, что въ Африкѣ.

ОДА XX.

(1) *Ермій*, *Гермесъ*, *или Меркурій*.

ОДА XXI.

(1) *Тиридатъ*, Царь Парѳянскій, низверженный съ престола Фраатомъ въ 724 году отъ построенія Рима.

(2 *Альцей*, Лирической стихотворецъ Смот. опытъ жизни Горацiи стр. 6.

ОДА XXII.

(1) *Мидяне*, при поминкахъ на могилахъ родственниковъ своихъ царапали и разбивали себѣ лица до крови.

ОДА XXIII.

(1) *Архитасъ* принялъ Пиѳагорову Секту и ученіе, процвѣталъ за 408 лѣтъ до Р. Х. былъ весьма искусенъ въ Геометріи и Механикѣ говорятъ будто бы онъ изобрелъ винтъ и сдѣлалъ голубя которой леталъ посредствомъ пружинъ.

(2) *Пантуевъ сынъ*, Пиѳагоръ, принесшій къ Грекамъ Систему пресѣленія душъ, которую доказывалъ самимъ собою. — „Я былъ до сего, говорилъ онъ: Эвфорбій сынъ Пантуевъ и находился при осадѣ Трои, „вотъ мой щитъ которой я узналъ въ капище Юнониномъ Горацій въ сей Одѣ смѣется ученію Пиѳагора и Архитаса.

(3) *Оріонъ*, сынъ Нептуна и Евріалы, былъ весьма искусенъ въ Астрономіи и мореплаваніи, также великой охотникъ до звѣриной ловли, чемъ наслаждается и посмерти въ поляхъ Елисейскихъ. — Онъ превращенъ въ созвѣздіе, возхожденіе и захожденіе котораго всегда сопутствуемо бурями.

(4) *Венуза*, или Веноза древней городъ въ Италіи.

ОДА XXIV.

(1) *Сабейская страна*, часть щастливой Аравіи.

(2) *Панетій* Греческой Философъ Стоической секты изъ острова Родоса, процвѣталъ за 150 лѣтъ до Р. І. Х. учился въ Аѳинахъ гдѣ была знатная Стоическая школа, тамъ прославился онъ до того, что Аѳиняне предложили ему достоинство ихъ согражданина, отъ котораго онъ однакожъ отказался, нежелая обидить тѣмъ своихъ соотечественниковъ и отвѣчалъ Аѳинянамъ, что для него довольно одного отечества. Скоро имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ Римѣ, куда пріѣхавъ обрѣлъ онъ общее уваженіе и довѣренность. Знатнѣйшее Римское юношество обратилось въ его училищѣ. Онъ былъ весьма друженъ съ

Сципіономъ и сопутствовалъ ему во многихъ его походахъ.

ОДА XXV.

(1) *Книдъ*, городъ въ малой Карія, гдѣ былъ знаменитой храмъ Венеры, въ коемъ находилась славная Праксителева статуя изображающая сію богиню.

(2) *Пафосъ*, небольшой городъ посвященной Венерѣ на островѣ Кипрѣ, нынѣ называется *Баффа*.

ОДА XXVI.

(1) *Лирисъ*, *Карилланъ*, или *Кланцсъ* рѣка въ Неаполѣ, которая раздѣляетъ землю Лабурскую отъ Кампаніи, истекаетъ изъ Аретузы и впадаетъ въ морѣ Тосканское.

ОДА XXVII.

(1) Говоритъ объ Альцеѣ стихотворцѣ Греческомъ.

ОДА XXIX.

(1) *Антимъ*, или *Антіумъ* городъ въ Кампаніи въ которомъ богиня щастія, или Фортуна имѣла знамянитой храмъ.

(2) *Скиѳами*, назывались древнія народы жившіе въ Севѣрной части Европы и

Азіи; такъ же рѣкъ Дона, Волги, Дуная и Днѣпра.

(3) *Дакъ*, Дація нынѣшняя *Трансильванія* съ сосѣдственными землями.

(4) *Латиноевъ храбрый родъ*, разумѣетъ о Римлянахъ потому, что они повыходѣ своемъ изъ Трои соединились съ Латинскимъ народомъ.

(5) *Британію* почитали древніе Сѣверным предѣломъ свѣта.

(6) Упоминаетъ о междоусобныхъ браняхъ бывшихъ въ Римѣ доколѣ Юлій Кесарь; а потомъ Августъ неутвердили себѣ вышнюю власть.

ОДА XXX.

(1) *Гесперія*, или *Гишпанія*.

(2) Въ Римѣ было обыкновеніе, что каждой возрастъ имѣлъ свою особенную одѣжду. — Перемѣна одѣждъ возрастовъ производилась торжественно въ храмахъ.

ОДА XXXI.

(1) *Клеопатра* царица Египетская дочь Авлета, была любовницей Юлія Кесаря, а по смерти его Антонія, которой изъ любви къ ней развелся съ женою своей Октавіею, сестрою Октавія названнаго потомъ

Августомъ. Сіе, и властолюбіе произвело между ими войну. Клеопатра вооружила флотъ состоявшей изъ 500 кораблей и захотѣла сама имъ начальствовать соединя оной съ флотомъ Антонія; но оба сіи флоты были побѣждены Октавіемъ при берегахъ Епирскихъ, близь города Актіума за 31 годъ до Р. Х. и когда въ скорѣ послѣ сего нещастія Антоній закололся, то и она лишилась жизни, давъ себя ужалить змѣѣ, что произошло за 30 лѣтъ до Р. Х.

(2) Говоритъ о бочкѣ, или кувшинѣ вина хранимомъ еще предками, увеличивая тѣмъ доброту онаго, и что грѣшно бы было употребить его на какой нибудь другой праздникъ.

(3) *Царица Клеопатра*, столько же извѣстна своею красотою и разумомъ, сколько роскошью и распутнымъ поведеніемъ своимъ съ Антоніемъ.

КНИГА II.

ОДА I.

(1) *Полліонъ.* Смот. опытъ жизни Гороція стр. 23.

(2) *Диммянты*, народъ жившей въ Галліи, или нынѣшней Франціи.

(3) *Котурны*, такъ называлась обувь на высокихъ каблукахъ увеличивающая ростъ человѣка, употребляемая дѣйствующими на Ѳеатрѣ лицами, наипаче въ Трагедіяхъ, гдѣ должно было представлять лица боговъ, или героевъ.

(4) *Югурта*, царь Африканскій убитый на войнѣ противъ Римлянъ. — Когда сіи по причинѣ междоусобіевъ принуждены были взять изъ Африки знатную часть войска своего, то Аравы и прочія народы напавъ на оставшихся тамо Римлянъ, разбили и взяли много плѣнныхъ, которыхъ принесли въ жертву на гробѣ царя ихъ Югурты.

(5) *Симонидъ* Лирической стихотворецъ родился въ Цеосѣ, что нынѣ *Цеа* островъ Егейскаго моря, процвѣталъ во время Персидскаго царя Дарія сына Гистаспова, за 480 лѣтъ до Рожд. I. X. онъ былъ славенъ больше своими Елегіями. Умеръ 98 лѣтъ отъ рожденія.

До насъ достигли нѣкоторые отрывки его сочиненій помѣщенныя въ изданія подъ названіемъ: Corpus Poetarum Groecorum. Напечатанномъ въ Женевѣ въ 1606 и въ 1614 годахъ.

ОДА II.

(1) *Прокулей*, Римской Кавалеръ и другъ Императора Августа, извѣстенъ любовію своею къ ближнимъ. По смерти отца своего раздѣлилъ онъ наслѣдство на ровныя части съ двумя его братьями Муреномъ и Сципіономъ, которые потомъ во время междоусобныхъ браней лишились всего, тогда раздѣлилъ онъ имѣніе свое еще на три доли и отдалъ двѣ братьямъ. Плутархъ повѣствуетъ, что Антоній умирая говорилъ Клеопатрѣ, что изо всѣхъ любимцевъ Августовыхъ можетъ она повѣрить жребій свой только одному Прокулею. Въ самомъ долѣ по смерти Антонія, Августъ послалъ его дабы привести ее въ живыхъ, однакожъ онъ въ семъ неуспѣлъ.

(2) Разумѣетъ о старой и новой Карѳагенѣ. Карѳагена находилась наберегахъ Африканскихъ не подалеку отъ того мѣста гдѣ нынѣ Тунисъ.

(3) *Фраатесъ* или *Фраатъ*. Сего имени извѣстны въ Исторіи четыре Государя 1й

Царь Парѳянскій умершій въ 141 году до Рожд. І. Х. Сей былъ отличенъ только единою любовію къ своимъ подданнымъ, оставя по смерти малолѣтныхъ дѣтей отказалъ онъ престолъ свой Митридату IIй, царствовалъ по смерти отца своего Митридата за 131 годъ до Рож. І. Х. воевалъ противъ Антіоха Сидета царя Сирскаго и убитъ въ сраженіи. IIIй, Проимянованный Богомъ, наслѣдовалъ отцу своему Синтрику въ 66 году до Рож. І Х. Онъ взялъ въ покровительство свое Тиграна сына Тиграна великаго царя Армянскаго и отдалъ за него дочь свою. Спустя нѣсколько вздумалъ онъ овладѣть престоломъ отца своего зятя; но предпріятіе сіе неудалося. — Возвратясь въ свои владѣніи былъ онъ убитъ отъ сыновъ своихъ Орода и Митридата, что послѣдовало за 36 лѣтъ до Рож. І. Х. IVй. Объявленъ былъ царемъ отъ отца своего еще при жизни онаго, за 53 года до Рож. І. Х. Сей безчеловѣчной сынъ нетолько умертвилъ всѣхъ своихъ братьевъ и отца своего Орода, съ которымъ въ началѣ раздѣлялъ онъ власть; но даже сына своего опасаясь, чтобъ сей непохитилъ его владѣнія. Онъ воевалъ противъ Марка Антонія и принудилъ его отступить съ потерей, и хотя вскорѣ потомъ сверженъ былъ съ престола Тиридатомъ; но помощію

Скиѳовъ паки преобрѣлъ оной, наконецъ умеръ отъ яду за два года до Рож. І. Х. бывъ отравленъ по повеленію Фраатиса. Кажется, что о немъ то упоминаетъ Гораціи въ сей Одѣ.

ОДА III.

(1) Говоритъ о Ладьѣ Хароновой.

ОДА IV.

(1) *Кантабрскій народъ.* Кантабрія нынѣ называемая *Бискаія* приморская область Гишпаніи, достойна примѣчанія тѣмъ, что народъ оной имѣетъ особенной языкъ, которой несходствуетъ ни съ какимъ изъ Европейскихъ.

(2) Упоминаетъ о варварскихъ берегахъ Африки.

(3) *Галессусъ.* Рѣка въ Калабріи впадающая въ Тарентинской проливъ.

(4) *Гиметской медъ.* Гора Гиметъ не подалеку отъ Аѳинъ.

(5) *Венавръ,* былъ небольшой городъ въ Италіи.

(6) *Олонъ,* гора въ Калабріи.

ОДА V.

(1) *Филиппія*, деревня въ Македоніи, недалеко отъ Салоники, построенная на развалинахъ древней Филиппіи. Знаменита побѣдой одержанной Октавіемъ и Антоніемъ надъ Брутомъ и Касіемъ.

(2) Здѣсь Горацій смѣется надъ своей трусостію смот. опытъ жизни его.

(3) Ѳракіяне почитались народомъ грубымъ, жестокимъ и большими пьяницами.

ОДА VI.

(1) *Вагій*, Лирической стихотворецъ Августова вѣка.

(2) *Старецъ жившей три вѣка*. Несторъ.

(3) *Гелоны*, народъ Славянскій жившей на берегахъ Бористена, или Днепра.

ОДА IX.

(1) *Нумансъ*, или Нуманція древней городъ въ Италіи, на развалинахъ котораго построенъ городъ *Сорія*.

(2) *Лапиды*, или Лапиты, древней воинственной народъ жившей въ Ѳесаліи на берегахъ рѣки Пенея.

(3) *Гиленъ*, Гиллусъ, Гигантъ сынъ земли давшей имя свое рѣкѣ въ малой Азіи.

(4) Упоминаетъ о супругѣ Меценатовой.

(5) *Ашемены*, народъ Персидской.

ОДА X.

(1) *Колхида*, нынѣшняя Мингрелія лежащая при берегахъ чернаго моря въ малой Азіи. — Область сія славилась въ древности многими чудесами, чародѣйствами, волшебными и ядовитыми произрастеніями.

(2) Говоря о Босфорѣ, разумѣетъ о черномъ морѣ.

ОДА XI.

(1) *Титанъ*, сынъ неба и Весты, Гигантъ возставшей противъ Сатурна и свергнутой Юпитеромъ во адъ.

(2) *Геріонъ*, сынъ Хрисаора и Каллирои, царь Эреѳейскій. Гезіодъ говоритъ о немъ яко осильнѣйшемъ человѣкѣ своего вѣка; но другія стихотворцы сдѣлали изъ него Гиганта имѣвшаго три тѣла, а для охраненія своихъ стадъ былъ у него песъ о двухъ головахъ и драконъ о семи. — Онъ былъ убитъ Геркулесомъ, равно какъ и сіи чудовищи.

(3) *Родъ Даная.* Упоминаетъ о Данаидахъ дочеряхъ Даная царя Аргоскаго, которыя въ первую ночь брака умертвили своихъ мужей.

(4) *Эоловъ сынъ.* Сизипъ.

ОДА XIII.

(1) *Мидяне*, народъ Персидской обитавшей между Гиляни и Тавристана.

(2) *Пурпуръ*, весьма дорогая краска, которой красили разныя ткани, говорятъ, что она дѣлалась изъ крови особаго рода небольшой рыбы.

ОДА XV.

(1) *Лаконія* такъ называлась часть Морей, лежащая между залива Ленандскаго и Ангіи, отъ туда доставляли въ Римъ наилучшій Пурпуръ. — Нынѣ земля сія называется *Саканія.*

(2) Дача Гораціева была въ землѣ Сабинской.

(3) *Баіа*, древней городъ въ Италіи въ Королевстѣ Неапольскомъ, многіе знатные Римляне имѣли въ ономъ свои увеселительныя домы. — Нынѣ видны тамъ однѣ развалины.

(4) Говоритъ о Харонѣ адскомъ перевозщикѣ.

ОДА XVI.

(1) *Тіадами* назывались Бакханки отъ того, что они во время праздниковъ Бахуса бѣгали по улицамъ какъ безумныя и дѣлали всякія неблагопристойности.

(2) *Пентей* сынъ Ехіона и Агавіи наслѣдовалъ предку своему въ Ѳивахъ. — Онъ желая уничтожить неблагопритсойность Бахусовыхъ празднествъ, или Оргіевъ былъ разстерзанъ Бакханками въ числѣ которыхъ находились и мать его.

ОДА. XVII.

(1) *Гордится родомъ хоть несмѣю.* Горацій никогда незабывалъ о низскости своего происхожденія. — Смот. опытъ его жизни. Но къ сему можно присовокупить и то, что онъ былъ сынъ отпущенника.

(2) *Икаръ* сынъ Дедаловъ, вознамѣрясь перелетѣть проливъ Іонической на восковыхъ крыльяхъ, упалъ и потонулъ въ ономъ, отъ чего проливъ сей названъ былъ Икарійскимъ.

КНИГА III.

ОДА I.

(1) *Фригія*, часть малой Азіи гдѣ была древняя Троя. Хотя въ оной и находятся Мраморы; но вѣроятно, что Римляне щеголяли древними мраморами собираемыми въ развалинахъ Трои.

ОДА III.

(1) Упоминаетъ о судѣ Парисовомъ.

(2) *Лаомедонъ*, сынъ Иллуса, отецъ Пріамовъ, царствовалъ въ Троѣ. — Онъ окружилъ сей городъ толь непреоборимыми стѣнами, что построеніе оныхъ приписали самому Аполлону, исдѣлалъ славную плотину препятствовавшую разлитію моря, что отнесли Нептуну; но какъ отрекся онъ дать имъ обѣщанное воздаяніе, то и былъ отъ нихъ наказанъ разными нещастіями, отъ которыхъ избавилъ его Геркулесъ; а какъ и тому отрѣкся онъ въ наградѣ, то и былъ отъ него убитъ. — Историки же говорятъ, что причиною сего было то, что онъ взялъ сокровища изъ храмовъ Аполлонова и Нептунова, употребилъ ихъ напостроеніе

стѣнъ Троянскихъ и славной своей плотины и не возвратилъ потомъ.

(3) *Ромулъ* и Ремъ, братья основавшія Римъ, сыны Марса и Весталки Реи Сильвіи, дочери Нумитора царя Альбійскаго. — Другіе же говорятъ, что они были дѣти одной Троянки прибывшей съ Енеемъ которая называлась Рома.

(4) Горацій разумѣетъ подъ симъ выгодные и богатые земли малой Азіи гдѣ находилась Троя, которые хотя положеніемъ и обиліемъ своимъ гораздо превосходнѣе Римскихъ; но могутъ вовлещи въ роскошъ, возбудить зависть и быть причиною паденія Римской Имперіи.

ОДА IV.

(1) *Ацеранца*, Ахеронтія, или Царенца древней городъ въ Неаполѣ.

(2) *Бентіцмъ*, или Бентигосло, небольшой Италіанской городъ въ Булоніи.

(3) *Ференца*, или Ференціумъ городъ въ Тосканѣ.

(4) *Пренеста*, или Палестрина городъ Италіанской въ области Римской.

(5) *Палинурскія утѣсы*. — Такъ называется мызъ въ королевствѣ Неапольскомъ.

(6) *Конкагіумъ*, или Кендаль городъ въ Англіи, довольно богатой и многолюдной.

(7) Кажется, что Горацій говоритъ здѣсь о Волгѣ, которая была извѣстна древнимъ подъ имянемъ рѣки *Ра*.

(8) *Пелїонъ*, гора въ Ѳесаліи.

(9) *Лиція*, нынѣ *Караманлія* въ Азіятской Турціи, въ полуденной части Анатоліи.

(10) *Патара*, приморской городъ въ Лиціи.

(11) *И тотъ пронзенный отъ Діанны.* Актеонъ,

(12) *Пиритоюсъ*, или Пиритой другъ Тезея, ходилъ съ нимъ во адъ дабы похитить Прозерпину; но былъ разтерзанъ Церберомъ; другіе же говорятъ вѣчно заключенъ въ оковы Плутономъ въ мѣстѣ съ Тезеемъ, котораго освободилъ Геркулесъ.

ОДА V.

(1) Марсы древней воинственной народъ жившій въ Италіи соединившейся потомъ съ Римлянами. Марсы составляли наилучшую пехоту въ Римскомъ войскѣ.

(2) *Тарентъ*, весьма пріятной городъ Италіи въ Королевствѣ Неапольскомъ.

ОДА VI.

(1) *Пакоръ* сынъ Орода Царя Парѳянскаго, родственникъ Митридатовъ, отличилъ себя побѣдою надъ Крассомъ, коего истребилъ мечемъ все войско за 53 года до Рож. I. X. Онъ принялъ сторону Помпея противъ Юлія Кесаря. Вентидій пошелъ противъ его и побѣдя лишилъ жизни, что послѣдовало за 39 лѣтъ до Р. I. X. Его недолжно смѣшивать съ Пакоромъ царемъ Парѳянскимъ другомъ Децембала царя Даковъ умершимъ въ 167 году до Рож. I. X.

ОДА VII.

(1) *Первой день Марта*, посвященъ былъ Венерѣ, и обыкновенно праздновали оной женатые люди, Горацій же во всю жизнь былъ холостымъ.

(2) *Языки оба свѣта.* То есть Греческой и Римской.

ОДА VIII.

(1) *Гипермнестра* одна изъ Данаидъ пощадившая и спасшая супруга своего Линцея.

(2) *Нумидія,* на берегу Африканскомъ, нынѣ Королевство Алжирское.

ОДА IX.

(1) Сей источникъ протекалъ въ дачѣ Горація.

ОДА X.

(1) *Спартакъ* славной боецъ или Гладіаторъ, былъ рабъ родившейся во Ѳракіи. Болѣе трехъ лѣтъ устрашалъ онъ Италію и даже Римъ. — Вспомоществуемъ Хризомъ и Епомаіемъ товарищами его рабства набралъ онъ войско состоявшее изъ невольниковъ, бѣглецовъ, бродягъ и разбойниковъ и въ 72 году до Рож. I. X. укрѣпился съ онымъ на горѣ Сервиціи, отъ коль дѣлалъ частыя набѣги и ужаснѣйшія грабительства. Преторы Валиній Глуберъ и Публій Валерій посланныя противъ него съ войскомъ были имъ побѣждены. Потомъ разбилъ онъ армію подъ начальствомъ Лентура и разсѣя станъ Кассія при Моденѣ приготовлялся идти въ Римъ; но былъ побѣжденъ и обращенъ въ бѣгство Лициніемъ Крассомъ, тутъ покусился онъ пройдти въ Сицилію; но видя невозможность погибъ въ битвѣ, сражаясь отчаянно и заплатя дорого за смерть свою

Римлянамъ. Предъ симъ сраженіемъ убилъ онъ свою лошадь и сказалъ предстоящимъ: естли я побѣжду, много будетъ у меня лошадей; а естьли буду побѣжденъ, то мнѣ во все она не нужна.

ОДА XI.

(1) *Акрисій*, Царь Аргоскій отецъ Данаи. Оракулъ предсказалъ ему, что онъ будетъ убитъ отъ внука своего, сіе принудило его заключить единую свою дочь на всегда въ башню; но Юпитеръ превратясь въ золотой дождь, достигъ къ ней и родилъ отъ нее Персея, которой повозрастѣ своемъ нечаянно лишилъ жизни дѣда своего Акрисія.

(2) *Амфіаръ*, или Амфіарусъ, или Амфіарасъ былъ сынъ Аполлона и Гиперметры, сдѣлался наконецъ Царемъ въ Аргосѣ; но какъ онъ имѣлъ даръ узнавать будущее, то и открылъ, что должно ему погибнуть въ войнѣ противъ Адраста, и сіе принудило его скрыться. — Жена его Эрифила, бывъ обольщена богатымъ ожерельемъ, открыла мѣсто гдѣ онъ таился, чемъ избылось предсказаніе его о самомъ себѣ.

(3) *Филиппъ*, Царь Македонскій отецъ Александра великаго, сдѣлалъ многія завое-

ванія; но нестолько силою оружья сколько хитростью и дарами.

ОДА XII.

(1) *Формійское Царство* было въ Неаполѣ.

ОДА XIV.

(1) *Инахъ* сынъ Океана, основалъ Царство Аргосское.

(2) *Муренъ* былъ братъ Мецената.

(3) *Берецинтою*, или Берециндою называли иногда мать боговъ Цибеллу, празнованіе которой отправлялось пѣніемъ и пляскою.

ОДА XV.

(1) *Корвій* Месалла смот. опытъ жизни Горація.

ОДА XVI.

(1) Богиня Діанна призывалась также при бракахъ и чадородствѣ.

*

ОДА XVII.

(1) *Албія*, Албусъ. — Такъ называлась цѣпь Швейцарскихъ горъ.

ОДА. XVIII.

(1) *Скиѳы* вели кочевную жизнь.

(2) *Гетты*, народъ Татарскаго поколѣнія.

ОДА XIX.

(1) *Гебръ*, или Марица, рѣка въ Романіи, протекающая подлѣ Андріанополя и въ падающая въ Архипелагское море.

(2) *Родопа*. Гора, или горы раздѣляющее Ѳракію, или нынѣтнію Румелію отъ Македоній.

ОДА XXI.

(1) Говоритъ о примѣтахъ и суеверіяхъ употреблявшихся въ Римѣ.

(2) *Ланцвія*, или Ланувіумъ городъ въ Лаціи на дорогѣ Аппіенской.

(3) *Путь изъ вратъ слоновой кости*. По суевѣрію древнихъ, Морфей богъ сна являлъ двоякія сновидѣнія, однѣ збывающіеся; а другія ложные и сіи послѣднія вылетали изъ вратъ слоновой кости.

ОДА XXIII.

(1) *Эзула холмы.* Такъ назывались иногда семь холмовъ накоторыхъ построенъ Римъ.

(2) *Телегонъ*, сынъ Улисса и Цирцеи, убилъ своего отца согласно предвѣщанію Оракула и женился потомъ на Пенелопѣ своей мачихѣ, отъ которой имѣлъ сына Италуса, давшаго имя свое Италіи. Нѣкоторые думаютъ, что Телегонъ по смерти его отца удалился съ Пенелопою изъ Итаки въ тѣ мѣста гдѣ нынѣ Римъ.

(3) *Цефей*, Царь Еѳіопскій, сынъ Феникса, супругъ Кассіопы и отецъ Андромеды, былъ изъ числа Аргоновтовъ и посмерти превращенъ въ созвѣздіе.

(4) *Проціонъ*, созвѣздіе состояще изъ трехъ звѣздъ, являющихся предъ псомъ, или каникулами. — Говорятъ будто бы вовремя Августа явилось оное одинатцатью днями преждѣ Каникулъ.

(5) *Бактріяне*, народъ Персидской. Бактріянія называется нынѣ Хоросанъ и граничитъ съ одной стороны съ Каспійскимъ моремъ.

(6) *Церы*, народъ восточной, обитавшей къ сторонѣ Индіи.

(7) *Тиръ*, городъ въ Сиріи, нынѣ называется *Сиръ*, оной былъ въ древности весьма знаменитъ своей торговлей.

ОДА XXIV.

(1) *Аufидъ*, или Ауфидусъ, нынѣ называется Оффанто, рѣка раздѣляющая Капитанату отъ Бари въ Королевствѣ Неапольскомъ.

(2) *Давнъ*, или Давнусъ, сынъ Пилумна и Данаи, пришелъ изъ Илиріи въ Апулію, имѣлъ сына котораго также называли Давномъ, женившагося на Вениліи, отъ коего родился Турнъ Царь Рутульскій.

КНИГА IV.

ОДА I.

(1) *Химера*, чудовище отрыгавшее пламень убитое Белерофонтомъ.

(2) *Дирце*. — Источникъ не далеко отъ Ѳивовъ, что въ Беоціи. — Амфіонъ назывался Дирцейскимъ потому, что онъ былъ сынъ Дирцей супруги Лика, или Ликуса превращенной въ источникъ сего имяни; а потомъ называли Пиндара Дирцейскимъ лебедемъ.

(3) *Сикамбры*, народъ Сицилскій.

ОДА II.

(1) *Игры Истмическія*, такъ названы отъ *Истма*, или Мыса Коринѳскаго, на которомъ оные отправлялись въ честь Нептуну и учреждены были Тезеемъ, какъ о томъ упоминаетъ Плутархъ.

(2) *Эолія*, называлась часть Архипелагскихъ островов. *Эолійскія стихи*, значутъ, что Горацій въ стихахъ своихъ подражалъ Греческимъ стихотворцамъ.

ОДА III.

(1) *Венделиціянѣ*, народъ жившей на берегахъ Дуная и простиравшей свои набѣги до горъ Алпійскихъ и далѣе.

(2) *Метавра*, рѣка въ Италіи въ падающая въ Венеціянской заливъ.

(3) *Авзонія*, древнее имя Италіи.

ОДА IV.

(1) Г. Ломоносовъ помѣстилъ сію мысль, или лучше сказать перевелъ некоторые стихи Оды сей, въ Одѣ своей къ Императору Петру III на прибытіе его изъ Голштиніи.

Какъ мать стенаньемъ и слезами
Крушится о сынѣ своемъ,

Что онъ противными вѣтрами
Отъ гнанъ, живетъ въ краю чужемъ. и пр

(2) *Иберіей* называлась въ древности нынѣшняя Грузія; но часто подъ симъ имянемъ разумѣлись Грузія, Имеретія и Мингрелія, хотя сія послѣдняя въ особенности извѣстна была подъ имянованіемъ Колхиды.

ОДА V.

(1) *Ніова*, дочь Тантала, сестра Пелопса, супруга Амфіона Царя Ѳивскаго; имѣла много дѣтей, чемь гордилась и пренебрегла Латону. Дѣти ея были побиты стрѣлами Аполлона и Діанны; а она превращена въ марморъ.

(2) *Ксантъ*, источникъ при горѣ Идѣ, что въ Мисіи.

ОДА VI.

(1) *Гипполитъ*, сынъ Аѳинскаго Царя Тезея убитой своими лошадьми. — Діанна любила его за чистоту нравовъ и заприязанность къ звѣриной ловлѣ.

ОДА VII.

(1) *Треноги*, на которыхъ древніе въ праздничныя дни вѣшали конобы, или котлы наполненные виномъ и черпая изъ оныхъ подавали гостямъ. Сіи Триноги были по боль-

шой части серебряныя, высокой работы съ разными изображеніями, равно какъ и Конобы, или котлы. Два подобные симъ въ 1812 году найдены были въ Молдавіи въ землѣ, на одномъ изъ конобовъ изображена была чеканной работой повѣсть Актеона, а на другомъ Дафны и Аполлона. Сіи Конобы и треноги были серебреныя и отосланы въ хранилище государственныхъ рѣдкостей въ С. Петербургъ.

(2) Говоришъ о самомъ себѣ.

ОДА IX.

(1) *Афродита*, или Венера.

ОДА X.

(1) *Венеринъ мѣсяцъ*. — Такъ назывался мѣсяцъ Мартъ.

ОДА XI.

(1) *Итисъ*, сынъ Терея Царя Ѳракійскаго и Прогны, или Прогнеи, мстя за сестру свою Филомеллу убилъ мать свою, которая превращена была потомъ въ *Ласточку*.

(2) *Нардійской Ониксъ*. Рюмка или бокалъ сдѣланной изъ слоистаго Агата.

ОДА XIII.

(1) *Бренты*, народъ. Брента Княжество, нынѣ Графство Брайна, что въ Австріи.

(2) *Реты*, Рети, или Гризоны. Такъ называлась вся Швейцарія.

(3) *Александріанѣ*, жители города Александріи, что въ Египтѣ.

(4) Во время Августа и гораздо послѣ его, начало Нила было неизвѣстно. — А нынѣ знаютъ, что рѣка сія начинается при одной горѣ въ Абисиніи, въ Королевствѣ Гаіамскомъ, въ землѣ имянуемой *Агусъ*.

ОДА XIV.

(1) Древнія называли рѣку Донъ Танаисомъ.

КНИГА V.

ЭПОДА I.

(1) *Ливурна*, такъ назывался особой родъ легкаго судна изобретеннаго въ Ливурнѣ, или Ливорнѣ.

(2) *Луканія*, нынѣ Базиликанта, провинція въ Неаполѣ между Капитанаты и Калабріи.

(3) *Тускуланъ*, или Тускуламъ, нынѣ Фраскати, городъ красивой своимъ мѣстоположеніемъ неподалеку отъ Рима.

II.

(1) *Терминъ*, Богъ границъ и межей. — Ему закалали жертвы и предпочтительно козловъ и овецъ, коимъ случилось быть въ опасности отъ звѣрей, и коимъ приписывали спасеніе ихъ бдительности сего Бога; оныхъ хранили всегда для дня праздника его. Занимающіеся скотоводствомъ знаютъ, что бываютъ такія овцы, а паче козлы которые любятъ отлучатся отъ стада и тѣмъ подвергаютъ себя опасности, — Древніе поскорѣе ихъ рѣзали, чтобъ въ мѣсто Термина, небыли онѣ жертвою волковъ.

III.

(1) *Канидія*, была извѣстная волшебница, или чародѣйка въ Римѣ.

IV.

(1) *Законъ Оттона*, позволялъ только однимъ Патрикіямъ, или стариннымъ Римскимъ дворянамъ занимать первыя мѣста въ Ѳеатрѣ.

V.

(1) Въ сей Эподѣ изображаетъ Горацій суевѣрія и вредныя дѣла чародѣекъ его времяни.

(2) *Пурпуръ*, означалъ благородное произхожденіе.

(3) *Іолкосъ*, городъ въ Өесаліи при заливѣ *Воло*.

(4) Жители Неаполя почитались великими суевѣрами.

(5) *Діанна* призывалась также и во время колдовства.

(6) *Тіестъ*, или Өіестъ, сынъ Пелопса и Гипподаміи, братъ Атрея Царя Аргоскаго, похитилъ унего златоруннаго овна и подареннаго ему Меркуріемъ, и въ дополненіе неистовства своего развратилъ жену его Эрту, дочь Евристея, отъ которой имѣлъ дѣтей. Послѣ многихъ продолжительныхъ за сіе ссоръ, братъ его Атрей предложилъ ему миръ и когда Тіестъ прибылъ къ нему, то Атрей велелъ убить его дѣтей отъ жены своей, и тѣла ихъ приготовить въ пищу. Тіестъ узнавъ о семъ, сказалъ ему самыя жесточайшія укоризны, удалился и продолжалъ питать вѣчную вражду.

(7) *Гора Эсквилина*, въ Римѣ гдѣ послѣ казни повергали тѣла преступниковъ.

VI.

(1) *Ликамбъ* былъ родомъ изъ острова Пароса, отецъ Неовулы, онъ обѣщалъ вы-

дать ее за стихотворца Архилока; но потомъ отказалъ. Стихотворецъ сей сочинилъ противъ его толь сильныя стихи, что онъ умеръ съ досады.

(2) *Бупалусъ*, или Бупалъ, славной ваятель, сдѣлалъ истуканъ стихотворца Гипонакса весьма въ смѣшномъ видѣ; а сей въ отмщеніе написалъ на него толь ѣдкую Сатиру, что тотъ съ досады удавился.

VII.

(1) *Ромулъ* основатель города Рима убилъ брата своего Рема, какъ нѣкторые повѣствуютъ.

VIII.

(1) *Актіумъ. Превеска Вехxія*, что въ Албаніи.

(2) *Нептуновъ мнимый сынъ* Антоній.

(3) *Чужой жены принять законъ.* Говоритъ о Клеопатрѣ.

(4) Крассъ.

(5) Сципіонъ.

IX.

(1) *Святотатственный флотъ.* Аяксъ похитилъ изъ Илліона Палладіумъ, или статую Минервы, которая увезена была потомъ на его корабляхъ.

X.

(1) *Кентавръ*, Хиронъ наставникъ Ахиллесовъ.

XI.

(1) *Марсы*, такъ назывались пѣхотные Римскіе воины. Марсы, былъ также народъ жившей въ Италіи, которой во времяна первыхъ Римскихъ Царей, то есть, Ромула и Нумы велъ войны противъ Римлянъ, а потомъ соединился въ оными.

(2) Порсена Царь Этрурскій, что нынѣ Тоскана, осадилъ Римъ въ 507 году до Рож. I. X. дабы возвести паки на престолъ изгнаннаго Римлянами Царя ихъ Тарквинія. Сія осада довела Римлянъ до совершенной крайности; но храбростію Клелія, Горація Коклеса и Муція Севолы были они спасены. Порсена отступилъ и умеръ вскорѣ потомъ.

(3) *Капуя*, былъ прекраснѣйшій городъ въ Италіи, не уступающей красотою Риму; но роскошъ была въ ономъ столь велика, что войски Аннибаловы вступя въ оной развратились и отъ того ослабели.

(4) *Аллоброги*. Дофине и Савоя, что во Франціи.

(5) *Фосія*, былъ городъ въ нынѣшней Швабіи.

(6) *Падусъ.* По, рѣка въ Италіи имѣющая свое начало въ Піемонтѣ при горѣ Визо.

(7) *Горы Апенинскіе,* простирающееся чрезъ всю Италію начиная отъ горъ Альпійскихъ.

XII.

(1) *Нерея славный внукъ* Ахиллесъ, онъ ранилъ смертельно въ бою Телефа и потомъ самъ вылечилъ, чтобъ имѣть его на своей сторонѣ противъ Троянъ.

(2) *Стезихоръ* лирической стихотворецъ Греціи, родился въ городѣ Гимерѣ, что въ Сициліи и процвѣталъ за 536 лѣтъ до Рож. І. Х. Павзаній повѣствуетъ о немъ баснословно, что онъ былъ лишенъ зрѣнія за то, что оскорбилъ стихами своими Елену и что паки обрелъ оное воспѣвъ ея похвалу. До насъ достигли только нѣкоторые отрывки его сочиненіи.

(3) *Коцита,* Cocytia Virgo, или Алектонъ, одна изъ Фуріевъ.

(4) *Эротъ,* или Эросъ, такъ называли иногда Купидона сына Юпитера и Венеры.

(5) *Отецъ Пелопса.* Танталъ.

XIV.

ПОЭМА НА НОВОЕ СТОЛѢТІЕ.

(1) Римъ построенъ былъ на семи холмахъ.

(2) *Иллитія*, *Лицина*, такъ называли Діанну призываемую при бракахъ и дѣтородствѣ.

(3) *Етрурія*, нынѣ Тоскана.

(4) Эней былъ сынъ Анхиза и Венеры.

(5) Аполлонъ почитался богомъ гадателей и врачебной науки.

(6) Квиндецимвиры были чиновники высокаго значенія, онѣ хранили книги Сивилловъ и имъ однимъ только позволялось читать оные. Тацитъ былъ въ числѣ оныхъ, и говоритъ, что при торжествованіи новаго столѣтія исполняли они особенныя молитвенныя обряды; но въ чемъ точно таковыя состояли того необъясняетъ.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Конецъ первой части.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Напечатано*	*Читай.*
	здѣлаемъ	сдѣлаемъ.
3.	Грацій	Горацій.
21.	по неволѣ	по волѣ.
37.	восполяетъ	воспаляемъ.
—	различны	различены.
39.	dalla	dulla
42.	збогатятъ	богатятъ.
163.	И Сирискіе.	И Сирскіе
165.	ои	кои
180.	Варварству	Варварства
181.	надгоробнымъ	надгробнымъ.
185.	спѣши	спѣшитъ.
187.	страшись	страшась
193.	Кордъ	Кодръ
294.	къ восхищеньѣ	въ восхищеньѣ.
—	злотою	златою
198.	Н насѣкомыя	И насѣкомыя.
200.	друхъ,	двухъ.
107.	Путь	208 пусть.
—	Щастливая.	Щастлива
209.	явлетъ	являетъ.
223.	Тирбскихъ	Тибрскихъ.
353.	бѣдны	блѣдны.
—	развернувъ	разверзнувъ.
269.	Не знай	Но знай.
293.	Конидія.	Канидія
307.	учаныхъ	ученыхъ.
325.	убитый на войнѣ противъ.	Погибшій отъ
332.	Находились	Находилась.